A-PDF Merger DEMO : Purchase from www.A-PDF.com

А.Н. ОСТРОВСКИЙ

ПЬЕСЫ

А.Н. ОСТРОВСКИЙ

ПЬЕСЫ

Т-96.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1982

84 Р 1
О 77

Азербайджанская ССР

Островский А. Н.
О 77 Пьесы.— М.: Правда, 1982.—399 с.

В настоящий сборник пьес великого русского драматурга А. Н. Островского (1823—1886) вошли его наиболее известные произведения: «Гроза», «Бесприданница», «Таланты и поклонники» и др.

О $\frac{4702010000-192}{080(02)-82}$ 192—82

84Р1

A'liniyaz adı'ndag'ı ... informaciyalı'q resurs ...
INVENTAR № 104898

ПЬЕСЫ

ГРОЗА

Драма в пяти действиях

Лица

Савел Прокофьевич Дикой, купец, значительное лицо в городе[1]

Борис Григорьевич, племянник его, молодой человек, порядочно образованный

Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.

Тихон Иваныч Кабанов, ее сын.

Катерина, жена его.

Варвара, сестра Тихона.

Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.

Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик Дикова.

Шапкин, мещанин.

Феклуша, странница.

Глаша, девка в доме Кабановой.

Барыня с двумя лакеями, старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.

Городские жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3 и 4 действиями проходит 10 дней.

[1] Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски. *(Прим. А. Н. Островского.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин *(поет)*. «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» *(Перестает петь.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нешто!

Кулигин. Восторг! А ты: «нешто»! Пригляделись вы либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик [1]!

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Все одно.

Молчание.

Кулигин *(показывая в сторону)*. Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дикой племянника ругает.

Кулигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он и воюет!

[1] Антик — здесь: необыкновенный человек; химик — здесь: тонкий специалист.

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин. Недаром он хотел тебя и солдаты-то отдать.

Кудряш. Хотел, да не отдал, так это все одно что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли!

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.

Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш. Ну, вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин. А то что бы?

Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Дикой и Борис. Кулигин снимает шапку.

Шапкин *(Кудряшу)*. Отойдем к стороне: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дикой и Борис.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Лармоед! Пропади ты пропадом!

Кудряш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Шапкин. Одно слово: воин!

Кудряш. Еще какой воин-то!

Борис. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

Кудряш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге, на перевозе, гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Борис. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

Кулигин. Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

Кудряш. Пойдем, Шапкин, в разгул. Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Борис. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

Кулигин. И не привыкнете никогда, сударь.

Борис. Отчего же?

Кулигин. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу, да и говорит: «Стоит ли, ваше

высокоблагородие, нам с вами об таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить...

Борис. А вы умеете стихами?

Кулигин. По-старинному, сударь. Почитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За ваше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Кабанов. То все приставала. «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого!» А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

Варвара. Так нешто она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. *(Отворачивается.)*

Кабанов. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

Варвара. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

Кабанов. Ну, а что?

Варвара. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов. Угадала, брат.

Катерина. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов. Уж как не знать!

Варвара. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов. Я мигом. Подождите! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Катерина и Варвара.

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара *(глядя в сторону)*. Разумеется, жалко.

Катерина. Так ты, стало быть, любишь меня? *(Крепко целует.)*

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то!

Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

Варвара. Что?

Катерина. Отчего люди не летают!

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица

Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? *(Хочет бежать.)*

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*. Какая я была резвая! Я у нас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала, что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы — у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Такова хорошо было!

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина. Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану — у нас тоже везде лампадки горели — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила — не знаю: ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горами, деревьями не то

INVENTAR № 104898
«___» _____ 20___ r.

кис, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина *(помолчав)*. Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина *(берет ее за руку)*. А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

Варвара. Что с тобой? Здорова ли ты?

Катерина. Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты — девушка.

Варвара *(оглядываясь)*. Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара. Говори, нужды нет!

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты почем знаешь?

Варвара. Еще бы не знать!..

Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

Варвара. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

Катерина. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

Варвара. Что ты! Что с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

Катерина. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!

Варвара. Чего ты так испугалась?

Катерина. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

Варвара. А вот погоди, там увидим.

Катерина. Нет, нет и не говори мне, я и слушать не хочу!

Варвара. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит барыня с палкой и два лакея в треугольных шляпах сзади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и барыня.

Барыня. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. *(Показывает на Волгу.)* Вот, вот, в самый омут!

Варвара улыбается.

Что смеетесь? Не радуйтесь! *(Стучит палкой.)* Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой! *(Уходя.)* Вон, вон куда красота-то ведет! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Катерина. Ах, как она меня испугала! я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся,— грозит на них палкой да кричит *(передразнивая)*: «Все гореть в огне будете!»

Катерина *(зажмуриваясь)*. Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина. Боюсь, до смерти боюсь! Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара *(оглядываясь)*. Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

Катерина *(с ужасом)*. Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара. Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина. А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного; а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

Варвара. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина. Да все-таки лучше, все покойнее; дома-то я к образам да богу молиться!

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!

Гроза

Ах!

Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идет. *(Кабанову)*. Беги скорей!

Гром

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в доме Кабановых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит)

Феклуша. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Глаша. Хозяина в дорогу собираю.

Феклуша. Аль едет куда свет наш?

Глаша. Едет.

Феклуша. Надолго, милая, едет?

Глаша. Нет, ненадолго.

Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша. Да она у вас поет когда?

Глаша. Не слыхать что-то.

Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо поет-то!

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стяну ла б чего.

Глаша. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеп-

лете, что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы всё ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.

Феклуша. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Глаша. Отчего ж к вам так много?

Феклуша. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть, точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну так что ж! По немощи моей господь посылает.

Глаша. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Феклуша. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земли, где все люди с песьими головами.

Глаша. Отчего ж так, с песьими?

Феклуша. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Глаша. Прощай!

Феклуша уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входит Катерина и Варвара

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара *(Глаше)*. Тащи узлы-то в кибитку, лошади присхали. *(Катерине.)* Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось; вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.

Глаша уходит.

Катерина. И никогда не уходится.

Варвара. Отчего же?

Катерина. Такая уж я зародилась горячая. Я еще лет шести была, не больше, так что сделала. Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я выбежала на Волгу, села в лодку, да и оттолкнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

Варвара. Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина. Как не поглядывать!

Варвара. Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина. Нет, смеялась только.

Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень.

Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь одного человека.

Катерина *(с испугом)*. По чем же ты заметила?

Варвара. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли...

Катерина *(потупившись)*. Ну, кого же?

Варвара. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

Катерина. Нет, назови! По имени назови!

Варвара. Бориса Григорьевича.

Катерина. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога...

Варвара. Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.

Катерина. Обманывать-то я не умею; скрыть-то ничего не могу.

Варвара. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

Катерина *(после непродолжительного молчания, потупившись)*. Ну так что ж!

Варвара. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

Катерина *(потупившись еще более)*. Где же видеться! Да и зачем...

Варвара. Скучный такой...

Катерина. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

Варвара. Да не думай, кто ж тебя заставляет?

Катерина. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать; да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

Варвара. Ты какая-то мудреная, бог с тобой! А по-моему: делай что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да, что сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю.

Варвара. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

Катерина. А что мне! Я уйду, да и была такова.

Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостылет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина. Ну зачем, Варя?

Варвара. Да нешто не все равно?

Катерина. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.

Варвара. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

Катерина. Все как-то робко! Да я, пожалуй.

Варвара. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

Катерина *(смотря на нее)*. Зачем же тебе нужно?

Варвара *(смеется)*. Будем там ворожить с тобой.

Катерина. Шутишь, должно быть?

Варвара. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

Катерина. Где ж это Тихон-то?

Варвара. На что он тебе?

Катерина. Нет, я так. Ведь скоро едет.

Варвара. С маменькой сидят, запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

Катерина. За что же?

Варвара. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело! Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

Катерина. И на воле-то он словно связанный.

Варвара. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят Кабанова и Кабанов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Кабанова и Кабанов.

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

Кабанов. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади приехали, проститься тебе только, да и с богом.

Кабанов. Да-с, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

Кабанов. Чего изволите-с?

Кабанова. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза в землю

Кабанов. Да она, чай, сама знает.

Кабанова. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли все исполнила.

Кабанов *(становясь против Катерины)*. Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

Кабанов. Не груби!

Кабанова. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

Кабанов. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать!

Кабанова. Чтоб сложа ручки не сидела, как барыня!

Кабанов. Работай что-нибудь без меня!

Кабанова. Чтоб в окна глаз не пялила!

Кабанов. Да, маменька, когда ж она...

Кабанова. Ну, ну!

Кабанов. В окна не гляди!

Кабанова. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя!

Кабанов. Да что ж это, маменька, сй-богу!

Кабанова *(строго)*. Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. *(С улыбкой.)* Оно все лучше, как приказано-то.

Кабанов *(сконфузившись)*. Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него

Кабанова. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабанов и Катерина (стоит как будто в оцепенении).

Кабанов. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

Катерина *(после непродолжительного молчания, покачав головой)*. Нет!

Кабанов. Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина *(все в том же состоянии, слегка покачав головой)*. Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

Кабанов. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай. Ну, прощай, Катя!

Катерина *(кидаясь на шею мужу)*. Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

Кабанов. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

Катерина. Ну, бери меня с собой, бери!

Кабанов *(освобождаясь из ее объятий)*. Да нельзя!

Катерина. Отчего же, Тиша, нельзя?

Кабанов. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то, а ты еще навязываешься со мной.

Катерина. Да неужели же ты разлюбил меня?

Кабанов. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина, всю жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов эких на ногах нет, так до жены ли мне?

Катерина. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

Кабанов. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой останешься.

Катерина. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! *(Плачет).* Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

Кабанов. Да полно ты!

Катерина *(подходит к мужу и прижимается к нему).* Тиша, голубчик, кабы ты остался либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого! *(Ласкает его.)*

Кабанов. Не разберу я тебя, Катя. То от тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то так сама лезешь.

Катерина. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

Кабанов. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

Катерина. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...

Кабанов. Какую клятву?

Катерина. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

Кабанов. Да на что ж это?

Катерина. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

Кабанов. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

Катерина *(падая на колени).* Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я...

Кабанов *(поднимая ее).* Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»

Входят Кабанова, Варвара и Глаша.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова. Ну, Тихон, пора! Поезжай с богом! *(Садится.)* Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встает, и все встают.)*

Кабанов *(подходя к матери).* Прощайте, маменька!

Кабанова *(жестом показывает на землю).* В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женою!

Кабанов. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

Кабанова. Что на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж — глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

Кабанов. Прощай, сестрица! *(Целуется с Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Целуется с Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

Кабанова. Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кабанова *(одна).* Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеять-

ся-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

Кабанова. Хитрость-то не великая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах-то только. Ну, я богу молиться пойду; не мешайте мне.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково)*. А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Катерина *(одна, задумчиво)*. Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать — ангелы ведь это. *(Молчание.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. *(Задумывается.)* А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обе-

щанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня богу помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрывает голову платком перед зеркалом)*. Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. *(Подает ключ.)* Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина *(с испугом, отталкивая ключ)*. На что! На что! Не надо, не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Катерина *(одна, держа ключ в руках)*. Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право, сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. *(Подумав.)* Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада: так очертя голову и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горчее покажется. *(Молчание.)* А горька неволя, ох как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть и теперь! Живу — маюсь, просвету себе не ви-

жу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. *(Задумчиво смотрит на ключ.)* Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. *(Прислушивается.)* Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. *(Прячет ключ в карман.)* Нет!.. Никого! Что я так испугалась! И ключ спрятала... Ну, уж, знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да, может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена 1-я

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кабанова и Феклуша сидят на скамейке.

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве: бегает народ взад да вперед неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит: торопится, бедный: людей не узнает, ему мерещится, что его манит некто; а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то ведь она вроде тумана бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за вороты-то выдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то ведь грохот идет; стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

Кабанова. Слышала я, милая.

Феклуша. А я, матушка, так своими глазами видела: конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так *(растопыривает пальцы)* делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

Кабанова. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Феклуша. Что за крайности, матушка! Сохрани господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высокопревысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете, кто. И делает он руками, как будто сыпет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы[1] сыпет, а народ днем в сусте-то в своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют, да как будто они что потеряли, либо чего ищут; в лице печаль, даже жалко.

Кабанова. Все может быть, моя милая! В наши времена чего дивиться!

Феклуша. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

---

[1] Плевелы — сорные травы, растущие среди хлебных злаков. Иносказательно: что-нибудь вредное, дурное.

поры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пикнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну, да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часик-другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара!

Показываются Кудряш и Варвара. Целуются.

Борис. Целуются.

Кулигин. Это у нас нужды нет.

Кудряш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Борис, Кулигин и Варвара.

Кулигин. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Борис. Хорошо, я сейчас приду.

Кулигин уходит.

Варвара *(закрываясь платком)*. Знаешь овраг за Кабановым садом?

Борис. Знаю.

Варвара. Приходи туда ужо попозже.

Борис. Зачем?

Варвара. Какой ты глупый! Приходи, там увидишь зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Борис уходит.

Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. *(Уходит в ворота.)*

Сцена 2-я

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху забор сада Кабановых и калитка; сверху тропинка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кудряш *(входит с гитарой)*. Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. *(Садится на камень.)* Да со скуки песенку споем. *(Поет.)*

Как донской-то казак, казак вел коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит,
У ворот стоит, сам он думу думает,
Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу взмолилася,
Во скорй-те ноги ему поклонялася:
Уж ты, батюшка, ты ли мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай успуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам.

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кудряш и Борис.

Кудряш *(перестает петь)*. Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.

Борис. Кудряш, это ты?

Кудряш. Я, Борис Григорьич!

Борис. Зачем это ты здесь?

Кудряш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. Вас куда бог несет?

Борис *(оглядывая местность)*. Вот что, Кудряш: мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

Кудряш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь мне в первый раз, а у меня уж тут место насиженное, и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов; а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Борис. Что с тобой, Ваня?

Кудряш. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги перелома-

ют. Я за свою... ла я и не знаю, что сделаю! Горло перерву!

Борис. Напрасно ты сердишься: у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

Кудряш. Кто ж велел?

Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

Кудряш. Кто ж бы это такая?

Борис. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

Кудряш. Говорите, не бойтесь! У меня все одно что умерло.

Борис. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое...

Кудряш. Полюбили, что ль, кого?

Борис. Да, Кудряш.

Кудряш. Ну, что ж, это ничего. У нас насчет этого слободно. Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Борис. То-то и горе мое.

Кудряш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Борис. Замужнюю, Кудряш.

Кудряш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Борис. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, все равно: ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Уж я коли полюбил...

Кудряш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Борис. Сохрани господи! Сохрани меня, господи! Нет, Кудряш, как можно! Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.

Кудряш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Борис. Ах, не говори этого, Кудряш! пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряш. А она-то вас любит?

Борис. Не знаю.

Кудряш. Да вы видались когда аль нет?

Борис. Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится.

Кудряш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Борис. Она, Кудряш.

Кудряш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем поздравить!

Борис. С чем?

Кудряш. Да как же! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Борис. Так неужто она велела?

Кудряш. А то кто же?

Борис. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

Кудряш. Что с вами?

Борис. Я с ума сойду от радости.

Кудряш. Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите, себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

Варвара выходит из калитки.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Варвара, потом Катерина.

Варвара *(у калитки поет).*

За реко́ю, за быстрою мой Ваня гуляет,
Там мой Ванюшка гуляет...

Кудряш *(продолжает).*

Товар закупает.

(Свищет.)

Варвара *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису).* Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу.

Кудряш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой, и уходят.

Борис. Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свидания! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот какое у меня сердце глупое, раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

Катерина тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза и землю. Молчание.

Это вы, Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руку.)*

Катерина *(с испугом, но не подымая глаз)*. Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Борис. Не сердитесь!

Катерина. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Борис. Не гоните меня!

Катерина. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски...

Борис. Вы сами велели мне прийти...

Катерина. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!

Борис. Лучше б мне не видать вас!

Катерина *(с волнением)*. Ведь что я себе готовлю. Где мне место-то, знаешь ли?

Борис. Успокойтесь! *(Берет ее за руку.)* Сядьте!

Катерина. Зачем ты моей погибели хочешь?

Борис. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда я люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

Катерина. Нет, нет! Ты меня загубил!

Борис. Разве я злодей какой?

Катерина *(качая головой)*. Загубил, загубил, загубил!

Борис. Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!

Катерина. Ну как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Борис. Ваша воля была на то.

Катерина. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Борис *(обнимает Катерину)*. Жизнь моя!

Катерина. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!

Борис. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

Катерина. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Борис. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня...

Катерина. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Борис. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

Катерина. Э! Что меня жалеть, никто виноват — сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Борис. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

Катерина. И то! Надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.

Борис. А я было испугался, я думал, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь)*. Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.

Борис. Я и не знал, что ты меня любишь.

Катерина. Давно люблю. Словно на грех ты к нам

приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борис. Надолго ль муж-то уехал?

Катерина. На две недели.

Борис. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

Катерина. Погуляем. А там... *(Задумывается.)* Как запрут на замок, вот смерть! А не запрут, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят Кудряш и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Кудряш и Варвара.

Варвара. Ну что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Борис. Сладили.

Варвара. Пошли бы погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Борис и Катерина уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.

Кудряш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата оченно способно.

Варвара. Все я.

Кудряш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?..

Варвара. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

Кудряш. А ну, на грех?

Варвара. У нее первый сон крепок: вот к утру, так просыпается.

Кудряш. Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

Варвара. Ну так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди, в беду попадешь.

Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

(Зевая.) Как бы это узнать, который час?

Кудряш. Первый.

Варвара. Почем ты знаешь?

Кудряш. Сторож в доску бил.

Варвара *(зевая)*. Пора. Покрички! Завтра мы пораньше выдем, так побольше погуляем.

Кудряш *(свищет и громко запевает)*.

Все домой, все домой!
А я домой не хочу.

Борис *(за сценой)*. Слышу!

Варвара *(встает)*. Ну, прощай! *(Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.)* Завтра смотрите приходите пораньше! *(Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.)* Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидитесь. *(Зевает и потягивается.)*

Вбегают Катерина, за ней Борис.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кудряш, Варвара, Борис и Катерина.

Катерина *(Варваре)*. Ну, пойдем, пойдем! *(Всходят по тропинке, Катерина оборачивается.)* Прощай!

Борис. До завтра.

Катерина. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи! *(Подходит к калитке.)*

Борис. Непременно.

Кудряш *(поет под гитару)*.

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-люли, до поры,
До вечерней до зари.

Варвара *(у калитки)*.

А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-люли, до поры,
До утренней до зари!

(Уходит.)

Кудряш.

Как зорюшка занялась,
А я домой подалась
и т. д.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты; за арками берег и вид на Волгу.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками.

1-й. Дождь накрапывает, как бы гроза не собралась?

2-й. Гляди, сберется.

1-й. Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Женщина. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1-й. Попрячутся куда-нибудь.

2-й. Глядя, что теперь народу сюда набьется!

1-й *(осматривая стены)*. А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.

2-й. Ну да, как же! Само собой, что расписано было. Теперь, вишь ты, все впусте оставлено[1], развалилось, заросло. После пожару так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1-й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было; довольно затруднительно это понимать.

2-й. Это геенна огненная.

1-й. Так, братец ты мой!

2-й. И едут туда всякого звания люди.

1-й. Так, так, понял теперь.

2-й. И всякого чину.

1-й. И арапы?

2-й. И арапы.

[1] Впусте оставлено — то есть в запустении.

1-й. А это, братец ты мой, что такое?

2-й. А это Литовское разорение. Битва! видишь? Как наши с Литвой бились.

1-й. Что ж это такое Литва?

2-й. Так она Литва и есть.

1-й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2-й. Не умею тебе сказать. С неба так с неба.

Женщина. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1-й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно.

Входят Дикой и за ним Кулигин без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дикой и Кулигин.

Дикой. Иш ты, замочило всего. *(Кулигину.)* Отстань ты от меня! Отстань! *(С сердцем.)* Глупый человек!

Кулигин. Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Дикой. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигин. Да хоть бы для вас, ваше степенство Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой, столбик каменный *(показывает жестами размер каждой вещи)*, дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую *(показывает жестом)*, простую самую. Уж я все это прилажу, и цифры вырежу уже все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочие, которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят туда наши виды смотреть, все-таки украшение — для глаз оно приятней.

Дикой. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — ровный, что ли? Ишь ты

Се-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда.

Машет рукой, Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Борис. А что?

Варвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис. Нет, я не знал.

Варвара. Она просто сама не своя сделалась.

Борис. Видно, только я и пожил десять деньков, пока его не было. Уж теперь и не увидишь ее!

Варвара. Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и я боюсь.

Борис. Чего же ты боишься?

Варвара. Ты ее не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел наделает, что...

Борис. Ах, боже мой! Что же делать-то? Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужели уж нельзя ее уговорить?

Варвара. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Борис. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

Варвара. А вот что: бухнет мужу в ноги, да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Борис *(с испугом)*. Может ли это быть!

Варвара. От нее все может быть.

Борис. Где она теперь?

Варвара. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да

нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удары грома.

Никак, гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1-й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Женщина. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.

Катерина *(вбегая)*. Ах! Варвара! *(Хватает ее за руку и держит крепко.)*

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Смерть моя!

Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

Катерина. Нет! Не могу. Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова *(входя)*. То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему, страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные? Все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почем знаешь? Чужая душа потемки.

Кабанов *(шутя)*. Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов *(шутя)*. Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься: нет, шалишь! Все знаю!

Катерина *(смотрит в глаза Кабанову)*. Голубчик мой!

Варвара. Ну что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело.

Борис выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

Катерина *(вскрикивает)*. Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина *(Варваре)*. Чего ему еще надо от меня?.. Иль ему мало этого, что я так мучаюсь. *(Приклонясь к Варваре, рыдает.)*

Варвара *(громко, чтобы мать слышала)*. Мы с ног сбились, не знаем, что делать с ней; а тут еще посторонние лезут! *(Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)*

Кулигин *(выходит на середину, обращаясь к толпе)*. Ну чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас все гроза! Северное сияние загорится — любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «С полночных стран встает заря»! А вы ужасаетесь да придумываете, к войне это или к мору. Комета ли идет — не отвел бы глаз! красота! звезды-то уж приглядались, всё одни и те же, а это обновка; ну смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борис. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Бориса и Кулигина.

Кабанова. Ишь каки рацеи развел[1]! Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Женщина. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

[1] Рацеи развел — то есть произнес длинное назидательное рассуждение, наставление, поучение (от *лат.* ratio — речь).

1-й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая!

2-й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет. Верно тебе говорю: потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь: потому, смотри! какой цвет необыкновенный!

Катерина *(прислушиваясь)*. Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов. Известно: так городят зря, что в голову придет.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина *(мужу)*. Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара *(Катерине, тихо)*. Ты уж хоть молчи-то!

Кабанов. Ты почем знаешь?

Катерина. Меня убьет. Молитесь тогда за меня.

Входит барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и барыня.

Барыня. Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колют друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые, об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая! От бога-то не уйдешь!

Удар грома.

Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)*

Катерина. Ах! Умираю!

Варвара. Что ты мучаешься-то, в самом деле! Стань к сторонке да помолись: легче будет.

Катерина *(подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает)*. Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабаниха, Кабанов и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала? В первую же ночь я ушла из дому...

Кабанов *(растерявшись, в слезах, дергает ее за рукав)*. Не надо, не надо! не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова *(строго)*. Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина. И все-то десять ночей я гуляла...*(Рыдает.)*

Кабанов хочет обнять ее.

Кабанова. Брось ее! С кем?

Варвара. Врет она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина. С Борисом Григорьевичем.

Удар грома

Ах! *(Падает без чувств на руки мужа.)*

Кабанова. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Декорация первого действия. Сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на лавочке. Кабанов идет по бульвару.

Кулигин *(поет)*:

Ночною темнотою покрылись небеса,
Все люди для покою закрыли уж глаза,
и проч.

(Увидев Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

Кабанов. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

Кулигин. Слышал, слышал, сударь.

Кабанов. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу, что нáподи! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то, так мне бы и в ум не пришло, что тут делается. Слышал?

Кулигин. Слышал, сударь.

Кабанов. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош!

Кулигин. Маменька-то у нас большая крута.

Кабанов. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикому, ну, выпили; думал — легче будет; нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя...

Кулигин. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

Кабанов. Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит: ее надо живую в землю закопать, чтоб она казнилась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее поедом ест, а она как тень какая ходит, безответная. Только плачет да тает как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигин. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами то, чай, тоже не без греха!

Кабанов. Уж что говорить!

Кулигин. Да уж так, чтобы и под пьяную руку не попрекать! Она бы вам, сударь, была хорошая жена: глядь — лучше всякой.

Кабанов. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то... разве с ней сговоришь!

Кулигин. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

Кабанов. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьевич, сударь, что?

Кабанов. А его, подлеца, в Тяхту [1], к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

Кулигин. Ну, что же он, сударь?

Кабанов. Мечется тоже; плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

Кулигин. Хороший он человек, сударь.

Кабанов. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его надобно на части, чтоб знал...

Кулигин. Врагам-то прощать надо, сударь!

Кабанов. Поди-ка поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила-точила; а та не стерпела, да и была такова — взяла да и ушла.

Кулигин. Куда ушла?

Кабанов. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки: потому стала ее тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, говорит, хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне! Научи ты меня, как мне жить теперь! Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возьмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду; на радость, что ль, иду?

Входит Глаша.

Глаша. Тихон Иваныч, батюшка!

Кабанов. Что еще?

[1] Тяхта — Кяхта — старинный русский город, до второй половины XIX века крупный центр торговли России с Монголией и Китаем.

Глаша. Дома у нас нездорово, батюшка!

Кабанов. Господи! Так уж одно к одному! Говори, что там такое?

Глаша. Да хозяюшка ваша...

Кабанов. Ну, что ж? Умерла, что ль?

Глаша. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног, искамши.

Кабанов. Кулигин! надо, брат, бежать искать ее. Я братец, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего ж вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Глаша. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.

Кабанов. Ну, что стоишь-то, беги!

Глаша уходит.

И мы пойдем, Кулигин!

Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит Катерина и тихо идет по сцене.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Катерина *(одна)* [1]. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне только проститься с ним, а там... а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от того! Погибать бы мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье — ему вечный покор. Да! Себе бесчестье — ему вечный покор. *(Молчание.)* Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? *(Берет себя за голову.)* Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко, далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры.

[1] Весь монолог и все следующие сцены говорит, растягивая и повторяя слова, задумчиво и как будто в забытьи. *(Прим. А. Н. Островского.)*

та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу, я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! А смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут *(показывая на сердце)* больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела... Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах, как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышишь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! *(Подходит к берегу и громко, во весь голос.)* Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет.)*

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Катерина и Борис.

Борис *(не видя Катерины.)* Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? *(Оглядывается.)*

Катерина *(подбегает к нему и падает на шею).* Увидела-таки я тебя! *(Плачет на груди у него.)*

Молчание.

Борис. Ну, вот и поплакали вместе, привел бог.

Катерина. Ты не забыл меня?

Борис. Как забыть, что ты!

Катерина. Ах нет, не то, не то! Ты не сердишься?

Борис. За что мне сердиться?

Катерина. Ну, прости меня! Не хотела я тебе зла сделать; да в себе невольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Борис. Полно, что ты! что ты!

Катерина. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Борис. Еду.

Катерина. Куда едешь?

Борис. Далеко, Катя, в Сибирь.

Катерина. Возьми меня с собой отсюда!

Борис. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду, дяди посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

Катерина. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Борис. Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

Катерина. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верьте ей, она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой попрекают.

Борис. А муж-то?

Катерина. То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Борис. Тяжело тебе, Катя?

Катерина. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Борис. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

Катерина. На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот я теперь тебя видела, этого они у меня не отымут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было увидать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня...

Борис. Что ты, что ты!

Катерина. Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что; ну, вот я тебя увидала...

Борис. Не застали б нас здесь!

Катерина. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать! вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Борис. Время мне, Катя!

Катерина. Погоди, погоди!

Борис. Ну, что же ты сказать-то хотела?

Катерина. Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Борис. Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает ее и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

Катерина. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее ступай!

Борис *(отходит несколько шагов и останавливается)*. Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

Катерина. Ничего, ничего. Поезжай с богом!

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Борис *(рыдая)*. Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

Катерина. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени, задумавшись.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Катерина *(одна)*. Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие *(задумывается)*, всякие... Так тихо! так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила. А поймают меня, да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! *(Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой! Радость моя! Прощай! *(Уходит.)*

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кабанова, Кабанов и Кулигин.

Кулигин. Говорят, здесь видели.

Кабанов. Да это верно?

Кулигин. Прямо на нее говорят.

Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

Кабанов. Кто ж это знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.

Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Один из народа. Что, нашли?

Кабанова. То-то что нет. Точно провалилась куда.

Несколько голосов. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

Один из народа. Да найдется!

Другой. Как не найтись!

Третий. Гляди, сама придет.

Голос за сценой: «Эй, лодку!»

Кулигин *(с берега)*. Кто кричит? Что там?

Голос: «Женщина в воду бросилась!»

Кулигин и за ним несколько человек убегают.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Кулигина.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а то так и сам... Что мне без нее!

Кабанова. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало нам она страму-то наделала, еще что затеяла!

Кабанов. Пустите!

Кабанова. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь.

Кабанов *(падая на колени)*. Хоть взглянуть-то мне на нее!

Кабанова. Вытащут: взглянешь.

Кабанов *(встает, к народу)*. Что, голубчики, не видать ли чего?

1-й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2-й. Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.

1-й. Да это Кулигина голос.

2-й. Вон с фонарем по берегу ходят.

1-й. Сюда идут. Вон и ее несут.

Несколько народа возвращается.

Один из возвратившихся. Молодец Кулигин! Тут близехонько в омуточке у берега; с огнем-то оно в воду-то далеко видно; он платье и увидал и вытащил ее.

Кабанов. Жива?

Другой. Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, ребяты, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему Кулигин с народом несут Катерину.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Кулигин.

Кулигин. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судией, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

Кабанов *(бросается к Катерине)*. Катя! Катя!

Кабанова. Полно! Об ней и плакать-то грех!

Кабанов. Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы...

Кабанова. Что ты? Аль себя не помнишь! Забыл, с кем говоришь!

Кабанов. Вы ее погубили! Вы! Вы!

Кабанова *(сыну)*. Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

ЛЕС

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лица

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лет 50-ти с небольшим, очень богатая помещица, одевается скромно, почти в трауре, постоянно с рабочим ящиком в руке.

Аксинья Дмитриевна (Аксюша), ее дальняя родственница, бедная девушка лет 20-ти, одета чисто, но бедно, немного лучше горничной.

Евгений Аполлонович Милонов, лет 45-ти, гладко причесан, одет изысканно, в розовом галстуке.

Уар Кириллыч Бодаев, лет 60-ти, отставной кавалерист, седой, гладко стриженный, с большими усами и бакенбардами, в черном сюртуке, наглухо застегнутом, с крестами и медалями по-солдатски, с костылем в руке, немного глух.

богатые соседи Гурмыжской.

Иван Петрович Восьмибратов, купец, торгующий лесом.

Петр, его сын.

Алексей Сергеевич Буланов, молодой человек, не доучившийся в гимназии.

Карп, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна выходная, другая в столовую; направо от зрителей окно и дверь в сад; налево две двери: одна во внутренние комнаты, другая в коридор. Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп стоит у двери в сад, входит Аксюша.

Аксюша. Раиса Павловна звали меня?

Карп. Так точно-с; только теперь гости приехали, так они в саду.

Аксюша *(вынув из кармана письмо)*. Послушай, Карп Савельич, не можешь ли ты?..

Карп. Что вам угодно-с?

Аксюша. Передать. Ты уж знаешь кому.

Карп. Да как же, барышня? Теперь ведь уж словно как неловко. Правда ль, нет ли, у тетеньки такое есть желание, чтоб вам за барчонком быть.

Аксюша. Ну, не надо; как хочешь. *(Отворачивается к окну.)*

Карп. Да уж пожалуйста. Для вас отчего же... *(Берет письмо.)*

Аксюша *(глядя в окно)*. Продала Раиса Павловна лес?

Карп. Продали Ивану Петрову. Все продаем-с, а чего ради?

Аксюша. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать.

Карп. Надо полагать-с. Мудрено сотворено.

Аксюша. Говорят, она эти деньги хочет за мной в приданое дать.

Карп. Дай-то бог!

Аксюша *(очень серьезно)*. Не дай бог, Карп Савельич!

Карп. Ну, как угодно-с. Я к тому, что все же лучше пусть в приданое пойдут, чем туда же, куда и прочие.

Аксюша. Куда прочие... а куда же прочие?

Карп. Ну, это вам, барышня, и понимать-то невозможно, да и язык-то не поворотится сказать вам. Алексей Сергеич идут. *(Отходит от двери.)*

Аксюша смотрит в окно, Буланов входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксюша, Буланов, Карп, потом Улита.

Буланов *(Карпу)*. Что ж, ты набил мне папиросы?

Карп. Никак нет-с.

Буланов. Отчего же нет? Ведь я тебе велел.

Карп. Мало что велели! А когда мне?

Буланов. Нет, уж вы здесь зазнались очень. Вот что. Я вот Раисе Павловне скажу.

Карп. Не скажете; вы при них и курить-то боитесь.

Буланов. Боитесь... Чтоб были набиты! Не десять раз тебе говорить! *(Увидав Аксюшу, подходит к ней и очень развязно кладет ей на плечо руку.)*

Аксюша *(быстро оборачиваясь)*. Что вы! С ума сошли?

Буланов *(обидясь)*. Ах!! Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

Аксюша *(почти сквозь слезы)*. За что вы меня обижаете? Я вам ничего не сделала. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы.

Буланов *(равнодушно)*. Нет, послушайте, вы в самом деле мне нравитесь.

Аксюша. Ах, да мне-то что до этого за дело! Какое вы имеете право трогать меня?

Буланов. Что вы все сердитесь неизвестно за что? Эка важность! Уж и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто ж мне запретит?

Аксюша *(строго)*. А если не ваше, если чужое? Тогда что?

Буланов. Что за капризы! Надоело. Этак вы все дело испортите.

Аксюша. Какое дело?

Буланов. Какое... Будто не знаете? Вот какое: Раисе Павловне угодно, чтоб я женился на вас. А что Раисе Павловне угодно...

Аксюша. Тому и быть?

Буланов. Разумеется. Мы с вами люди бедные. Дожидаться, покуда прогонят? Нет, уж покорно благодарю. Куда мне? Опять к маменьке? Бить сорок-ворон за чужим двором?

Карп. Потише, сударь! Улита идет.

Входит Улита и чего-то ищет.

Вам чего здесь!

Улита. Я, кажется, забыла...

Карп. Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У вас есть свой департамент, мы к вам не ходим.

Улита уходит.

Вот так-то лучше!.. Самая проклятая женщина!

Буланов. Расчет прямой: кажется, можно понять.

Аксюша. Да, я понимаю.

Буланов. Так и упрямиться нечего. Перед кем здесь неприступность-то разыгрывать? Ведь Раиса Павловна обещает много денег; чего ж еще? Креститься надо обеими руками.

Аксюша. Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Буланов *(презрительно улыбаясь)*. Философия! *(Серьезно.)* Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тут впереди жизнь приятная... За деньги-то люди черту душу закладывают, а не то чтоб отказываться.

Показывается Улита.

Карп. Что вы шмыгаете взад и вперед? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые[1].

Улита. Уж и войти нельзя!

Карп. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело.

Улита уходит.

Аксюша. Насильно мил не будешь, Алексей Сергеич.

Буланов. Ну, да уж я добьюсь своего; у меня не отвертитесь. Ведь вам лучше меня здесь не найти.

Аксюша *(тихо)*. Ошибаетесь. Захочу поискать, так найду; а может, уж и нашла. *(Карпу.)* Если Раиса Павловна спросит, я буду в своей комнате. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Буланов, Карп.

Карп *(подходя)*. Ах, барин, барин!

Буланов. А что, Карп?

Карп. Молоды вы очень.

Буланов. Знаю, что молод.

Карп. А это нехорошо.

[1] Чистые комнаты — в смысле парадные.

Буланов. Что ж мне делать-то?

Карп. Это не к пользе вашей... А вы старайтесь...

Буланов. Уж как ни старайся, а вдруг лет не прибавится: я только из гимназии.

Карп. Да что гимназия! Другие и в гимназии не были, да какие ловкие.

Буланов. Да на что ловкие-то?

Карп. Да на все, а уж особливо что мимо рук-то плывет.

Улита показывается из коридора.

Опять? Тьфу! Брысь ты, окаянная!

Улита *(скрываясь)*. Обидчик!

Буланов *(задумчиво)*. Да?.. Ну, что ж?

Карп. То-то: «да». Вы что барышню-то тревожите? Какой тут авантаж?

Буланов. Все таки...

Карп. Осторожнее надо, сударь; недаром Улита тут ползает, перенесет сейчас. А поправится ли барыне? Еще неизвестно, куда вас Раиса Павловна определит. Они хоть и барыня, а ведь их дело женское: никак даже невозможно этого знать, что у них на уме. Вдруг одно, и сейчас другое; у них в мыслях не то что на неделе, на дню до семи перемен бывает. Вот вы говорите: жениться; а может, что другое заставят делать! Вы своей воли не имеете: привезли вас на пропитание, так как маменька у вас в бедности... А вы хотите... Уж вы и смотрите все в глаза.

Буланов. В глаза.

Карп. Беспременно. Так всё ходите и смотрите, потому от них зависимы... А там по времени, из разговора или из чего и можете понять... Барыня идут. *(Уходит.)*

Буланов поправляет волосы и покручивает усики.
Входят Гурмыжская, Милонов и Бодаев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов.

Гурмыжская. Я вам говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимает, решительно никто. Понимает меня только наш губернатор да отец Григорий...

Милонов. И я, Раиса Павловна.

Гурмыжская. Может быть.

Милонов. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Верю, охотно верю. Садитесь, господа!

Бодаев *(откашливаясь)*. Надоели.

Гурмыжская. Что вы?

Бодаев *(грубо)*. Ничего. *(Садится поодаль.)*

Гурмыжская *(заметив Буланова)*. Алексис, Алексис! Вы мечтаете? Господа, представляю вам молодого дворянина, Алексея Сергеича Буланова.

Буланов раскланивается.

Судьба его очень интересна, я вам сейчас расскажу. Алексис, погуляйте в саду, мой друг.

Буланов уходит, Гурмыжская и Милонов садятся у стола.

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным;

Бодаев прислушивается.

я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Бодаев. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Гурмыжская. Кому не заплатите?

Бодаев. На земство, я говорю.

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

Бодаев. Никакой пользы, один грабеж.

Гурмыжская *(громко)*. Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите.

Бодаев. Да, не слышу. *(Садится к столу.)*

Гурмыжская. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретилась с ней в прошлом году в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разошлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Бодаев. К супружеству, но не к мужчинам?

Гурмыжская. Уар Кирилыч!

Бодаев. Да я почем же знаю; я только спрашиваю. Ведь разные бывают характеры.

Гурмыжская *(шутя)*. И к мужчинам, особенно таким, как вы.

Бодаев *(привстает, опираясь на костыль, и кланяется)*. Премного вам за это благодарен.

Милонов. Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями.

Бодаев. Лет шесть тому назад, когда слух прошел, что вы приедете жить в усадьбу, все мы здесь перепугались вашей добродетели: жены стали мириться с мужьями, дети с родителями; во многих домах даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская. Шутите, шутите. А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? Но мы удаляемся от нашего разговора. Когда мы встретились в Петербурге, моя подруга уже давно овдовела и, разумеется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моих советов. Она со слезами представила мне своего единственного сына. Мальчик, как вы видите, на возрасте.

Бодаев. В солдаты годится.

Гурмыжская. Вы не судите по наружности. Он, бедный, слаб здоровьем, и, представьте себе, какое несчастие! Он поэтому отстал от своих товарищей, так что все еще был в гимназии и, кажется, даже еще в средних классах. У него уж и усики, и мысли совсем другие, и дамы стали им интересоваться; а он должен с мальчиками, шалунами, ходить в школу. Это унижало его, он скучал, удалялся от людей, бродил один по глухим улицам.

Бодаев. Не по Невскому ли?

Гурмыжская. Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было. Имение совершенно разорено, сын должен учиться, чтоб кормить мать; а учиться прошло и время и охота. Ну, теперь, господа, судите меня, как хотите. Я решилась сделать три добрых дела разом.

Бодаев. Три? Любопытно.

Гурмыжская. Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Бодаев. Действительно, три.

Гурмыжская. Я выписала сюда на лето молодого человека; пусть они познакомятся; потом женю их и дам за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна, вы знаете мои намерения. Хоть я и выше подозрений, но, если б нашлись злые языки, вы можете объяснить, в чем дело.

Милонов. Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...

Бодаев. Ну, отчего же не сметь? Никому не закажешь; на это цензуры нет.

Гурмыжская. Впрочем, я мало забочусь об общественном мнении; я делаю добро и буду делать, а там пусть говорят, что хотят. В последнее время, господа, меня томит какое-то страшное предчувствие, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидает меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милонов. Что вы! Что вы! Живите! Живите!

Гурмыжская. Нет, нет, и не просите.

Милонов. Ведь это будут слезы, горькие слезы.

Гурмыжская. Нет, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всяком случае, скоро. Я должна исполнить долг свой относительно наследников. Господа, помогите мне советом.

Милонов. Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская. У меня близких родных только племянник моего мужа. Племянницу я надеюсь пристроить еще при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лет и не имею о нем никаких известий; но он жив, я знаю. Я надеюсь, что ничто не препятствует мне назначить его своим единственным наследником.

Милонов. Полагаю.

Бодаев. Да о чем и толковать?

Гурмыжская. Благодарю вас. Я так и сама думала. Он меня не забывает, каждый год присылает мне подарки, но писем не пишет. Где он — неизвестно, и я не могу писать к нему; а я еще ему должна. Один должник его отца принес мне старый долг; сумма хотя небольшая, но она тяготит меня. Он точно скрывается от меня; все подарки я получила из разных концов России: то из Архангельска, то из Астрахани, то из Кишинева, то из Иркутска.

Милонов. Какое же его занятие?

Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости — нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем более счастья.

Гурмыжская. Но ведь он не жалуется на свое воспитание, он даже благодарит меня. Я, господа, не против образования, но и не за него. Развращение нравов на двух концах: в невежестве и в излишестве образования, добрые нравы посередине.

Милонов. Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская. Я хотела, чтоб этот мальчик сам прошел суровую школу жизни: я приготовила его в юнкера и предоставила его собственным средствам.

Бодаев. Оно покойнее.

Гурмыжская. Я иногда посылала ему денег, но, признаюсь вам, мало, очень мало.

Бодаев. И он стал воровать, разумеется.

Гурмыжская. Ошибаетесь. Вот посмотрите, что он писал мне. Я это письмо всегда ношу с собою. *(Вынимает письмо из коробки и подает Милонову.)* Прочитайте, Евгений Аполлоныч!

Милонов *(читает)*. «Тетенька моя и благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим, жизни, письмо пишу Вам, с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению».

Бодаев. До сих пор лестного немного для вас и для него.

Гурмыжская. Слушайте дальше.

Милонов. «Но не устрашусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяние Ваше подвергало меня не раз на край нищеты и погибели, но лобызаю Вашу ручку. От юных лет несовершеннолетия до совершенного возраста я был в неизвестности моих предначертаний; но теперь все перело мной открыто».

Бодаев. И вам не стыдно, что наш племянник, дворянин, пишет, как кантонист[1].

Гурмыжская. Не в словах дело. По-моему, это прекрасно написано, тут я вижу чувство неиспорченное

Входит Карп

Карп. Иван Петров Восмибратов пришел с сыном-с.

Гурмыжская. Извините, господа, что я при вас приму мужика.

Бодаев. Только вы с ним поосторожнее, он плут большой руки.

Гурмыжская. Знаете, он такой хороший семьянин: это — великое дело.

Бодаев. Семьянин-то семьянин, а чище всякого обманет.

Гурмыжская. Не верю, не верю! не может быть!

Милонов. Мы с вами точно сговорились; я сам горячий защитник семейных людей и семейных отношений. Ухар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе — как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, но зато была теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознаёт свой долг! Закон написан в душе людей.

Бодаев. Оно так, кабы только поменьше мошенников, а то больно много.

Гурмыжская *(Карпу)*. Зови поди Ивана Петрова!

Карп уходит. Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов *(раскланивается и садится)*. Петр, садись!

[1] Пишет, как кантонист — то есть неграмотно. Кантонист — солдатский сын, обучавшийся в особой (низшей) военной школе

Петр садится у самой двери на край стула.

Милонов. Прикажете дочитать?

Гурмыжская. Читайте, он не помешает.

Милонов *(читает)*. «Нужда, ты непостижима! Благодарю Вас, благодарю. Скоро мое имя покроется бессмертием, а с ним и Ваше никогда не умрет для потомства, детей и внуков. Еще раз благодарю за все, за все. Ваш покорный к услугам племянник, дитя природы, взлелеянное несчастием, Гурмыжский».

Гурмыжская *(принимая письмо)*. Благодарю вас, Евгений Аполлоныч! Вот спросим у простого человека: он правду скажет. Иван Петрович, хорошо это письмо написано?

Восмибратов. Первый сорт-с! Вот ежели бы кому прошение, уж на что лучше.

Милонов. Но ведь этому письму двенадцать лет; что же теперь с вашим племянником, с его громкой славой?

Гурмыжская. Я вам говорю, не знаю.

Бодаев. Вдруг удивит.

Гурмыжская. Как бы то ни было, я горжусь этим письмом и очень довольна, что нашла в людях благодарность. Надо сказать правду, я его очень люблю. Я вас прошу, господа, пожаловать ко мне послезавтра откушать! Вы, вероятно, не откажетесь подписаться под завещанием? Оно будет готово, я думаю; впрочем, во всяком случае, милости просим.

Бодаев. Приеду.

Милонов. Поверьте, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Конечно, если судить строго, я немного виновата перед наследником; я уж кой-что продала из имения.

Восмибратов. Да таки, сударыня, довольно особенно как изволили проживать в столицах.

Гурмыжская. Я очень щедро помогаю. Для близкого мне не жаль.

Восмибратов. Так-с. А хоша бы и для себя; всякому хозяйка, всякий человек живая тварь.

Гурмыжская. А теперь, вот уж лет семь, я живу совсем иначе.

Восмибратов. Это точно-с; слухов никаких на счет, чтобы чего... постоянную жизнь ведете.

Гурмыжская. Ах, да я и прежде... да не об том речь. Я говорю, что живу очень экономно.

Бодаев. Извините! Не об вас речь! Вы не рассердитесь, пожалуйста! Но действительно у нас много дворянских имений вконец разорено бабами. Если мужчина мотает, все-таки в его мотовстве какой-нибудь смысл есть, а бабьей глупости меры не положено. Нужно любовнику халат подарить — она хлеб продает не вовремя за бесценок; нужно любовнику ермолку с кисточкой — она лес продает, строевой, береженый, первому плуту.

Восмибратов. Это вы, ваше высокородие, действительно. Коли им, женскому сословию, в чем воля, так добра мало.

Бодаев. Ты думаешь?

Милонов *(Восмибратову)*. Ах, Ваня, Ваня, как ты груб!

Восмибратов. Вопче говорится, сударь.

Милонов. Все-таки, Ваня, надо быть осторожнее, мой друг... А вот ты и ошибаешься: не от дам разорены имения, а оттого, что свободы много.

Бодаев. Какой свободы? Где это?

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, я сам за свободу; я сам против стеснительных мер... ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолетних необходимо... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдем! Купцы банкротятся, дворяне проживаются... Согласитесь, что наконец необходимо будет ограничить законом расходы каждого, определить норму по сословиям, по классам, по должностям.

Бодаев. Ну, что ж, представляйте проект! Теперь время проектов, все представляют. Не удивите, не бойтесь, чай, и глупей вашего есть.

Встает. Милонов тоже. Раскланиваются. Восмибратов и Петр встают.

Гурмыжская *(провожая их)*. Господа, я вас жду послезавтра.

Милонов и Бодаев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов *(садясь)*. Петр, садись!

Петр садится.

Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская. Да, мне очень нужно тебя видеть. Принес ты деньги?

Восмибратов. Нет, сударыня, признаться сказать, не захватил. Коли нужно, так прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская. Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восмибратов. Увольте! Нам без благовремения... тоже... ведь люди, все одно.

Гурмыжская. Ты уж все принеси, как у нас уговор был.

Восмибратов. Слушаю-с.

Гурмыжская. Я не помню, кажется...

Восмибратов. Да уж не извольте беспокоиться.

Гурмыжская. Кажется, полторы тысячи. *(Роясь в ящике.)* Где записка? Неужели я ее выронила? Не найду никак.

Восмибратов. Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская. Но, во всяком случае, мне этих денег мало. Не купишь ли у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да чтоб уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то!.. Ведь с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один: крестьянишки воруют — судись с ними. Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга пристанище имеет, ну и для прислуги тоже, для женского пола... Потому как у них грибной интерес и насчет ягоды, а выходит совсем напротив.

Гурмыжская. Нет, я весь теперь не продам; что за имение без леса! Некрасиво. Может быть, со временем... а ты купи этот участок, что ближе к городу.

Восмибратов. Хошь я теперь и не при деньгах, а отчего ж не купить, коли сходно продавать будете. А я было, признаться, к вам насчет другого товару.

Гурмыжская. Не понимаю.

Восмибратов. Сродственницу имеете, девицу, небогатую...

Гурмыжская. Так что же?

Восмибратов. Видел ее, что ли, где, или здесь как встретил мой парнишка.

Петр встает.

Гурмыжская. Он?

Восмибратов. Петр-с. Парень овца, я вам скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-с. Ну, конечно, мы с ним дорогого не стоим, а если б бог дал доброму делу быть, дали бы вы тысячки на четыре лесу на разживу ему, с нас бы и довольно. Он бы и пооперился с вашей легкой руки и жить пошел.

Гурмыжская. Я очень благодарна вам; но, друзья мои, извините! У нее уже есть жених, у меня в доме живет. Может быть, в городе говорят вздор какой-нибудь, так вы знайте, что это жених.

Восмибратов *(Петру)*. Слышишь ты? А ты лезешь! Только отца в дураки ставишь. Погоди ж ты у меня!

Гурмыжская. Вы не подумайте, что я глушаюсь вами. Для нее твой сын партия даже завидная. Если у ней теперь жених дворянин, так это по особенной милости, а она совсем его не стоит.

Восмибратов. Понимаем-с.

Гурмыжская. Это дело решенное, и кончим разговор о нем. Поговорим о лесе. Купи, Иван Петрович!

Восмибратов. Не при деньгах, не при деньгах-с.

Гурмыжская. Быть не может.

Восмибратов. Обижать ценой не будете, так можно-с.

Гурмыжская. А сколько бы ты дал за него?

Восмибратов *(подумав)*. Рубликов пятьсот-с вам довольно будет?

Гурмыжская. Что ты, что ты? За тот полторы, а за этот пятьсот; ведь этот больше и лучше.

Восмибратов. Точно-с. Извините! Это я так механально, не подумавши; да и неохота с этим делом вязаться теперь. А как ваша цена?

Гурмыжская. Да, по крайней мере, две тысячи. Мне эту цену давали.

Восмибратов. Мой совет: отдавайте.

Гурмыжская. Да я не хотела тебя обидеть.

Восмибратов. На этом оченно вами благодарны; только я вам вот что скажу: хлопот не стоит.

Гурмыжская. Иван Петрович, стыдно! я сирота. Мое дело женское. Сироту обидеть грешно. Ты не забывай бога-то!

Восмибратов. Нам ежели бога забыть, тверна

нашего милосердного, нам в те поры, сударыня, податься некуда. По тому самому нам без бога нельзя; как одно, значит, у нас прибежище.

Гурмыжская. Ну, то-то же. Ты сам подумай, ведь мне деньги-то на доброе дело. Девушка на возрасте, ума большого не имеет, хочется заживо пристроить. Ну, что хорошего, без присмотру останется без меня; нынче народ знаешь какой! Ты сам отец, как рассудить можешь, у тебя тоже дочь, приятно ли тебе будет...

Восмибратов. Да ежели она, шельма...

Гурмыжская. Иван Петрович, что за слова! Ты знаешь, я не люблю. Ну, слушай! Только для тебя пятьсот рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

Восмибратов. Барыша ничего не будет.

Гурмыжская. Ну, уж и говорить не хочу. А тебе стыдно, стыдно.

Восмибратов. Дорогонько, да уж извольте-с. *(Махнув рукой.)* Так уж, что прежде от вас пользовался.

Гурмыжская. Только мне деньги завтра же нужны.

Восмибратов. Еще почивать будете, принесем. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вам не беспокоиться, что за проданный на сруб лес и таких-то пустошах деньги сполна получили.

Гурмыжская. Значит, ты принесешь ровно три тысячи?

Восмибратов. Что следовает, то и принесем-с. На прежние деньги у вас записочка есть; а на эти ваша воля, а по мне хоть и отказаться. Слову нашему вы не верите, на всякую малость записки да расписки отбираете; так что ж вам сумневаться? Я человек неграмотный, другой раз и сам не знаю, что в записке-то написано. Парнишку-то замучил, все за собой вожу руку прикладывать. Прощенья просим.

Гурмыжская. Прощайте!

Восмибратов и Петр уходят. Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская, Карп, потом Аксюша и Улита.

Карп. Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, так они дожидаются.

Гурмыжская. Позови!

Карп уходит.

Хитрая и дерзкая девчонка! Никогда в ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мне с ней.

Входит Аксюша.

Аксюша *(потупя глаза, тихо)*. Что вам угодно?

Гурмыжская. Ты, я думаю, знаешь, зачем я выписала сюда Алексея Сергеича?

Аксюша. Знаю.

Гурмыжская. Ты, пожалуйста, не возмечтай слишком много о себе! Это еще только предположение. Ты можешь расчувствоваться и потом ошибиться *(со смехом)*. мне тебя будет жаль.

Аксюша. Отчего же мне расчувствоваться?

Гурмыжская. Ах, боже мой! Для тебя ли это не партия? Она еще спрашивает! Но я погляжу прежде, будешь ли ты стоить. Я и сама всем говорю, что он твой жених, и другие пусть говорят; но я еще подумаю, слышишь ты, подумаю.

Входит Улита.

Аксюша. Надо будет и меня спросить.

Гурмыжская. Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтоб все считали его твоим женихом, мне так нужно. Но сохрани тебя бог кокетничать с ним или позволить себе какую-нибудь вольность!

Аксюша. Какую вольность? Что вы!

Гурмыжская. Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я вправе думать о тебе все, что хочу. Ты девочка с улицы, ты с мальчишками на салазках каталась.

Аксюша. Не все я на салазках каталась, я с шести лет уже помогала матери день и ночь работать; а по праздникам, точно, каталась с мальчишками на салазках. Что ж, у меня игрушек и кукол не было. Но ведь я уж с десяти лет живу у вас в доме и постоянно имею перед глазами пример...

Гурмыжская. Дурные наклонности укореняются с детства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будет самый строгий надзор. *(Со смехом.)* Он хоть твой и жених, да зелен виноград.

Аксюша. Жених! Кому нужен такой жених?

Гурмыжская. Ну, это выше твоего понятия.

Аксюша. И не хорош, и не умен.

Гурмыжская. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слепая. Тебе только хочется меня раздразнить.

Аксюша. Да вам-то что же?

Гурмыжская. Как что? Это мой выбор, мой вкус. Не тебе чета, светские дамы им увлекались.

Аксюша. Чести им не делает.

Гурмыжская. Ах, ах! Она рассуждает! И почем ты знаешь, что честь, а что бесчестье?

Аксюша. Я девочка с улицы, не светская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская. А я тебе приказываю.

Аксюша. Я ведь не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Гурмыжская. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть бы и комедия: я тебя кормлю и одеваю и заставлю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты невеста,— только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором. Вот моя воля!

Аксюша *(взглянув ей в глаза)*. Больше ничего?

Гурмыжская. Ничего, ступайте!

Аксюша уходит.

Нет, погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочке.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Поди сюда!

Улита. Что, матушка барыня, угодно?

Гурмыжская. Подойди поближе, садись, где стоишь, и слушай!

Улита *(подходит и садится на пол)*. Слушаю, матушка барыня.

Гурмыжская. Ты меня знаешь? Ты знаешь, как строго я смотрю за всем домом?

Улита. Знаю. Как мне не знать?

Гурмыжская. Я Аксюше не верю, она девчонка хитрая. Она часто встречается с Алексеем Сергеичем; мне не хотелось бы, чтоб она с ним обращалась вольно. При мне, разумеется, она не смеет, но ведь не всегда же я с ними: они могут встретиться и в саду, и в комнатах без меня. Так я прошу, даже приказываю тебе...

Улита. Понимаю, матушка барыня, понимаю. Пожалуйте ручку! *(Целует руку Гурмыжской.)* Уж как я вас понимаю, так это только одно удивление. Давно уж я за ними как тень слоняюсь, шагу без меня не ступят, где они, тут и я.

Гурмыжская *(подумав)*. За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

Улита *(с жаром)*. Догадлива, матушка барыня, догадлива. Вчера платьишко все в тлен изорвала, по кустам ползала, изожглась вся, по крапиве елозила, все подслушивала, что они промежду себя говорят.

Гурмыжская. Изорвала платье? Беда не велика, ты и вперед платья не жалей, у меня много; я тебе, за твое худое, хорошее подарю.

Улита *(таинственно)*. Вот и здесь давеча сошлись.

Гурмыжская. Что же давеча?

Улита. Да все этот дурак Карп мешал; а все-таки кой-что заметить было можно.

Гурмыжская. Что же ты заметила?

Улита. Она-то к нему очень ласкова; а он как будто так...*(делает жест рукой)* выражал, что я, дескать, не желаю.

Гурмыжская. Да?.. Не ошиблась ли ты? *(Смотрит ей в глаза.)*

Улита. И как будто так даже *(делает жест рукой)*...

Гурмыжская. Ну!

Улита. И как будто... так можно заметить, что ему не совсем-то... чтобы уж очень...

Гурмыжская. Врешь ты, мне кажется.

Улита. Нет уж, матушка барыня, у меня глаз на это очень замечателен... И как будто у него на уме что другое...

Гурмыжская. Ну уж, что у него на уме, этого ты знать не можешь. Далеко ты, кажется, заехала.

Улита. Да уж усердие-то мое...

Гурмыжская. Уж как ни велико твое усердие, а в чужом уме ты не была, значит, и болтать по пустякам нечего.

Молчание.

Улита, мы с тобой одних лет...

Улита. Матушка барыня, я постарше буду.

Гурмыжская. Мне этого не надо, ты напрасно... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

Улита. Право, матушка барыня, мне все кажется... Да что нам считать: обе мы сироты, вдовы безутешные...

Гурмыжская. Ну, ты не очень безутешная. Помнишь, что у нас с тобой было? Уж я и кротостью и строгостью, ничто не помогало.

Улита. Да, было-то, матушка, точно было; да уж давно прошло. А вот последние лет шесть, как вы сами-то в такой тишине...

Гурмыжская. Да я не замечаю...

Улита. Вот разрази меня!

Гурмыжская. Послушай, Улита! Скажи мне, только говори откровенно... когда случается тебе видеть красивого молодого человека... не чувствуешь ли ты чего, или не приходит ли тебе в голову, что вот приятно полюбить...

Улита. Что вы это! Старухе-то? Забыла, матушка барыня, все забыла.

Гурмыжская. Ну, какая еще ты старуха! Нет, ты говори!

Улита. Уж коли приказываете...

Гурмыжская. Да, приказываю.

Улита. Разве когда мечта *(нежно)*... так иногда найдет вроде как облако.

Гурмыжская *(в задумчивости)*. Поди прочь, мерзкая!

Улита встает, отходит к стороне и искоса посматривает. Гурмыжская встает и подходит к окну.

А ведь он мальчик недурен! Он на меня сразу произвел приятное впечатление. Ах, как я еще душой молода! Мне кажется, я до семидесяти лет способна буду влюбляться... И если б не мое благоразумие... Он меня не видит... *(Делает ручкой.)* Ах, красавчик!.. Да, твердые правила в жизни много значат. *(Оборачивается и видит Улиту.)*

А ты здесь еще? Ну, пойдем; я тебе вместо одного платья два подарю.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лица

Аксюша.
Петр.
Терешька, мальчик Восмибратова.
Геннадий Несчастливцев
Аркадий Счастливцев пешие путешественники

Лес; две неширокие дороги идут с противоположных сторон из глубины сцены и сходятся близ авансцены под углом. На углу краше ный столб, на котором, по направлению дорог, прибиты две доски с надписями; на правой: «В город Калинов», на левой: «В усадьбу Пеньки, помещицы г-жи Гурмыжской». У столба широкий, низенький пень, за столбом, в треугольнике между дорогами, по вырубке мелкий кустарник не выше человеческого роста. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аксюша выходит из лесу с левой стороны и садится на пень; Петр выходит из лесу с правой стороны и потом мальчик.

Петр *(громко)*. Терешка!

Из лесу выходит мальчик.

Влезь на дерево там, с краю, и, значит, смотри по дороге в оба... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрелит замест тетерева. Слышишь?

Мальчик *(робко)*. Слышу.

Петр. Как, значит, тятенька, ты в те поры так и катись с дерева турманом, и прямо сюда. *(Поворачивает его и дает ему легкий подзатыльник.)* Ну, пошел.

Мальчик отходит.

Да, пожалуйста, братец, поразвязней!

Мальчик уходит в лес.

Аксюша *(подходя к Петру)*. Здравствуй, Петя!

Петр *(целуя ее)*. Здравствуй; какие дела?

Аксюша. Все те же, немножко хуже.

Петр. А мы так наслышаны, что много лучше.

Аксюша. Что ты сочиняешь!

Петр. За благородного выходите? Оно лучше-с; может, еще на разные языки знает; и то уж много превосходнее, что пальты коротенькие носит, не то что мы.

Аксюша *(зажимая ему рот)*. Да полно ты, полно! Ведь знаешь, что этому не бывать, что ж прибираешь-то?

Петр. Как же, значит, не бывать, когда тетенька сама давеча...

Аксюша. Не бойся, не бойся!

Петр. Так уж ты прямо и говори, чья ты? Своя ты или чужая?

Аксюша. Своя, милый мой, своя. Да, кажется, меня и неволить не будут. Тут что-то другое.

Петр. Отвод?

Аксюша. Похоже.

Петр. А уж я давеча натерпелся. Тятенька таки о тебе словечко закинул, а она ему напрямки: «Просватана». Так веришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипятком шпарили. А потом тятенька два часа битых ругал, отдохнет да опять приметси. Ты, говорит, меня перед барыней дураком поставил.

Аксюша. Она бы рада меня с рук сбыть, да денег жаль. Что ж, отец-то твой все еще приданого ищет?

Петр. Меньше трех тысяч не мирится. «Ежели, говорит, за тебя грех тысяч не взять, не стоило, говорит, тебя и кормить. Хоть на козе, говорит, женю, да с деньгами».

Аксюша. Делать нечего, трех тысяч мне взять негде. У меня-то спрашивал ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

Петр. Я-то чужой, про меня что говорить! Я каторжный, по рукам, по ногам скованный навеки нерушимо.

Аксюша. Что ты такой грустный, неласковый?

Петр. Да чему радоваться-то? Я и то уж по лесу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сук покрепче. Самой-то, чай, тоже не веселей моего.

Аксюша. Мне ни скучно, ни весело, я уж замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я с тобой.

Петр. Так-то так, да все радости-то мало.

Аксюша. Ах ты, глупый! Как же тебе не радость, какая девушка тебя любит.

Петр. Да что ж меня не любить-то? Я не мордва не крещеная. Да что вам делать-то больше, как не любить? Ваша такая обязанность.

Аксюша *(сердито)*. Поди ты прочь, коли так.

Петр. Нечего сердиться-то! У меня теперь засад в голове,— третий день думаю, да мозги что-то плохо поворачиваются; и так кину, и этак...

Аксюша *(все еще с сердцем)*. Об чем это ты думаешь? Ты бы обо мне-то подумал; нужно ведь подумать-то.

Петр. О тебе-то и думаю. У меня надвое: вот одно дело: приставать к тятеньке. Нынче он, примерно, порутает, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будем так говорить, хоть и прибьет, а я послезавтра опять за то же; так, покудова ему не надоест ругаться. Да чтоб уж кряду, ни одного дня не пропускать. Либо он убьет меня поленом, либо сделает по-моему; по крайности развязка.

Аксюша *(подумав)*. А другое-то что?

Петр. А другое дело почудней будет. У меня есть своих денег рублев триста; да ежели закинуть горсть на счастье в тятенькину конторку, так пожалуй что денег-то и вволю будет.

Аксюша. А потом что ж?

Петр. А потом уж «унеси ты мое горе» — сейчас мы с тобой на троечку: «Ой вы, милые!» Подъехали к Волге, сесь... тпру! на пароход: вниз-то бежит он ходко, по берегу-то не догонишь. Денек в Казани, другой в Самаре, третий в Саратове; жить, чего душа просит; дорогого чина для нас не было.

Аксюша. А знакомых встретишь?

Петр. А вот взял сейчас один глаз зажмурил, вот тебе и кривой, и не узнают. Я так тебе дня три прохожу. А то еще раз какой со мной случай, я тебе скажу. Посылал меня тятенька в Нижний за делом, да чтоб не мешкать. А в Нижнем-то нашлись приятели, заманили в Лысково съездить. Как быть? Узнают, дома — беда. Вот я чужую чуйку надел, щеку подвязал, еду. На пароходе как раз тятенькин знакомый; я, знаешь, от него не прячусь, хожу смело, он все поглядывает. Вот вижу, подходит. «Вы, говорит, откуда едете?» — «Из Мышкина»,— говорю. А я там сроду и не бывал. «Что-то, говорит, лицо ваше знакомо».— «Мудреного нет»,— говорю, а сам, знаешь, мимо. Подходит он ко мне в другой раз все с тем же, подходит в третий, все пытает. Взяло меня за сердце. «Мне самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидели ли мы с вами вместе в остроге в Казани?» Да при всей пуб-

лике-то. Так он не знал, как отвязаться от меня; ровно я его из штуцера [1] застрелил. Встреча что!

Аксюша. А проживем мы деньги, что ж потом?

Петр. Вот тут-то я не додумал еще. Либо ехать виниться, либо выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и по-топорному, как топоры плавают. Надо подумать еще...

Аксюша. Нет, уж ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

Петр. Надоедать, стало быть?

Аксюша. Да. Ну, а уж там, коли... там подумаем. Ты проберись завтра к нам в сад попозднее, у нас рано ложатся.

Петр. Ладно.

Вбегает мальчик.

Что?

Мальчик. Тятенька. *(Быстро убегает.)*

Петр *(проворно)*. Значит, шабаш. Бежать во все лопатки! Прощай!

Целуются и расходятся.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. Ему лет 35, но на лицо он гораздо старее, брюнет, с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни. На нем длинное и широкое парусиновое пальто, на голове серая, очень поношенная шляпа, с широкими полями, сапоги русские, большие, в руках толстая, суковатая палка, за спиной небольшой чемодан, вроде ранца, на ремнях. Он, видимо, утомлен, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья. В то же время с другой стороны показывается Счастливцев, ему лет за 40, лицо как будто нарумяненное, волоса на голове вроде вытертого меха, усы и эспаньолка тонкие, жидкие, рыжевато-пепельного цвета, глаза быстрые, выражающие и застенчивость и робость и одно и то же время. На нем голубой галстук, коротенький пиджак, коротенькие панталоны в обтяжку, цветные полусапожки, на голове детский картузик — все очень поношенное, на плече, на палке, повешено самое легкое люстриновое пальто и узел в цветном платке. Утомлен, переводит дух тяжело и смотрит кругом с улыбкой, не то печальной, не то веселой. Сходятся.

Несчастливцев *(мрачно)*. Аркашка!

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть весь тут.

[1] Штуцер (нем. Stutzen) — старинное нарезное ружье.

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливцев. Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи в Вологду. Ты пешком?

Счастливцев. На своих-с, Геннадий Демьяныч. *(Ползаискивающим-полунасмешливым тоном.)* А вы-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев *(густым басом)*. В карете. *(Горячо.)* Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел!

Счастливцев *(робко)*. Нет, я так с...

Несчастливцев. Сядем, Аркадий!

Счастливцев. Да на чем же-с?

Несчастливцев *(указывая на пень)*. Я здесь, а ты где хочешь. *(Садится, снимает чемодан и кладет подле себя.)*

Счастливцев. Что это у вас за ранец-с?

Несчастливцев. Штука отличная. Сам, братец, сшил для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцев *(садится на землю подле пня)*. Хорошо, кому есть что класть. Что же у вас там-с?

Несчастливцев. Пара платья, братец, хорошего, в Полтаве еврей сшил. Тогда я в Ильинскую, после бенефиса, много платья сделал. Складная шляпа, братец, два парика, пистолет тут у меня хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске. Замок попорчен; как-нибудь, когда в Туле буду, починить прикажу. Жаль, фрака нет; был фрак, да я его в Кишиневе на костюм Гамлета выменял.

Счастливцев. Да на что же вам фрак-с?

Несчастливцев. Как ты еще глуп, Аркашка, как погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь в Кострому, в Ярославль, в Вологду, в Тверь, поступлю в труппу,— должен и к губернатору явиться, к полицеймейстеру, по городу визиты сделать? Комики визитов не делают, потому что они шуты, а трагики — люди, братец. А у тебя что в узле?

Счастливцев. Библиотека-с.

Несчастливцев. Большая?

Счастливцев. Пиес тридцать и с нотами.

Несчастливцев *(басом)*. Драмы есть?

Счастливцев. Только две-с, а то все водевили.

Несчастливцев. Зачем ты такую дрянь носишь?

Счастливцев. Денег стоит-с. Бутафорские мелкие вещи есть, ордена...

Несчастливцев. И все это ты стяжал?

Счастливцев. И за грех не считаю, жалованье задерживают.

Несчастливцев. А платье у тебя где ж?

Счастливцев. Вот, что на мне-с, а то уж давно никакого нет-с.

Несчастливцев. Ну, а как же ты зимой?

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с. В дальнюю дорогу точно трудно-с, так ведь кто на что, а голь на выдумки. Везли меня в Архангельск, так в большой ковер закатывали. Привезут на станцию, раскатают, а в повозку садиться, опять закатают.

Несчастливцев. Тепло?

Счастливцев. Ничего, доехал-с, а много больше тридцати градусов было. Зимняя дорога-то Двиной, между берегов-то тяга, ветер-то с севера, встречу. Так вы в Вологду-с? Там теперь и труппы нет.

Несчастливцев. А ты в Керчь? И в Керчи тоже, брат, труппы нет.

Счастливцев. Что же делать-то-с, Геннадий Демьяныч, пройду в Ставрополь или в Тифлис, там уж неподалеку-с.

Несчастливцев. Мы с тобой в последний раз в Кременчуге виделись?

Счастливцев. В Кременчуге-с.

Несчастливцев. Ты тогда любовников играл; что же ты, братец, после делал?

Счастливцев. После я в комики перешел-с. Да уж очень много их развелось: образованные одолели; из чиновников, из офицеров, из университетов — все на сцену лезут. Житья нет. Из комиков-то я в суфлеры-с. Каково это для человека с возвышенной душой-то, Геннадий Демьяныч? В суфлеры!..

Несчастливцев *(со вздохом)*. Все там будем, брат Аркадий.

Счастливцев. Одна была у нас дорожка, Геннадий Демьяныч, и ту перебивают.

Несчастливцев. Оттого, что просто; паясничать-то хитрость не велика. А попробуй-ка в трагики! Вот и нет никого.

Счастливцев. А ведь игры хорошей у образованных нет, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Нет. Какая игра! Микина!

Счастливцев. Канитель.

Несчастливцев. Канитель, братец! А как пьесы ставят, хоть бы и в столицах-то. Я сам видел: любовник тенор, резонер тенор и комик тенор *(басом)*; основания-то в пьесе и нет. И смотреть не стал, ушел. Ты зачем это эспаньолку завел?

Счастливцев. А что же-с?

Несчастливцев. Скверно. Русский ты человек али нет? Что за гадость? Терпеть не могу. Обрей совсем или уж бороду отпусти.

Счастливцев. Я пробовал бороду-с, да не выходит.

Несчастливцев. Как так? Что ты врешь?

Счастливцев. Да вместо волос-то перья растут, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Гм! Перья! Рассказывай еще! Говорю тебе, обрей. А то попадешь мне под сердитую руку... с своей эспаньолкой... смотри!

Счастливцев *(робко)*. Обрею-с.

Несчастливцев. А я, брат Аркаша, там, на юге, расстроился совсем.

Счастливцев. Отчего же так-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Характер, братец. Знаешь ты меня: лев ведь я. Подлости не люблю, вот мое несчастие. Со всеми антрепренерами перессорился. Неуважение, братец, интриги; искусства не ценят, всё копеечники. Хочу у вас, на севере, счастья попробовать.

Счастливцев. Да ведь и у нас то же самое, и у нас не уживетесь, Геннадий Демьяныч. Я вот тоже не ужился.

Несчастливцев. Ты... тоже!.. Сравнял ты себя со мной.

Счастливцев *(обидясь)*. Еще у меня характер-то лучше вашего, я смирнее.

Несчастливцев *(грозно)*. Что-о?

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Да как же, Геннадий Демьяныч-с? Я смирный, смирный-с... Я никого не бил.

Несчастливцев. Так тебя били, кому только не лень было. Ха-ха-ха! И всегда так бывает: есть люди,

которые бьют, и есть люди, которых бьют. Что лучше — не знаю: у всякого свой вкус. И смеешь ты...

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Ничего я не смею, а вы сами сказали, что не ужились.

Несчастливцев. Не ужились?.. А тебя из какого это города губернатор-то выгнал? Ну, сказывай!

Счастливцев. Что сказывать-то? Мало ли что болтают. Выгнал... А за что выгнал, как выгнал?

Несчастливцев. Как выгнал? И то слышал, и то известно, братец. Три раза тебя выбивали из города; и одну заставу выгонят, ты войдешь в другую. Наконец уж губернатор вышел из терпения: стреляйте его, говорит, в мою голову, если он еще воротится.

Счастливцев. Уж и стрелять! Разве стрелять можно?

Несчастливцев. Стрелять не стреляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

Счастливцев. Совсем и не четыре.

Несчастливцев. Ну, будет, Аркадий! Не раздражай ты меня, братец! *(Повелительно.)* Подвигайся! *(Встает.)*

Счастливцев. Подвигаюсь, Геннадий Демьяныч. *(Встает.)*

Несчастливцев. Да, брат Аркадий, разбился я с театром; а уж и жаль теперь. Как я играл! Боже мой, как я играл!

Счастливцев *(робко)*. Очень хорошо-с?

Несчастливцев. Да так-то хорошо, что... Да что с тобой толковать! Что ты понимаешь! В последний раз я Лебедями играл и Велизария[1], сам Николай Хрисанфыч Рыбаков смотрел. Кончил я последнюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаков тут. Положил он мне так руку на плечо... *(С силою опускает руку на плечо Счастливцеву.)*

Счастливцев *(приседая от удара)*. Ой! Геннадий Демьяныч, батюшка, помилосердуйте! Не убивайте! Ей-богу, боюсь.

Несчастливцев. Ничего, ничего, брат; я легонько, только пример... *(Опять кладет руку.)*

Счастливцев. Ей-богу, боюсь! Пустите! Меня ведь уж раз так-то убили совсем до смерти.

[1] Велизарий — герой одноименной драмы немецкого драматурга Э. Шенка (1788—1841).

Несчастливцев *(берет его за ворот и держит)*. Кто? Как?

Счастливцев *(жмется)*. Бичевкин. Он Ляпунова играл, а я Фидлера-с. Еще на репетиции он все примеривался. «Я, говорит, Аркаша, тебя вот как в окно вышвырну: этой рукой за ворот подниму, а этой поддержу, так и выкину. Так, говорит, Каратыгин делал». Уж я его молил, кланялся, и на коленях стоял. «Дяденька, говорю, не убейте меня!»—«Не бойся, говорит, Аркаша, не бойся!» Пришел спектакль, подходит наша сцена; публика его принимает; гляжу: губы у него трясутся, щеки трясутся, глаза налились кровью. «Постелите, говорит, этому дураку под окном что-нибудь, чтоб я в самом деле его не убил». Ну, вижу, конец мой приходит. Как я пробормотал сцену — уж не помню; подходит он ко мне, лица человеческого нет, зверь зверем; взял меня левою рукой за ворот, поднял на воздух; а правой как размахнется, да кулаком меня по затылку как хватит... Света я невзвидел, Геннадий Демьяныч, сажени три от окна-то летел, в женскую уборную дверь прошиб. Хорошо трагикам-то! Его тридцать раз за эту сцену вызвали; публика чуть театр не разломала, а я на всю жизнь калекой мог быть, немножко бог помиловал... Пустите, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев *(держит его за ворот)*. Эффектно! Надо это запомнить. *(Подумав.)* Постой-ка! Как ты говоришь? Я попробую.

Счастливцев *(падая на колени)*. Батюшка, Геннадий Демьяныч!..

Несчастливцев *(выпускает его)*. Ну, не надо, убирайся! В другой раз... Так вот положил он мне руку на плечо. «Ты, говорит... да я, говорит... умрем, говорит...» *(Закрывает лицо и плачет. Отирая слезы.)* Лестно. *(Совершенно равнодушно.)* У тебя табак есть?

Счастливцев. Какой табак, помилуйте! Крошки нет.

Несчастливцев. Как же ты в дорогу идешь, а табаком не запасся? Глуп.

Счастливцев. Да ведь и у вас нет?

Несчастливцев. «У нас нет». Смеешь ты мне это говорить? У меня такой был, какого ты и не видывал, одесский, первый сорт от Крнока, да теперь вышел.

Счастливцев. И у меня тоже вышел-с.

Несчастливцев. А денег с тобой много?

Счастливцев. У меня и сроду много-то не было, а теперь копейки за душой нет.

Несчастливцев. Как же в дорогу без денег-то? Без табаку и без денег. Чудак!

Счастливцев. Лучше, не ограбят-с. Да разве не все равно без денег-то, что на месте сидеть, что по дороге идти?

Несчастливцев. Ну, до Воронежа, положим, ты с богомольцами дойдешь, Христовым именем пропитаешься; а дальше-то как? Землей войска Донского? Там не то что даром, а и за деньги не накормят табачника[1]. Облика христианского на тебе нет, а ты хочешь по станицам идти: ведь казачки-то тебя за беса сочтут — детей стращать станут.

Счастливцев. Уж вы не хотите ли мне взаймы дать, Геннадий Демьяныч? Надо правду сказать, душа-то нынче только у трагиков и осталась. Вот покойный Корнелий, бывало, никогда товарищу не откажет, последними поделится. Всем бы трагикам с него пример брать.

Несчастливцев. Ну, ты этого мне не смей говорить! И у меня тоже душа широкая, только денег я тебе не дам, самому, пожалуй, не хватит. А пожалеть тебя, брат Аркашка, я пожалею. У тебя нет тут поблизости родных или знакомых?

Счастливцев. Нет; да ведь если б и были, так они денег не дадут.

Несчастливцев. Не об деньгах речь! А хорошо бы отдохнуть с дороги, пирогов домашних, знаешь, наливочки попробовать. Как же это, братец ты мой, у тебя ни родных, ни знакомых нет? Что же ты за человек?

Счастливцев. Да ведь и у вас тоже нет.

Несчастливцев. У меня-то есть, да я было хотел мимо пройти, горд и очень. Да уж, видно, завернуть.

Счастливцев. Ведь и у родных-то тоже не велика радость нам, Геннадий Демьяныч. Мы народ вольный, гуляющий,— нам трактир дороже всего. Я у родных-то пожил, знаю. У меня есть дяденька, лавочник в уездном городе, верст за пятьсот отсюда, погостил я у него, да кабы не бежал, так...

Несчастливцев. Что же?

[1] Старообрядцы, отколовшиеся от русской православной церкви, считали курение большим грехом и не допускали в свою среду курящих табак.

Счастливцев. Нехорошо-с. Да вот я вам расскажу-с. Шлялся я без дела месяца три, надоело; дай, думаю, дяденьку навещу. Ну и пришел-с. Долго меня в дом не пущали, все разные лица на крыльцо выглядывали. Наконец выходит сам «Ты, говорит, зачем?» — «Навестить, говорю, вас, дяденька».— «Значит, ты свои художества бросил?» — «Бросил»,— говорю. «Ну, что ж, говорит, вот тебе каморка, поживи у меня, только прежде в баню сходи». Стал я у них жить. Встают в четыре часа, обедают в десять, спать ложатся в восьмом часу; за обедом и за ужином водки пей сколько хочешь, после обеда спать. И все в доме молчат, Геннадий Демьяныч, точно вымерли. Дядя с утра уйдет в лавку, а тетка весь день чай пьет и вздыхает. Взглянет на меня, ахнет и промолвит: «Бессчастный ты человек, душе своей ты погубитель!» Только у нас и разговору. «Не пора ли тебе, душе своей погубитель, ужинать; да шел бы ты спать».

Несчастливцев. Чего ж тебе лучше?

Счастливцев. Оно точно-с, я было поправился и толстеть уже стал, да вдруг как-то за обедом приходит в голову мысль: не удавиться ли мне? Я, знаете ли, тряхнул головой, чтоб она вышла, погодя немного опять эта мысль, вечером опять. Нет, вижу, дело плохо, да ночью и бежал из окошка. Вот каково нашему брату у родных-то.

Несчастливцев. Я бы и сам, братец, не пошел, да, признаться тебе сказать, устал, а еще до Рыбинска с неделю пропутешествуешь, да и дело-то найдешь ли, неизвестно. Вот, если бы нам найти актрису драматическую, молодую, хорошую...

Счастливцев. Тогда бы уж и хлопотать нечего-с, мы бы сами-с... остальных подобрать легко. Мы бы такую труппу составили... Я кассиром...

Несчастливцев. За малым дело стало, актрисы нет.

Счастливцев. Да их теперь и нигде нет-с.

Несчастливцев. Да понимаешь ли ты, что такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мне нужно? Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь.

Счастливцев. Ну, уж огня-то, Геннадий Демьяныч, днем с огнем не найдешь.

Несчастливцев. Ты у меня не смей острить, когда я серьезно разговариваю. У вас, водевильных актеров, только смех на уме, а чувства ни на грош. Бросится женщина в омут головой от любви — вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю. Ну, видно, идти.

Счастливцев. Куда-с?

Несчастливцев. Не твое дело. Пятнадцать лет, братец, не был, а ведь я чуть не родился здесь. Детские лета, невинные игры, голубятни, знаешь ли, все это в памяти. *(Опускает голову.)* Что ж, отчего ей не принять меня? Она уж старушка; ей, по самому дамскому счету, давно за пятьдесят лет. Я ее не забывал, посылал, братец, ей часто подарки. Из Карасубазара послал ей туфли татарские, мороженую нельму из Иркутска, бирюзы — из Тифлиса, кирпичного чаю, братец, из Ирбита, балык — из Новочеркасска, малахитовые четки — из Екатеринбурга, да всего и не упомнишь. Конечно, лучше бы нам с тобой подъехать к крыльцу в карете; дворня навстречу... а теперь пешком, в рубище. *(Утирает слезы.)* Горд я, Аркадий, горд! *(Надевает чемодан.)* Пойдем, и тебе угол будет.

Счастливцев. Куда же, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Куда? *(Указывает на столб.)* Читай!

Счастливцев *(читает)*. В усадьбу «Пеньки», помещицы госпожи Гурмыжской.

Несчастливцев. Туда ведет меня мой жалкий жребий. Руку, товарищ.

Медленно уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Лица

Гурмыжская.
Буланов.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Восмибратов.
Петр.
Кирп.

Старый густой сад; налево от зрителей невысокая терраса барского дома, уставленная цветами; с террасы сход в три или четыре ступени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гурмыжская на террасе. Буланов в саду.

Буланов *(увидев Гурмыжскую, помогает ей сойти с террасы и целует ее руку)*. С добрым утром, Раиса Павловна!

Гурмыжская. Здравствуй, мой друг!

Буланов *(с участием)*. Как ваше здоровье-с?

Гурмыжская. Благодарю тебя, мой милый. Я здорова и как-то особенно свежо чувствую себя сегодня, несмотря на то, что плохо ночь спала. Какое-то волнение, и такие все неприятные сны видела. Ты снам веришь?

Буланов. Как же не верить-с? Может быть, если б я поучился побольше, я б и не верил-с. *(Злобно улыбаясь.)* А ведь я не доучился-с, я и растрепанный не хожу, и умываюсь каждый день, и снам верю-с.

Гурмыжская. Бывают сны, которых целый день не выживешь из головы.

Буланов. Что ж вы, Раиса Павловна, изволили видеть?

Гурмыжская. Ну, положим, что я тебе всего не скажу.

Буланов. Извините!

Гурмыжская. И вины никакой нет. Другой сон я тебе скажу, а этот нет.

Буланов. Отчего же-с?

Гурмыжская. Оттого, что рассказывать сны иногда точно то же, что рассказывать свои тайные мысли или желания; а это не всегда удобно: я — женщина, ты — мужчина.

Буланов. Так что ж, что мужчина-с?

Гурмыжская. Уж это такая невинность, что из рук вон. Ну, я тебя видела.

Буланов. Меня? Это мне очень приятно-с.

Гурмыжская. Будто?

Буланов. Значит, вы обо мне думали-с, как почивать ложились.

Гурмыжская. Скажите пожалуйста! И ты этим очень доволен?

Буланов. Да как же не доволен-с? Я все боюсь, что вы на меня рассердитесь за что-нибудь и прогоните к маменьке.

Гурмыжская. Ах, как это смешно! Да за что же мне рассердиться на тебя? Бедный, ты меня боишься?

Буланов. Как же не бояться: говорят, вы очень строги.

Гурмыжская. Это хорошо, что так говорят. Но с тобой, мой друг, я строга не буду: хуже всего для тебя, если ты меня будешь бояться.

Буланов. Хорошо-с. Вот, если б я знал...

Гурмыжская. Что?

Буланов. Как угодить вам.

Гурмыжская. Догадайся.

Буланов. Догадаться-то разве легко-с? Да у меня на это и ума нет.

Гурмыжская. На что же у тебя ум?

Буланов. На все, что прикажут; вот еще имением управлять, мужиками-с. Если б были крепостные, вам бы лучше меня управляющего не найти; нужды нет, что я молод.

Гурмыжская. Ах, этот сон! Нейдет из головы, да и только.

Буланов. Чем же он вас так беспокоит?

Гурмыжская. Довольно трудно объяснить: но с тобой я могу говорить откровенно; я вижу, что ты мне предан. Вот видишь: у меня есть племянник.

Буланов. Я знаю-с. Вы его очень любите и часто говорите про него.

Гурмыжская. Мой друг, иногда говорят одно, а думают совсем другое. Зачем я всякому стану объяснять свои чувства! Я по родству должна любить его, ну, я и говорю, что люблю.

Буланов. А в самом-то деле не любите?

Гурмыжская. Не то что не люблю, а... как тебе сказать... он теперь лишний. Я так покойна, я уж задумала, как мне распорядиться своим состоянием, и вдруг он явится. Как ему отказать! Надо будет и ему дать какую-нибудь часть, и я должна буду отнять у того, кого люблю...

Буланов. Так вы не отдавайте-с.

Гурмыжская. Да нельзя. За что ж я ему откажу, если он почтителен и ведет себя хорошо! Да я здесь так себя поставила, что отказать родственнику не могу. Ну, а если он приедет без средств? надо будет его содержать,

пожалуй, захочет поселиться у меня. Ведь не выгнать же его.

Буланов. Прикажите мне, я выгоню.

Гурмыжская *(с испугом)*. Ах, сохрани тебя бог! Береги себя, береги! Вот что я видела во сне: будто он приехал и убил тебя из пистолета при моих глазах.

Буланов. Меня? Ну, еще мы это посмотрим-с. Да вы, Раиса Павловна, лучше о нем не думайте, а то он все вам будет сниться.

Гурмыжская. Он очень умен был до сих пор, пятнадцать лет сюда и не заглядывал. Желала бы я, очень желала, чтоб и еще пятнадцать лет так прошло.

Буланов. Так вы, Раиса Павловна, лучше о нем забудьте совсем и не говорите, а то, чего доброго, накличете, пожалуй.

Гурмыжская. В самом деле, как бы не накликать.

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гурмыжская, Буланов, Карп.

Карп. Пожалуйте, сударыня, чай кушать, самовар готов-с.

Гурмыжская. Пойдем, Алексис!

Карп. Сударыня, сегодня ночью барин приехали.

Гурмыжская. Барин? Какой барин?

Карп. Геннадий Демьяныч-с.

Гурмыжская *(с испугом)*. Неужели? Слышишь, Алексис? *(Карпу.)* Где же он?

Карп. Я их в беседку проводил, там и почивать им приготовил-с. Они говорили, что остановились в городе в гостинице, всю поклажу там оставили, а к нам пешком из городу вместо прогулки.

Гурмыжская. Еще ничего не говорил?

Карп. Ничего-с. Они были не в духе-с.

Гурмыжская. Как не в духе?

Карп. Как вроде в забвении-с; надо полагать, с дороги-с. Требовали бумаги и чернил; долго ходили по беседке, все думали; сели к столу, написали записку и приказали нам отдать. *(Подает записку.)*

Гурмыжская. Что такое? Стихи какие-то. *(Читает.)*

Судьба моя, жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ах, теперь одна могила...

Что это, Алексис? Я не понимаю.

Буланов. Вы не понимаете, а мне-то где же-с?

Гурмыжская *(Карпу)*. Он спит?

Карп. Никак нет-с. Встали рано и ушли, должно быть, купаться. Я их сегодня не видал-с.

Гурмыжская. Ну, когда придет, проси в гостиную чай кушать!

Карп. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Вот и не верь снам. Пойдем, Алексис.

Уходят.

Выходят: Несчастливцев, одетый очень прилично, на голове черная складная шляпа, и Счастливцев в прежнем костюме.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Несчастливцев, Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, тетушка моя женщина почтенная, строгая; я не хочу, братец, чтоб она знала, что я актер, да еще провинциальный. *(Грозит пальцем.)* Смотри не проговорись; я Геннадий Демьяныч Гурмыжский, капитан в отставке или майор, уж как тебе угодно будет; одним словом, я барин, а ты мой лакей.

Счастливцев. Как лакей?

Несчастливцев. Так, просто лакей, да и все тут. Нельзя ж мне тебя вести в гостиную! Как я тебя представлю тетеньке? Она женщина набожная, в доме, братец, тишина, скромность — и вдруг, представьте себе,— физиономия. А лакеем быть тебе, с твоей рожей, братец, в самый раз.

Счастливцев. Нет уж, извините! Это еще неизвестно.

Несчастливцев. Что неизвестно?

Счастливцев. Насчет рожи-то.

Несчастливцев. Нет, уж ты, брат Аркадий, не сомневайся.

Счастливцев. Да, как же?

Несчастливцев *(грозно)*. Так же, говорю я тебе!

Чего тебе еще? Накормят тебя здесь хорошо, служить ты будешь только мне.

Счастливцев. Да ведь я горд, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Очень мне нужно, что ты горд. Не тебе чета, сам Мартынов играл лакеев, а ты стыдишься! Как ты, братец, глуп!

Счастливцев. Да ведь то на сцене.

Несчастливцев. Ну, и ты, братец, представь себе, что ты на сцене.

Счастливцев. Нет, я не хочу. Ишь что выдумали! Как же! Я лучше уйду, и у меня есть амбиция.

Несчастливцев. Я знаю, что амбиция есть; а паспорт есть ли?

Счастливцев. Вам что за дело?

Несчастливцев. А вот что: уйди попробуй, так увидишь. Мне, братец, только мигнуть, и пойдешь ты по этапу на место жительства, как бродяга. Я ведь знаю, ты двенадцать лет без паспорта ходишь. Вместо паспорта у тебя в кармане статья Курских губернских ведомостей, где напечатано, что приехал актер такой-то и играл очень скверно. Вот и весь твой вид. Ну, что ж ты замолчал? То-то же! А ты сделай, братец, для меня! Кто тебя просит, подумай! Ну по-товарищески, понимаешь, по-товарищески!

Счастливцев. Если по-товарищески, я пожалуй.

Несчастливцев. Ты не подумай, братец, что я гнушаюсь своим званием. А неловко, братец: дом такой: тишина, смирение. А ведь мы с тобой почти черти, немного лучше. Сам знаешь: скоморох попу не товарищ. Только ты насчет ссоры или драки, ну, и насчет чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебе и трудно будет, а постарайся, братец, вести себя, как следует порядочному лакею. Вот, во-первых, сними, братец, картуз да отойди к стороне, кто-то идет.

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Несчастливцев, Счастливцев, Карп.

Карп. Здравствуйте, батюшка барин! Как почивать изволили?

Несчастливцев. Ничего, братец, соснул недурно.

Карп. Что это, сударь, как вы постарели.

Несчастливцев. Жизнь, братец...

Карп. Понимаю, сударь, как не понимать. Тоже ведь эта служба...

Несчастливцев. Да, братец, эта служба...

Карп. Опять же, сударь, и походы...

Несчастливцев *(со вздохом)*. Ох, походы, походы!

Карп. С места на место, сударь...

Несчастливцев. Да, брат, с места на место. Вы как здесь поживаете?

Карп. Какая наша жизнь, сударь! Живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью. Пожалуйте, сударь, пожалуйте! Тетенька вас чай кушать дожидаются.

Несчастливцев *(подходя к террасе)*. Послушай, Карп, не забудь моего Аркашку, напой чайком, братец!

Карп. Слушаю, сударь, будьте покойны.

Несчастливцев уходит.

Счастливцев. Ах, черт возьми, ушел, оставил с хамом! Вот уж он и с разговором лезет.

Карп. Как вас звать?

Счастливцев. Сганарель[1].

Карп. Вы кто же будете? Иностранец, что ли?

Счастливцев. Иностранец буду. А вас как?

Карп. Карп Савельич.

Счастливцев. Не может быть.

Карп. Верно.

Счастливцев. Да ведь карп — рыба.

Карп. То карпия.

Счастливцев. Да что карпия, что карп — все равно. Уж лучше бы вас Сазаном Савельичем звали.

Карп. Ну, как можно. Хотите чаю?

Счастливцев. Нет.

Карп. Как нет?

Счастливцев. Так, нет.

Карп. Так-таки совсем и не хотите?

Счастливцев. Совсем и не хочу.

Карп. Да почему же так?

Счастливцев. Потому же.

Карп. Это я не понимаю.

[1] Сганарель — персонаж комедии Мольера «Дон Жуан».

Счастливцев. Очень просто. Оно после купанья-то лучше бы...

Карп. Само собой, что лучше бы... только где взять?

Счастливцев. Потрудитесь, Окунь Савельич!

Карп. Да не окунь, Карп. Нешто у ключницы попросить.

Счастливцев. Попросите да принесите к нам в беседку!

Карп. Да уж постараюсь для вас.

Счастливцев. Постарайтесь, Налим Савельич! *(Кланяется и уходит.)*

Карп. Ах, шут гороховый! Откуда его вывезли, из каких таких земель? Должно быть, издалёка. Вот так камардин[1]. Да и то сказать — образование; а здесь что? Одно слово: лес.

Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Карп, Восмибратов, Петр.

Карп. Вам что?

Восмибратов. Барыню любопытно бы видеть, любезнейший.

Карп. Дожидайтесь своего термину[2], когда вас позовут.

Петр. Да чудак, ведь у нас с тятенькой дела.

Карп. Нужда нам велика до ваших дел! Нельзя же, помилуйте! Куда же вы лезете?

Петр. А ты все-таки поди доложь, попробуй!

Карп. Как вы говорите доложить, коли заняты с полковником. Племянник ихний приехал.

Восмибратов. Полковник?

Карп. Разумеется, полковник... Пятнадцать лет не видались.

Восмибратов. Надолго?

Карп. Зачем ему надолго? Совсем приехали.

Восмибратов *(подумав)*. Строги?

[1] Камардин — искаженное слово камердинер — слуга.

[2] Своего термину — здесь: своего времени.

Карп. Само собой, а то как же! Об чем говорить еще! Какое звание! Возьмите себе в ум!

Восмибратов *(махнув рукой)*. Ну, пущай их!.. А ты все-таки в свое время... *(Уходит, за ним Петр.)*

Карп. Учите еще!

Выходят из дому Несчастливцев и Буланов. Карп уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Несчастливцев и Буланов.

Несчастливцев. Какова у меня сестренка, братец?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Женись, братец, женись!

Буланов. Вы одобряете?

Несчастливцев. Да мне-то что за дело? Родятся люди, женятся, умирают; значит, так нужно, значит, хорошо.

Буланов. Прошу вас полюбить меня-с.

Несчастливцев. Да на что тебе моя любовь? Что в ней, братец, толку?

Буланов. Все-таки-с.

Несчастливцев. Разве наследства ждешь? Жди, братец, жди! А ты вот что: ты подыграйся к тетушке, она женщина богатая. Молод еще ты; а впрочем, как знать, эти способности рано открываются. Умеешь?

Буланов *(стыдливо)*. Умею-с.

Несчастливцев. Браво! Где же это ты научился в такие младенческие годы?

Буланов. Чему-с?

Несчастливцев. Подыгрываться-то, братец, угождать, ползать-то?

Буланов. Нужда научит-с.

Несчастливцев. Нужда? А почем ты ее знаешь, эту нужду-то?

Буланов. Как мне не знать-с? Я в жизни очень несчастлив-с.

Несчастливцев. Вздор, не верю. Ты счастлив. Несчастлив тот, кто угождать и подличать не умеет. Чем ты несчастлив, говори!

Буланов. Во-первых, мне папенька мало наследства оставил.

Несчастливцев. А тебе сколько нужно?

Буланов. Хоть бы тысячи две, три десятин земли-с или деньгами тысяч сорок-с.

Несчастливцев. И ты был бы счастлив? Немного же тебе, братец, надо.

Буланов. Оно точно, что немного, а можно жить порядочно-с.

Несчастливцев. Ну, подожди, братец, я тебе больше оставлю.

Буланов. Вы нарочно-с?

Несчастливцев. Ну, вот еще! Родных у меня нет, ты мне очень понравился. А еще какое несчастие у тебя?

Буланов. Ученьем несчастлив-с... я даже в гимназии не кончил-с.

Несчастливцев *(снимает шляпу и кланяется)*. Уж ты меня, братец, извини, сделай милость!

Буланов. В чем же-с?

Несчастливцев. В этом я тебе помочь никак не могу. И рад бы, да не могу.

Буланов. Да ничего, помилуйте-с! Это и не нужно-с; были бы деньги. Маменька говорит, что у меня ум не такой, не для ученья-с.

Несчастливцев. Какой же?

Буланов. Практический-с.

Несчастливцев. Ну, благодари творца, что хоть какой-нибудь есть. А то часто бывает, что и никакого нет.

Буланов. Да и это ничего-с. Было бы только земли побольше, да понимать свой интерес, помещичий; а то и без ума можно прожить-с!

Несчастливцев. Да оно и лучше, голове легче. Так ума у тебя нет? Хоть папиросы есть ли?

Гурмыжская показывается на террасе.

Буланов *(смеется)*. Тоже нет-с.

Несчастливцев. Чему же ты, братец, смеешься? Да ты куришь или нет?

Буланов *(тихо)*. Я курю-с, и папиросы есть, только вот Раиса Павловна идут, а при них я никогда себе не позволяю.

Гурмыжская сходит в сад.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, потом Карп.

Гурмыжская. Я бы тебя никак не узнала, так ты изменился. Благодарю, что ты меня не совсем забыл; а мы тебя вспоминали чуть не каждый день.

Несчастливцев. Могу ли я забыть вас! Вы не знаете моего сердца. Я помнил вас, помню и буду помнить.

Гурмыжская. Знаю, мой друг, и благодарю тебя за память. Уж ничем ты мне так не угодил, как четками.

Несчастливцев. Когда я посылал эти четки, я думал: «Добрая женщина, ты возьмешь их в руки и будешь молиться. О, помяни меня в твоих святых молитвах!»

Гурмыжская. Поминаю, мой друг, поминаю. Однако я до сих пор не спрошу у тебя. Судя по твоему платью, ты уж больше не служишь в военной службе.

Несчастливцев. Нет. Плохо здоровье, плохи силы, враг не грозит. Но, если... а!.. мне по душе кровавые потехи! Служить в мирное время для чинов, для почестей!.. Я не честолюбив.

Гурмыжская. Но я не думаю, чтоб ты мог жить без дела. Ты, вероятно, только переменил службу?

Несчастливцев. Переменил.

Гурмыжская. И ты доволен своим положением?

Несчастливцев. Моя служба, тетушка, по мне: я доволен, и мной довольны.

Гурмыжская. Ты в отпуске?

Несчастливцев. Нет, я проездом, захотелось отдохнуть.

Гурмыжская. Очень рада, что ты догадался навестить меня. Удобно ли тебе в беседке?

Несчастливцев. О, не беспокойтесь! Сад, природа, зелень, уединение! Это рай для моей души.

Входит Карп.

Карп. Сударыня, Восмибратов давно дожидается-с.

Гурмыжская. Ах да, я и забыла, что велела приходить ему пораньше. Позови его сюда!

Карп уходит.

Не хочешь ли погулять по окрестностям? Вот Алексис будет тебе товарищем.

Несчастливцев. Нет, я гуляю только ночью. (*Буланову.*) Пойдем, братец, в беседку!

Буланов. Пойдемте-с.

Уходят.

Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Ты меня извини, я про тебя и забыла.

Восмибратов. Ничего-с. Племянничек приехал?

Гурмыжская. Да, племянник.

Восмибратов. Дело хорошее-с. Однако, сударыня, не задерживайте!

Гурмыжская. Нет, уж и теперь тебя не задержу.

Восмибратов. То-то уж, не задерживайте-с!

Гурмыжская. Нет, нет, мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо-с!

Молчание.

Гурмыжская. Ты принес?

Восмибратов. Как же, свое дело помним-с.

Гурмыжская. Ну, так вот мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо, хорошо-с.

Молчание.

Гурмыжская. Так как же, много ль там?

Восмибратов. Пожалуйте-с.

Гурмыжская. Что?

Восмибратов. Записочку-с, условьице-то наше.

Гурмыжская. Да как же, право; и не знаю, куда я ее дела.

Восмибратов. Поищите-с.

Гурмыжская. Где ж ее искать! Я, право, не знаю; я, должно быть, ее потеряла.

Восмибратов. Как же это так-с? Ведь вы меня таким манером можете обидеть.

Гурмыжская. Что за вздор! Как я тебя обижу?

Восмибратов. Да как только вам угодно, так и обидите. Вы записочку потеряли, я тогда с вас тоже, по

глупости, не взял. Вы скажете, что за десять тысяч продали: ведь уж я лес-то срубил и вывез, торговаться теперь не станешь.

Гурмыжская. Ну, вот еще! Разве ты меня не знаешь?

Восмибратов. Уж я на вас в надежде-с; потому я теперь весь в ваших руках-с.

Гурмыжская. А впрочем, что ж тебе сомневаться, Иван Петрович; я тебе записку приготовила новую.

Восмибратов. Приготовили-с?

Гурмыжская. Да. Что деньги я все сполна получила.

Восмибратов. Да-с. Это дело другое-с. Много вами благодарен. Однако же позвольте эту самую записочку полюбопытствовать.

Гурмыжская. Вот она! *(Подает записку.)* Посмотри!

Восмибратов *(принимая)*. Без очков-то я не очень-с, а в очках-то еще хуже. Да вот сын прочитает. Петр, читай! *(Отдает записку Петру.)*

Петр *(читает)*. За проданный мною калиновскому купцу, Ивану Петрову Восмибратову...

Восмибратов. Да-с, это так точно-с!

Петр *(читает)*. ...на сруб лес в пустошах: Горелой и Палёной...

Восмибратов. Они самые-с.

Петр *(читает)*. ...и две десятины в Пылаевой, деньги все сполна получила, калиновская помещица Раиса Гурмыжская.

Восмибратов *(берет записку)*. Очень хорошо-с. *(Вынимает бумажник и тщательно укладывает в него записку)*. Извольте получить-с. *(Вынимает деньги и считает.)* Тысяча... тысяча триста, пятьсот, семьсот... *(задумывается и как будто вспоминает)* восемьсот. Пожалуйте-с! *(Подает Гурмыжской.)*

Гурмыжская. Как же тысяча восемьсот? Да ведь мне нужно...

Восмибратов. Виноват-с, простите великодушно! Вот память-то! *(Вынимает деньги и подает.)* Еще двести рублей! Теперь так точно. Кажется, так? Петруша, так? Что ж ты молчишь? *(Грозно.)* Говори, дерево стоеросовое!

Петр. Так-с!

Гурмыжская. Иван Петрович, ты шутишь со мной? Три, а не две.

Восмибратов *(обидясь)*. Какие три! Что вы, помилуйте!

Гурмыжская. Разве ты забыл? За один полторы и за другой полторы.

Восмибратов. Нельзя этому быть-с, по расчету не выходит-с.

Гурмыжская. По какому расчету?

Восмибратов. Где же у меня глаза-то-с! Нешто такой лес за три тысячи покупают? Ведь мы тоже норовим чтоб без убытку.

Гурмыжская. Я на тебя надеялась, я тебя всем хвалила, что ты хороший, семейный человек...

Восмибратов. Это в состав не входит-с.

Гурмыжская. Если ты так, я не согласна.

Восмибратов. Как вам угодно-с. Прощения просим. Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Да я не согласна продать тебе за эту цену Палёную и Пылаеву. Ну, рассуди сам. Ведь есть у тебя рассудок?

Восмибратов. Как не быть? Нам без него нельзя-с. Это-вот вашей милости точно что рассудку не требуется, потому вы за готовым и так проживете. Если не согласны продавать, пожалуйте деньги назад; надо какой-нибудь конец сделать.

Гурмыжская. Полторы тысячи за Горелую оставлю, а пятьсот возьми.

Восмибратов. Нет, я вижу, нам долго торговаться-с. Я за Палёную и Пылаеву меньше двух тысяч не возьму, и то с вас только.

Гурмыжская. Как не возьмешь?

Восмибратов. Да так же-с. Я их купил у вас; за что, значит, хочу, за то и продаю.

Гурмыжская. Если я тебе отдам две тысячи, мне за Горелую ничего не останется.

Восмибратов. Это уж ваше дело-с.

Гурмыжская. Нет, нет, не хочу, не хочу.

Восмибратов. Ежели бы вы для нас, так и мы бы для вас; а нашим родом и званием гнушаться изволите...

Петр. Тятенька!

Восмибратов. Убью.

Гурмыжская. Нет, нет. Ты возьми пятьсот рублей.

Восмибратов. Чего ежели невозможно, зачем говорить! Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Так как же?

Восмибратов. Это и малый ребенок поймет. Лес я у вас купил, деньги вам отдал, вы мне расписочку дали, значит, лес мой, а деньги ваши. Теперь поклон, да и вон. Прощенья просим! *(Уходит; за ним Петр.)*

Гурмыжская. Что ж это такое? Денной грабеж! Удивительное дело, ничего-то мне в жизни не удалось ни купить, ни продать, чтоб меня не обманули. Видно, уж так мне на роду написано. *(Уходит на террасу.)*

Входят Несчастливцев и Буланов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов.

Буланов. Как вы фокусы делаете бесподобно-с! Как же это у вас девятка-то...

Несчастливцев. Вольт, братец!

Буланов. Научите меня вольты делать!

Несчастливцев. Зачем?

Буланов. Вот видите ли, помещики у нас кругом богатые... Иногда в карты-с... что ж мне за расчет проигрывать; я человек бедный-с.

Несчастливцев. Да ты, братец, молодец совсем.

Гурмыжская *(сходя с террасы)*. Представь, Алексис, я продала Ивану Петрову лес за три тысячи, а получила только две.

Буланов. Как же это-с?

Гурмыжская. Я сама виновата: я ему вперед расписку отдала, что я все сполна получила, ну, он и дал только две.

Несчастливцев *(грозно)*. Ах, анафема!

Буланов. Зачем же вы так-с? Ах, какая жалость! Лучше бы...

Гурмыжская. Уж теперь нечего делать, мой друг; хорошо, что и две-то дал.

Несчастливцев *(с жаром)*. Как нечего? Воротить его! *(Поднимая глаза к небу.)* Что я с ним сделаю! Боже, что я с ним сделаю!

Буланов. Да ведь у него расписка.

Несчастливцев. Толкуй еще! Нужно мне очень расписки знать! Где он? Подайте его сюда! Что я с ним сделаю!

Входят Карп и Счастливцев.

Гурмыжская *(Буланову)*. Ах, какой он страшный! Пойдем, пойдем!

Буланов. Позвольте, я останусь; любопытно-с.

Гурмыжская уходит.

Ушел Иван Петров?

Карп. Нет еще, здесь, на дворе-с.

Несчастливцев. Вороти этого мошенника! Я его!.. За ворот тащи!

Карп уходит.

Аркашка, подай мои ордена!

Счастливцев уходит.

Буланов. Что же вы с ним будете говорить?

Несчастливцев. Почем я знаю, братец, что я буду говорить!

Буланов. Да разве можно против документов-с?

Несчастливцев. А вот я тебе покажу, что можно. Что мне за дело до документов, я не подьячий. Да отстань ты от меня, мне теперь, братец, не до тебя!

Счастливцев приносит бутафорские ордена. Несчастливцев надевает их.

Буланов. Какие же это ордена-с? Иностранные?

Входят Карп, Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Карп.

Восмибратов. Чего еще? Какая такая надобность? У нас тоже свое дело есть, разговоры-то уж нам надоели.

Карп. Пожалуйте! Мне что, коли требуют.

Буланов. Это иностранные ордена-с?

Несчастливцев. Иностранные. Оставь, братец, меня в покое! *(Восмибратову.)* Поди сюда!

Восмибратов. Желаю здравствовать, ваше высокородие! Имени, отчества не знаю-с...

Несчастливцев. Поди сюда, говорят тебе!

Восмибратов *(сыну)*. Петрушка, отдайся к стороне! Отойди маненько! Вот так-то! *(Несчастливцеву.)* Что же будет вам угодно-с?

Несчастливцев. Не могу же я с тобой за версту разговаривать.

Восмибратов. Может, на ухо крепки-с, так мы подойдем, важности не состоит.

Несчастливцев. Как же ты посмел подумать!..

Восмибратов. Позвольте-с!

Несчастливцев. Молчи! Такая женщина! И ты...

Восмибратов. Какая женщина? Позвольте-с...

Несчастливцев. Какая женщина! Он спрашивает! Молчи, говорят тебе! Женщина, перед которой все, все, даже я... я благоговею! И ты, презренный алтынник!..

Восмибратов. Насчет чего же это-с?

Несчастливцев. Не перебивай меня! Благодари бога, что у меня еще есть капля терпения! Горе тебе, если его не будет! *(Грозит пальцем.)*

Восмибратов. Петрушка! Что ты рот разинул! Стой хорошенько!

Несчастливцев. Несчастный! Не становись между львом и его...

Восмибратов. Что же вы кричите! Вы будете кричать, я буду кричать, будет базар, а толку не выдет...

Несчастливцев. Ты, ты?.. Ты будешь кричать?

Восмибратов. Да отчего ж не кричать, коли здесь такое заведение? Мы промеж себя говорим тихо, потому у нас глухих нет.

Несчастливцев *(Буланову)*. Что он говорит? Что он говорит? Что он смеет говорить?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Боже великий! И он жив еще? Я еще не убил его?

Восмибратов. Это на что же-с! А вы позвольте, что вам угодно? Потому мне тут даром гостить нечего.

Несчастливцев. Что мне угодно? Он спрашивает, что мне угодно! А! Ха, ха, ха! Мне угодно сказать тебе, что ты мошенник.

Восмибратов. Нет, вы уж это оставьте! Ни к чему не ведет. По нынешнему времени это лишнее.

Петр. Какие комплименты!

Восмибратов. Петрушка, поди сюда!

Петр. Я здесь, тятенька.

Восмибратов. Коли есть дело, так говорите, а нет, так прощенья просим. Да вот что, лучше ко мне пожалуйте, мне дома-то слободнее разговаривать. Петр, пойдем!

Несчастливцев *(грозно)*. Постой!

Петр. За постой-то деньги платят.

Несчастливцев. Как же ты обманул честную женщину!

Восмибратов. Обман! Говорить-то все можно. Отчего же вы тетеньке верите, а мне нет?

Несчастливцев. Он спрашивает... Она кроткая, как ангел, и он... *(Всплеснув руками.)* Он еще разговаривает! Посмотрите на него! Одна рожа-то твоя, богопротивная, чего стоит!

Восмибратов. Петрушка, стань тут!

Петр. Однако, тятенька, уж довольно бы этих куплетов слушать...

Несчастливцев. Кротость! Олицетворенная кротость!

Восмибратов. Этого у них никто не отнимает, только что рассудку... в умалении.

Несчастливцев. Что твой рассудок! На что твой рассудок! Рассудок вершок, золотник, гран; а честь бесконечна. И ее-то у тебя нет.

Восмибратов. Нет уж, барин, ты что хочешь говори, а чести не трожь: судиться буду. Как так у меня чести нет? Коли я свои документы оправдываю — вот моя и честь. Да про меня спроси на сто верст, все тебе то же скажут. Мало тебе, я сам про себя скажу, что я — честный человек. Уж насчет там чего другого я не хвалюсь, а насчет чести и вот что скажу, барин: я не человек, я — правило.

Несчастливцев *(садится к столу и опускает голову)*. Ступай!

Восмибратов. Чего ступай?

Несчастливцев. Довольно! Пошел вон! О, люди, люди!

Восмибратов. Чего довольно? Нет, погоди. Хочешь, барин, я тебя одним словом убью?

Несчастливцев. Меня?

Восмибратов. Да, тебя. *(Подходит, вынимает бумажник и бросает на стол.)* Видал ты это?

Несчастливцев. Что такое?

Восмибратов. Может, твоя тетенька сама забыла: ну, да бог с ней, ты ей веришь, бери на свою совесть, бери, сколько хочешь. Я не препятствую, бери.

Буланов. Берите скорей!

Несчастливцев *(Буланову)*. Пошел прочь! *(Восмибратову, отдавая бумажник.)* Отдай сам!

Восмибратов. То-то сам. *(Отсчитывает деньги.)* Вот я какой человек. В поминанье меня запишите!

Несчастливцев. Руку!

Восмибратов. Чего руку! *(Подает руку.)* Давно бы так. Я какой человек? Ты, должно быть, барин, знаешь мой характер! Коли меня раздразнить, я в задор войду — все отдам. Точно, что мы торговались за три, кажись, а наверное не скажу... Документов нет, моя воля. На вот, отдай им тысячу рублей. А все-таки скажу: не порядок!

Входит Гурмыжская.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Карп.

Несчастливцев *(подавая Гурмыжской деньги)*. Вот ваши деньги, получите. *(Отходит к стороне и стоит, скрестя руки и опустя голову.)*

Гурмыжская. Очень тебе благодарна, мой друг!

Восмибратов. Получили-с? А только, если б не барин, не видать бы вам этих самых денег. Да и я-то бы против себя виноват был; потому тоже совесть.

Гурмыжская. Ты на меня не сердись, Иван Петрович! Я женщина, с меня строго взыскать нельзя. Сделай милость, приезжай ко мне завтра обедать.

Восмибратов. От хлеба, от соли не отказываются. Да там еще насчет пеньков...

Гурмыжская. Ну, и насчет пеньков.

Восмибратов. Прощенья просим! Прощай, барин сердитый! Петр, пойдем. *(Уходит; за ним Петр и Карп.)*

Гурмыжская *(Несчастливцеву)*. Ах, как я тебе благодарна! А ты знаешь ли, ведь я тебе еще должна ровно такую сумму. *(Как бы спохватившись, торопливо прячет деньги.)*

Несчастливцев. Не верю.

Гурмыжская *(запирая коробку.)* Я твои деньги берегу, мой друг, берегу!

Несчастливцев. Ах, тетушка, оставьте свои хитрости! Как вам не стыдно! О, сердце женское! Вы хотите предложить мне деньги, да не знаете, как это сделать деликатнее. Вы мне должны! Ну и прекрасно! Когда-нибудь сочтемся! Не откажите, когда буду нуждаться, а теперь мне не нужны деньги, я богат.

Гурмыжская. Ну, как хочешь, мой друг.

Счастливцев *(про себя)*. Что он ломается без копейки-то.

Гурмыжская *(взглянув на Буланова)*. Я надеюсь, что ты погостишь у нас.

Несчастливцев. Два, три дня, не больше, если позволите.

Гурмыжская. Что ж так мало?

Несчастливцев. С меня довольно. Навестить родные кусты, вспомнить дни глупого детства, беспечной юности... Кто знает, придется ли еще раз перед вратами вечности...

Гурмыжская. Не думаешь ли ты, что стеснишь меня? Напротив, я была бы очень рада!

Несчастливцев. Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернист; но я не сойду с него.

Гурмыжская *(показывает глазами Буланову, что она очень довольна)*. Как хочешь, мой друг. Я думала, что тебе будет здесь покойнее.

Несчастливцев. Мой покой в могиле. Здесь рай; я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью к вам, грудь моя полна теплых слез! *(Утирает слезы.)* Довольно милостей, довольно ласк! Я сделаюсь идолопоклонником, я буду молиться на тебя! *(Закрывает лицо рукою и уходит.)*

Счастливцев идет за ним, но останавливается и смотрит из-за куста.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Гурмыжская, Буланов, Счастливцев за кустом.

Гурмыжская. Ушел. Ну, теперь я покойна, он мне не помешает. Он какой-то восторженный! Просто мне кажется, он глупый человек. А как я давеча испугалась! Как он страшен!

Буланов. Нет, это ничего-с, это с простым народом очень хорошо-с.

Гурмыжская. Все-таки ты остерегайся! Береги себя, мой друг! Этот сон у меня из головы нейдет... у него такой бешеный характер.

Буланов. Да не беспокойтесь, мы с ним подружились.

Гурмыжская. Я никак не ожидала... сам от денег отказывается! Как это мило с его стороны! И напрасно я напоминала про этот долг. С чего это я расчувствовалась! Играешь-играешь роль, ну и заиграешься. Ты не поверишь, мой друг, как я не люблю денег отдавать.

Буланов. Я не знаю, я еще молод-с; а умные люди говорят, Раиса Павловна, что скупость не глупость.

Гурмыжская. Да я не скупа; кого я полюблю, тому я все отдам.

Буланов. А у вас много денег-с?

Гурмыжская. Много. Вот посмотри! *(Открывает коробку.)*

Буланов смотрит и вздыхает.

И все эти деньги я отдам тому, кого полюблю.

Буланов *(с глубоким вздохом)*. Ох-с!

Гурмыжская. Вот что я хотела тебе сказать, Алексис! Ты держишь себя очень подобострастно, ты все еще смотришь мальчиком; это мне не нравится. Конечно, тебя нельзя судить строго; это в тебе от бедности. Ну, мы как-нибудь этому горю поможем, сделаем тебя посолиднее. Я хочу, чтоб ты был посолиднее, Алексис. На днях ты поедешь в губернский город, закажи себе побольше хорошего платья, попросторнее, купи дорогие золотые часы с цепочкой, ну, и прочее... Кроме того, нужно, чтоб у тебя постоянно было много денег в кармане; это придаст тебе aplomb. *(Вынимает из коробочки деньги, которые ей передал Несчастливцев.)* Это деньги глупые, я их получила случайно. Я тебе их дарю.

Буланов *(потерявшись)*. Мне-с? *(Берет деньги.)* Благодарю-с! *(Целует руку.)* Солидным приказываете быть? Буду-с.

Гурмыжская. Пойдем, составим список, что тебе купить в городе.

Уходят.

Счастливцев. Прощай, денежки! Ох, эти трагики! Благородства пропасть, а смысла никакого.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лица

Гурмыжская.
Буланов.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Алешка.
Петр.
Карп.
Улита.

Другая часть сада: направо беседка, налево садовая скамья, вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несчастливцев и Счастливцев.

Несчастливцев. Ты, Аркадий, поужинал?

Счастливцев. Поужинал.

Несчастливцев. Хорошо тебе, братец, накормили?

Счастливцев. Отлично. Умный человек, Геннадий Демьяныч, нигде не пропадет.

Несчастливцев. Умный? Это ты про кого же?

Счастливцев. Про себя-с.

Несчастливцев. Ну, кто ж это тебе сказал, что ты умный? Ты, братец, не верь, тебя обманули.

Счастливцев. Даже очень умный-с. Вот, во-первых, я ем с барского стола, и сказал, что так приучен у вас; а во-вторых, сошелся с ключницей и по этому случаю, Геннадий Демьяныч, занял у нее денег, да еще у

меня бутылка наливки в уголку подле кровати, будто вакса.

Несчастливцев. Для первого дебюта недурно. Аркашка. Ты, брат, старайся, играй свою роль хорошенько!

Счастливцев. Я-то хорошо; вы-то как?

Несчастливцев. Я нынче счастлив, Аркадий: я сделал хорошее дело.

Счастливцев. Да-с, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...

Несчастливцев. Что?

Счастливцев. Ампошé [1].

Несчастливцев. Я тебе такое «ампошé» задам!

Счастливцев. Сколько денег в руках было! Ах, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев. Были, да сплыли.

Счастливцев. Зачем же вы их отдали?

Несчастливцев. Ты помешался, Аркашка! Как зачем? Они не мои.

Счастливцев. Вот еще важность! Сейчас «давай бог ноги»! В город, на тройку... покатили бы!.. потом на пароход в Ярославль, туда-сюда, а там в Нижний на ярмарку!

Несчастливцев. Удавить тебя, Аркашка, я так думаю, было бы и для тебя лучше, и для меня покойнее.

Счастливцев. Удавить! Вот вы говорите, что умны; а гимназист-то, видно, умнее: он здесь получше вашего роль-то играет.

Несчастливцев. Какая роль, братец. Ну, что он такое? Мальчишка, больше ничего.

Счастливцев. Какая роль? Первый любовник-с.

Несчастливцев. Любовник? *(Грозно.)* Чей?

Счастливцев *(комически-подобострастно)*. Тетеньки вашей.

Несчастливцев. Ха, ха, ха! Ну, Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская. Только ты будь осторожнее, не болтай лишнего, за это вашего брата бьют.

Счастливцев. Ну да, бьют...

Несчастливцев. И очень больно.

---

[1] Положить в карман (от *франц.* empocher).

Счастливцев. Как же не бить! *(Отходит к кустам.)* Он-то любовника играет, а вы-то *(из-за куста)*... простака.

Несчастливцев *(наступая)*. Я простака? Я?

Счастливцев *(перебегая на другую сторону)*. Над которым смеются.

Несчастливцев *(наступая)*. Надо мной смеются? Кто? кто? Говори, несчастный!

Счастливцев *(отступая)*. Да будет вам пугать-то! Я убегу... Чем же я виноват, я сам слышал, своими ушами.

Несчастливцев. Да кто? Проклятие!

Счастливцев. Тетенька с Булановым.

Несчастливцев *(хватаясь за голову)*. О!

Счастливцев. Дураком называли. *(Прячется за куст.)*

Несчастливцев. Аркашка! Иль тебе твоя гнусная жизнь надоела! Так поди удавись сам! Не заставляй меня марать рук об тебя!

Счастливцев. Были деньги, да взять не сумели; по усам текло, да в рот не попало. А еще меня в товарищи звали! Коли товарищи, так все пополам — тут и моя часть была.

Несчастливцев. Да ведь я тебя в товарищи-то не на разбой звал.

Счастливцев. Подайте мою часть, подайте!

Несчастливцев. Аркашка! Ты пьян, что ли?

Счастливцев. Ну, так что ж, что пьян! И горжусь этим.

Несчастливцев. Нет, убить, убить, и кончено дело! И разговаривать нечего!

Счастливцев *(отступая)*. Ну, да как не убить! *(Из-за куста.)* Руки коротки! *(Убегает.)*

Несчастливцев. Он солгал, бесстыдно солгал. О, как гнусен может быть человек! Но если... Пусть лучше он лжет, чем говорит правду! Я только прибью его... Но если моя благочестивая тетушка, этот образец кротости и смирения... О, я тогда заговорю с ней по-своему. Посмеяться над чувством, над теплыми слезами артиста! Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев! *(Уходит.)*

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Карп, потом Улита.

Карп. Поужинали; барыня в спальню ушла, можно и отдохнуть. *(Садится на скамью.)*

Входит Улита и осматривается.

Погулять вышли?

Улита. Да, Карп Савельич. Ночь уж очень...

Карп. Действительно... располагает... Что ж, погуляйте! И то сказать, живой человек, а живой о живом и думает.

Улита. Вы это про что же?

Карп. Хоть бы про вас.

Улита. В каких смыслах?

Карп. Сами можете понять.

Улита. Нет, однако?

Карп. Да мне что! Как хотите! Я вам не муж!

Улита. Это даже очень глупо, что вы говорите.

Карп. Уж это как вам будет угодно.

Улита. Не понимаю, как люди завсегда только дурное видят.

Карп. Ничего я ни дурного, ни хорошего не вижу; а только что удивительно...

Улита. Что удивительно?

Карп. При ваших таких летах...

Улита. Каких таких? Вы на моих крестинах не были. Нечего вам говорить-то, я вижу.

Карп. Вас от разговору моего не убудет.

Улита. Сидите тут, как филин, да прибираете, что в голову придет.

Карп. Стало быть, я вам здесь мешаю?

Улита. Это к чему еще? Напрасно вы так обо мне понимаете!

Входит Счастливцев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Карп, Улита, Счастливцев.

Счастливцев. Честная компания!

Улита. Милости просим!

Карп. Ваш спит?

Счастливцев *(садясь.)* Кто его знает!

Улита. Вы долго у нас прогостите?

Счастливцев. Что нам здесь делать?

Карп. А следовало бы. Порядок другой: вот давеча Иван Петров сейчас деньги отдал.

Улита. Конечно, мужчина.

Карп. А барыне где же! Добрые люди прикупают, а мы все продаем. Что одного лесу продано, что прочего! Набьет барыня полну коробку деньгами и держит их, и гроша никто не выпросит; а тут вдруг и полетят тысячи, и полетят.

Счастливцев. Разве летают?

Карп. Летают.

Улита. Все бедным да родственникам.

Счастливцев *(не слушая)*. Вот бы поймать.

Карп. Да и ловят.

Улита. Все бедным да родственникам!

Карп. Как не родственникам!

Улита. А кому же, по-вашему?

Карп. Знаем мы, кому.

Улита. Вы бы стыдились хоть при посторонних-то!

Карп. Что его стыдиться! Он наш брат, стало быть, чего же...

Улита. Кажется, уж про нас на всю губернию известно, об нашей примерной жизни.

Карп. Я про деревню и не говорю; вот разве что дальше будет. А в Петербурге, а в Москве?

Улита. Все-таки вы не должны барыню осуждать.

Карп. Да разве я осуждаю! Барыня добрая, служить нам хорошо. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, так мне верней знать, кому их посылают, родственникам или нет.

Счастливцев. Любопытный разговор.

Улита. Ничего любопытного нет. Что вы! Он все сочиняет.

Карп. Доктору-французу посылали? Итальянцу посылали? Топографу, что землю межует, посылали?

Улита. Ах, ах! Как это вам не стыдно!

Карп. Ну, что еще! Какой разговор! Я правду люблю. Однако же и спать. Ну вас! Счастливо оставаться!

Счастливцев. Прощайте, Осетр Савельич!

Карп. Уж ты мне, балагур! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Счастливцев и Улита.

Улита. Пробовали наливочку? Не знаю, хороша ли; хотелось вам угодить, а уж, право, не знаю.

Счастливцев. Очень хороша, отличная; должно быть, вы сами ее деласте.

Улита. Я слова эти ваши не иначе как в шутку принимаю. Хотите, я вам завтра к чаю сливок принесу?

Счастливцев. Сделайте одолжение, только от бешеной коровы.

Улита. Ах, я вас не понимаю.

Счастливцев. То есть рому. Он так у нас называется.

Улита. Поищу.

Счастливцев. Поищите, если любите!..

Улита. Вот вы сказали: «если любите»! Знаете, что я вам скажу на это?

Счастливцев. Нет, не знаю.

Улита. Вы вот это слово сказали мне в насмешку. А вы нашу сестру не судите!

Счастливцев. За что же, помилуйте! Я очень доволен.

Улита. Мужчины завсегда довольны, потому на них ответу нет. А вы возьмите наше дело! Бывало... и вспоминать-то смерть, так жизнь-то, не живя, и коротали. Замуж тебя не пускают, любить тоже никого не приказывают... у нас насчет любви большой запрет был. Ну, одно средство: к барыне подделываешься. Ползаешь, ползаешь перед барыней-то, то есть хуже, кажется, всякий твари последней; ну, и выползаешь себе льготу маленькую: сердцу-то своему отвагу и дашь. Потому ведь оно живое, тоже своего требует. Уж и как эта крепость[1] людей уродует! Про себя вам скажу... Да вам слушать-то будет скучно... само собой, во всем этом одна только подлость. И не хочу я расстроивать ни себя, ни вас, потому как вы мне милы. *(Оглядываясь.)* Никак, ваш барин?

Счастливцев. Бить меня идет.

Улита. Ах, жалости какис!

Счастливцев. Я присяду, а вы меня загородите: авось не заметит. *(Приседает.)* Что, идет, приближается?

Улита. Нет, назад пошел; только так дико посмотрел. Какой у него взгляд! Ужасти просто; так тебя в дрожь...

Счастливцев *(встает)*. Варвар!

Улита. Как же вы, мой милый, живете у такого барина?

Счастливцев. Да какой он мне барин! Я такой же, как и он. Ишь ломается, благо горло-то широко.

Улита. Что вы это говорите! У них барственность настоящая, врожденная. Этого отнять у них никак невозможно.

Счастливцев. Кто у него отнимает! Я говорю только, что мы с ним равные, оба актеры, он — Несчастливцев, я — Счастливцев, и оба пьяницы.

Улита. Актеры? Ах, что вы! Что вы!

Счастливцев. Больше десяти лет по России-то бродим, из театра в театр, как цыгане. Оттого он и не был у тетки, что стыдно глаза показать.

Улита. Ах, ужасти!

Счастливцев. Вот и теперь в Вологду пешком идет с сумочкой. Нельзя ж ему без лакея показаться, он дворянин, ну и укланял меня. Так и обращайся хорошенько. Я еще на провинции-то получше его считаюсь, нынче оралы-то не в моде.

Улита. Что только я слышу от вас!

Счастливцев. Думает здесь попользоваться чем-нибудь от тетушки. Уж просил бы прямо на бедность; так, видишь, стыдно. Давеча оплошал, не удалось зажать деньги-то; вот теперь на меня за это бесится. Самой низкой души человек! В карты давеча играл с гимназистом, заманивал его. Уж я ушел от них; обыграет его, думаю, отнимет деньги, да еще прибьет. Да так и будет: ему это не впервой! Он убьет кого-нибудь, с ним в острог попадешь. Вся ухватка-то разбойничья, Пугачев живой.

Улита. Хорошо, что вы мне сказали. Прощайте!

Счастливцев. Адью, мон плезир[1].

Улита *(с испугом)*. Я уж пойду! Ах, страсти!

Счастливцев. А, испугалась! А я так все чертей играл, прыгал вот так по сцене. *(Прыгает и кричит.)* У! У!

Улита. Батюшки мои! Уж вы меня извините!

---

[1] Крепость — здесь: крепостные отношения, крепостная зависимость.

[1] Прощай, моя радость (*от франц.* Adieu, mon plaisir).

Счастливцев. Да что мне в твоем извинении! Провалитесь вы и с усадьбой-то! Я вот убегу от вас. Будьте вы прокляты!

Улита убегает.

Ушел бы сейчас, да боюсь: по деревне собак пропасть. Экой народ проклятый! Самим есть нечего, а собак развели. Да и лесом-то одному страшно. Придется в беседке переночевать; надо же туда идти, там библиотека и наливка осталась. А как сунешься? Он не спит еще, такой монолог прочитает! Пожалуй, вылетишь в окно, не хуже Фидлера. Пойду поброжу по саду, хоть георгины все переломаю, все-таки легче. *(Уходит).*

Петр робко крадется в тени кустов и осматривается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Петр, потом Аксюша.

Петр. Ну, кажись, все в доме спать полегли. Только этот бессчастный путается. Ну, да ему полтину серебра пожертвовать, так он отца родного продаст. Ночь-то очень светла, может, Аксюша не выйдет совсем, побоится, чтобы не увидали. А как нужно-то! Уж последний бы раз повидались, да и кончено дело. Эх ты, подневольная жизнь! Дрожит сердце, как овечий хвост, да и шабаш! Ничего с собой не сделаешь: и руки и ноги трясутся. Воровать легче! Приди в чужой дом повидаться с девушкой, не в пример тебя хуже вора сочтут. Эка эта любовь! Вон тятенька говорит, что это баловство одно, на год, на два, говорит, это занятие не больше, а там сейчас насчет капиталу. Дожидайся, когда она пройдет, а пока что муки-то примешь. Никак, идет? И то.

Входит Аксюша; увидев Петра, подбегает к нему.

Аксюша. Ах, ты здесь!

Петр. Давно уж тут путаюсь. Здравствуй! Жива ли покуда? *(Целует ее.)*

Аксюша. Видишь, что жива. Ну, говори скорей! Некогда ведь, того гляди, хватятся.

Петр. С тятенькой у нас опять разговор был.

Аксюша. Ну, что ж он? Говори скорей! Душа мрет.

Петр. Подастся. Час ругал, по обнаковению. Потом: «За тебя, говорит, дурака, видно, невесту с приданым не найдешь! Хоть бы две тысячи за тебя дали, и то бы ладно». Слышишь?

Аксюша. Да ведь негде их взять.

Петр. Надо доставать.

Аксюша. У Раисы Павловны не выпросишь; нечего и унижаться.

Петр. А ты у братца попроси, у Геннадия Демьяныча!

Аксюша. Ай, что ты! Страшно, да и стыд-то какой!

Петр. Да ведь уж ау, брат! До самого нельзя вилоть приходит.

Аксюша. Надо ведь ему будет признаться во всем.

Петр. Ну так что ж! И признайся! Он свой человек. От него нам уж последнее решение выйдет.

Аксюша. Да, уж последнее.

Петр. А ведь кто его знает! На грех мастера нет. Он с виду-то барин добрый. Да ты поскорей, завтра же чем свет; а в полдень мы с тятенькой придем, ты мне скажешь.

Аксюша. Хорошо, хорошо.

Петр. Только ты долго этого разговору не тяни; а так и так, мол, до зарезу мне; вот и конец. Либо пан, либо пропал.

Аксюша. Да, да, разумеется. До стыда ли тут, когда...

Петр. Что «когда»?

Аксюша. Когда смерть приходит.

Петр. Ну полно, что ты?

Аксюша. Вот что, Петя! Мне все пусто как-то вот здесь.

Петр. С чего же?

Аксюша. Я не могу тебе сказать, с чего, я неученая. А пусто, вот и все. По-своему я так думаю, что с детства меня грызет горе да тоска; вот, должно быть, подле сердца-то у меня и выело, вот и пусто. Да все я одна; у другой мать есть, бабушка, ну хоть нянька или подруга; все-таки есть с кем слово сказать о жизни своей, а мне не с кем,— вот у меня все и копится. Плакать я не плачу, слез у меня нет, и тоски большой нет, а вот, говорю я тебе, пусто тут, у сердца. А в голове все дума. Думаю, думаю.

Петр. А ты брось думать! Надумаешься — беда!

Аксюша. Да нельзя бросить-то, сил нет. Кабы ме-

ня кто уговаривал, я бы, кажется, послушалась,— кабы держал кто! И все мне вода представляется.

Петр. Какая вода?

Аксюша. Да вот что, милый ты мой, все меня в воду тянет.

Петр. Ой, что ты, перестань!

Аксюша. Гуляю по саду, а сама все на озеро поглядываю. Уж я нарочно подальше от него хожу, а так меня и тянет, хоть взглянуть; а увижу издали, вода-то между дерев мелькнет,— так меня вдруг точно сила какая ухватит, да так и несет к нему. Так бы с разбегу и бросилась.

Петр. Да с чего ж это с тобой грех такой?

Аксюша. Сама не знаю. Вот как ты говорил вчера, так это у меня в уме-то и осталось. И дома-то я сижу, так все мне представляется, будто я на дно иду, и все вокруг меня зелено. И не то чтоб во мне отчаянность была, чтоб мне душу свою загубить хотелось — этого нет. Что ж, жить еще можно. Можно скрыться на время, обмануть как-нибудь; ведь не убьют же меня как приду; все-таки кормить станут и одевать, хоть плохо, станут.

Петр. Ну, что уж за жизнь!

Аксюша. А что ж жизнь? Я и прежде так жила!

Петр. Ведь так-то и собака живет, и кошка; а человеку-то, кажись, надо бы лучше.

Аксюша. Ах, милый мой! Да я-то про что же говорю? Все про то же. Что жить-то так можно, да только не стоит. И как это случилось со мной, не понимаю! Ведь уж мне не шестнадцать лет! Да и тогда я с рассудком была, а тут вдруг... Нужда да неволя уж очень душу сушили, ну и захотелось душе-то хоть немножко поиграть, хоть маленький праздничек себе дать. Вот дурачок ты мой, сколько я из-за тебя горя терплю. *(Обнимает его.)*

Петр. Ах ты, горькая моя! И где это ты так любить научилась? И с чего это твоя ласка так душу разнимает, что ни мать, кажется, и никто на свете... Только уж ты, пожалуйста! Ведь мне что же? Уж и мне за тобой... не миновать, выходит.

Аксюша. Ну, уж это твое дело. Ведь уж мне не узнать, будешь ли ты меня жалеть или будешь смеяться

надо мной. Мне с своей бедой не расстаться, а тебе дело до себя, мне легче не будет.

Петр. Нет, уж ты лучше подожди: хоть немного, да поживем в свою волю. Да что загодя и думать-то! Еще вот что твой братец скажет?

Аксюша. Конечно, коли есть случай, зачем его обегать.

Петр. Может, и выручит.

Аксюша. Может быть. Ты никого не видал в саду?

Петр. Геннадия Демьяныча камардин тут путался.

Аксюша. Так ты ступай! Время уж.

Петр. А ты, Аксюша, домой, чтоб... а то... и боже тебя охрани!

Аксюша. Домой, домой, не бойся. Что мне за охота; у меня теперь все-таки что-нибудь впереди есть.

Петр. Ну, то-то же, смотри! *(Целуются.)* Я на тебя в надежде. *(Уходит.)*

Аксюша хочет идти домой, оборачивается и видит Несчастливцева, который выходит из беседки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аксюша, Несчастливцев, потом Счастливцев.

Несчастливцев *(про себя)*. Женщина, прекрасная женщина. *(Подходит к Аксюше.)* Ты женщина или тень?

Аксюша. Братец!

Несчастливцев. А! Я вижу, что ты женщина. А я желал бы теперь, в эту прекрасную ночь, побеседовать с загробными жителями.

Аксюша. Братец!

Несчастливцев. Много тайн, много страданий унесли они с собой в могилу. Душа моя мрачна, мне живых не надо. Мне нечего говорить с живыми! Мне нужно выходцев с того света! Прочь!

Аксюша. Братец, и я много страдала, и я страдаю.

Несчастливцев. Ты?

Аксюша. Я. Я очень несчастна.

Несчастливцев. О, если ты несчастна, поди ко мне, поди на грудь мою.

Аксюша прилегает к нему на грудь.

Я два раза тебе брат: брат по крови и брат по несчастию.

Аксюша *(опускаясь на колени)*. Братец, я виновата.

Несчастливцев *(поднимая ее)*. Нет, нет, не передо мной! Можешь ли ты быть виновата? Ты, такая юная, такая прекрасная? И перед кем же? Что я? Я отребие, обноски человечества.

Аксюша. Я виновата передо всеми, перед собой! Я люблю...

Несчастливцев. Дитя мое! люби, кого хочешь. На то тебе бог дал сердце, чтоб любить.

Аксюша. Ах, что вы говорите! Любить! Я люблю, не помня себя; но ведь мне нужно выйти за него замуж, нужно, нужно!

Несчастливцев. А кто ж тебе мешает?

Аксюша. Люди мешают, люди, которые власть имеют.

Несчастливцев. А ты их не слушай! Иди за того, кого любишь. И да будет над тобой мое благословение!

Аксюша. Он не женится на мне без приданого, отец ему не позволяет. Нужно приданое, а у меня его нет.

Несчастливцев. Какой вздор! Счастье дороже денег.

Аксюша. Мне нет счастья без денег.

Несчастливцев. А много ль денег нужно?

Аксюша. Две тысячи рублей.

Несчастливцев. Какие пустяки! Неужели Раиса Павловна откажет тебе в такой малости?

Аксюша. Откажет. Меня держат из милости, кормят из милости; смею ли я еще просить приданого! Корку хлеба дадут мне, а денег нет.

Несчастливцев. И от такой ничтожной суммы зависит счастье девушки, счастье молодой души...

Аксюша. Нет, не счастье, а жизнь.

Несчастливцев. Жизнь? Силы небесные! Так ли ты сказала?

Аксюша. Так, братец.

Несчастливцев. Наконец, боже! Неужели я вижу женщину? И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на все жертвы?

Аксюша. Много я жертв принесла этой любви; а жизнь моя так горька, так горька, что ее и жалеть не стоит.

Несчастливцев. И ты без страха?

Аксюша. Без страха, хоть сейчас...

Несчастливцев *(простирает над ней руки)*. Ангелы божии, покройте ее своими крылами!

Аксюша склонает голову в молчании, сложа руки. Короткая пауза.

Аксюша. Братец, не сердитесь на меня! Не подумайте обо мне дурно! Мне так тяжко сказать вам...

Несчастливцев. Говори, говори!

Аксюша. Братец, не сочтите меня за обманщицу, за бедную родственницу-попрошайку! Братец, мы жили с маменькой очень бедно; я была ребенком, но я ни разу не поклонилась, ни разу не протянула руки богатым родственникам; я работала. Теперь, братец, только вас одного я прошу, и то ночью, благо, не видно стыда на щеках моих: братец, вы богаты, одиноки, дайте мне счастье, дайте мне жизнь. *(Становится на колени.)*

Несчастливцев *(поднимает ее, растроганный и с дрожью в голосе)*. Дитя мое! Дитя мое!

Аксюша. Если б не страх стыда за мою грешную любовь, я бы никогда, никогда... Будьте мне отцом, я девушка добрая, честная. Я научу маленьких детей моих благословлять вас и молиться за вас.

Несчастливцев. О, замолчи, замолчи! Я вырву все свои волосы. О, дитя мое! Я преступник! Я мог иметь деньги, мог помочь тебе, мог сделать тебя счастливой; и я промотал, прожил их беспутно; я их втоптал в грязь вместе с своей молодостью, с жизнью. И вот когда они нужны, их нет у меня. Если б я знал, если б я знал, я бы питался одним хлебом, я бы ходил в рубище и каждый рубль зашивал в это рубище. Мы пьем, шумим, представляем пошлые, фальшивые страсти, хвастаем своим кабачным геройством; а тут бедная сестра стоит между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!

Аксюша. Братец, братец!

Несчастливцев. Прости меня, прости! Я беднее тебя, я прошел пешком сотни верст, чтобы повидаться с родными; я не берег себя, а берег это платье, чтоб одеться приличнее, чтоб меня не выгнали. Ты меня считаешь человеком, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи — нет у меня их. Сестра, сестра! не тебе у меня денег просить! А ты мне не откажи в пятачке медном, когда я постучусь под твоим окном и попрошу опохмелиться. Мне пятачок, пятачок! Вот кто я!

Аксюша *(хватаясь за сердце)*. Ох, ох! Еще, еще горе! еще обман моему сердцу! За что же я себя обидела! И я, глупая, надеялась! Разве я смею надеяться! Разве есть для меня надежда! Прощайте! *(Отходит, шатаясь, потом быстрее и быстрее и, наконец, бежит.)*

Несчастливцев *(смотрит ей вслед)*. Куда она? Она бежит, бросая платок с себя, она у берега. Нет, нет, сестра! Тебе рано умирать! *(Убегает.)*

Входит Счастливцев.

Счастливцев. Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то. Туда ему и дорога! Зайду в беседку, соберу свою библиотеку, и прощайте! Посижу в кустах до свету, и марш. Деньги есть; слава богу, занял-таки, удалось наконец. Хороший это способ доставать деньги; да все как-то мне не счастливилось до сих пор, такой мнительный народ стал. Ну, теперь доберусь до какого-нибудь театра. *(Уходит в беседку.)*

Выходит Несчастливцев, поддерживая Аксюшу, которая едва идет.

Несчастливцев. Нет, нет, дитя мое! Как ни велико твое горе, а умереть тебе я не дам. Тебе надо жить, ты еще так молода! Тебя заело горе, надоела тебе молодая жизнь? Забудь это горе, брось эту жизнь! Начнем новую, сестра, для славы, для искусства.

Аксюша. Я ничего не знаю, ничего не чувствую, я мертвая. Отдохнуть мне.

Несчастливцев *(сажая ее на скамью)*. Ты ничего не знаешь? Нет, дитя мое, ты знаешь больше других; ты знаешь бури, знаешь страсти — и довольно!

Аксюша. Делайте, что хотите. У меня впереди ничего нет. Куда вы меня зовете, зачем вы меня зовете, что там — я не знаю. Хуже не будет.

Несчастливцев. И там есть горе, дитя мое; но зато есть и радости, которых другие люди не знают. Зачем же даром изнашивать свою душу! Кто здесь откликнется на твое богатое чувство? Кто оценит эти перлы, эти бриллианты слез? Кто, кроме меня? А там... О! Если половину этих сокровищ ты бросишь публике, театр развалится от рукоплесканий. Тебя засыплют цветами, подарками. Здесь на твои рыдания, на твои стоны нет ответа; а там за одну слезу твою заплачет тысяча глаз. Эх,

сестренка! Посмотри на меня. Я нищий, жалкий бродяга, а на сцене я принц. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами над бедной Офелией и люблю ее, как сорок тысяч братьев любить не могут. А ты! Ты молода, прекрасна, у тебя огонь в глазах, музыка в разговоре, красота в движениях. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, так и останешься.

Аксюша. Я убита, братец, убита.

Несчастливцев. Ты оживешь, сестра, первые звуки оркестра воскресят тебя.

Аксюша. А Петя?

Несчастливцев. Сестра, ты женщина, а женщины забывают скоро. Ты забудешь его, как забывают все свою первую любовь. Много молодых красавцев, много богачей будут ловить каждый твой взгляд, каждое твое слово.

Аксюша *(качая головой)*. Это нехорошо.

Несчастливцев. Тем лучше, дитя мое; тем больше чести для тебя. Ты брось, оттолкни с презрением золото богача и полюби бедного артиста. Решайся, дитя мое!

Аксюша. Как вам угодно. Я готова на все.

Несчастливцев. Ты будешь моею гордостью, моею славой. А я буду тебе отцом, дитя мое, буду твоей нянькой, твоей горничной. Пойдем ко мне! В такую ночь грешно спать. У меня есть несколько ролей, я тебе почитаю. Эту ночь я отдаю тебе, в эту ночь я посвящаю тебя в актрисы.

Аксюша. Пойдемте! *(Идут к беседке, навстречу им Счастливцев с узлом.)*

Несчастливцев. Стой, беглец! Я великодушен, я тебя прощаю. Торжествуй, Аркашка! У нас есть актриса; мы с тобой объедем все театры и увидим всю Россию.

Уходят в беседку.
Выходят Гурмыжская и Улита.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Ты говорила ему?

Улита. Как же, сударыня, говорила, и очень политично говорила. Барыня, говорю, не почивают, потому

погода необыкновенная; гуляют они по саду, и даже, может, скучают, так как одни, не с кем им время провести. А вы лежите да нежитесь, какой же вы кавалер после всего этого. Он сейчас вскочил и стал одеваться.

Гурмыжская. Ну, хорошо.

Улита. Да, вот еще, матушка барыня, уж и не знаю, как вам доложить.

Гурмыжская. Говори, что такое!

Улита. Барышня куда-то скрылась.

Гурмыжская. Ушла?

Улита. В комнате нет, и постель не смята.

Гурмыжская. И прекрасно.

Улита. Как же, матушка барыня?

Гурмыжская. Да так же. Я очень рада. Она мне уж давно надоела, я все не знала только, как ее выжить из дома. А теперь вот и причина есть; что мне ее жалеть, когда она сама себя не жалеет. Я говорила, что она его не стоит.

Улита. Не стоит, не стоит... Далеко ей! Уж и я немало дивилась, как этакому красавцу милому да такая...

Гурмыжская. Ну, это не твое дело!

Улита. Слушаю-с. Уж и еще я узнала кой-что, да только как-то и выговорить страшно. Как услыхала я, так всю в ужас ударило, и так даже по всем членам трясение.

Гурмыжская. Сколько раз тебе приказано, чтоб ты таких глупых слов не говорила. Я сама женщина нервная. Ты всегда меня прежде напугаешь до истерики, а потом скажешь какие-нибудь пустяки.

Улита. Пустяки, матушка барыня, пустяки, не извольте беспокоиться! Насчет Геннадия Демьяныча.

Гурмыжская. Что же?

Улита. Да ведь он вас обманул; он не барин, а актер, и родовую свою фамилию нарушил, теперь Несчастливцев прозывается. И не столько на театре они, а больше все будто пьянством. И одежонка-то вся тут, что на нем, уж я это доподлинно знаю; и пришли сюда пешком с котомочкой.

Гурмыжская. Так он Несчастливцев; слыхала, слыхала. Ну, это еще лучше.

Улита. И человек-то его тоже актер, только, матушка барыня, и из актеров-то он самый каторжный, как есть одних чертей представляет.

Гурмыжская. Тем лучше, тем лучше! Как все это ловко для меня устроилось.

Улита. Да чем же, матушка барыня, хорошо?

Гурмыжская. А тем, что завтра же утром их здесь не будет. У меня не гостиница, не трактир для таких господ.

Улита. Истинно, матушка барыня. Пожалуйте ручку. *(Тихо.)* Алексей Сергеич идут. *(Отходя.)* Уж вот, можно сказать, картинка, а не барин. *(Уходит.)*

Входит Буланов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская и Буланов.

Буланов *(торопливо поправляясь)*. Что же вы, Раиса Павловна, мне прежде не приказали? Вы бы мне сказали-с.

Гурмыжская. Что?

Буланов. Что вы любите гулять по ночам-с.

Гурмыжская. Да тебе-то что ж за дело! Я люблю природу, а ты, может быть, не любишь?

Буланов. Я ведь как прикажете-с. Ежели вам одним скучно...

Гурмыжская. А тебе не скучно в такую ночь? Тебя не трогает ни луна, ни этот воздух, ни эта свежесть? Посмотри, как блестит озеро, какие тени от деревьев! Ты холоден ко всему

Буланов. Нет-с, как холоден! Я только не знаю, что вам угодно-с, как для вас приятнее.

Гурмыжская. А, мой милый, ты хочешь играть наверное?

Буланов. Я бы, кажется, бог знает что дал, только б узнать, что вы любите! Я бы уж так и старался.

Гурмыжская. Ну, а как ты думаешь, что я люблю? Это любопытно будет тебя послушать.

Буланов. Луну-с.

Гурмыжская. Какой он простодушный! Ах, милый мой! я луну любила, да это уж давно прошло; мне не шестнадцать лет.

Буланов *(подумав)*. Родственников-с?

Гурмыжская. Ха-ха-ха! Прошу покорно! Он уморит меня со смеху! Ах, простота! *(Смеется.)* Как это мило: «родственников»!

Буланов. Виноват-с!

Гурмыжская. Говори, говори! я приказываю!

Буланов. Не знаю-с!

Гурмыжская. Тебя, дурак! тебя!

Буланов. Да-с... Я и сам думал, да не смел-с. Давно бы вы-с... а то что я здесь так столько времени... Вот так-то лучше, Раисонька! Давно бы ты... (*Обнимает Гурмыжскую и хочет поцеловать.*)

Гурмыжская (*отталкивая его*). Что ты, с ума сошел? Пошел прочь. Ты неуч, негодяй, мальчишка! (*Уходит.*)

Буланов. Что я сдуру-то наделал! Завтра же меня... отсюда... (*Кричит вслед Гурмыжской.*) Виноват-с! Завтра же меня в три шеи! Не слушает. (*Кричит громче.*) Виноват-с! Ничего знать не хочет. (*Падает на скамейку.*) Пропал, пропал, пропал!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Лица

Гурмыжская.
Милонов.
Бодаев.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Буланов.
Восмибратов.
Петр.
Аксюша.
Карп.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп, потом Буланов.

Карп (*убирает чашки со стола и видит коробку Гурмыжской*). Ишь ты, забыла свою казну, а потом искать примется. Лучше уж не трогать, пущай тут лежит.

Входит Буланов.

Геннадий Демьяныча чай кушать дожидаться не станете?

Буланов. Вот еще! Очень нужно!

Карп. Как угодно-с.

Буланов. Да когда он придет, так доложи мне, а Раису Павловну не беспокоить!

Карп. Слушаю-с.

Буланов. Я тебя прошу, Карп, исполнять мои приказания хорошенько. Я беспорядков в доме не потерплю. Я вам не Раиса Павловна; у меня все по струнке будете ходить, а то и марш со двора. У меня всякая вина виновата.

Карп. Что ж делать, сударь, будем исполнять. Мы и не то видали. Поживешь на свете-то, так всего насмотришься. Такие ли еще чудеса бывают.

Буланов. Да и не разговаривать. Я этого не люблю.

Карп. Можно и не разговаривать, оно еще и лучше. Что тут разговаривать! О чем? Дело видимое.

Буланов. Ну, и можешь идти.

Карп уходит. Входит Несчастливцев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Несчастливцев и Буланов.

Буланов. Здравствуйте, господин Несчастливцев!

Несчастливцев. Несчастливцев? Ты знаешь, что я Несчастливцев?

Буланов. Знаю.

Несчастливцев. Я очень рад, братец; значит, ты знаешь, с кем ты имеешь дело, и потому будешь вести себя осторожно и почтительно.

Буланов. Да что ж такое? Провинциальный актер, что за важность?

Несчастливцев. Ну, значит, ты не знаешь, кто такой Несчастливцев и как с ним разговаривать. Жаль! Мне придется тебя учить уму-разуму, что, разумеется, для меня будет неприятно, а для тебя еще неприятнее.

Буланов. Ну, еще неизвестно. Ведь это в древние времена физическая-то сила много значила.

Несчастливцев. Что ж, мне с тобою огнестрельное оружие, что ли, употреблять! Нет, брат, я — человек простой и люблю простые средства, натуральные.

Буланов. Оставим этот разговор. Позвольте узнать, что вам угодно?

Несчастливцев. Уж, разумеется, не тебя.

Буланов. Кого же?

Несчастливцев. Что, ты от рожденья глуп, или сегодня вдруг с тобой сделалось? Кого? Кого? Ты в этом доме то же, что в операх бывают неизвестные, а я здесь в родной семье. Я пришел чай пить к своей тетке.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. В чем тебя извинить? Вот что: ты надень сумку через плечо, прицепи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. Ну, извиняю.

Буланов. Не меня; Раиса Павловна просит извинения. Она не может вас принять; она не совсем здорова и чувствует, что посещения и разные гости, хотя бы даже и родные, ей теперь очень в тягость.

Несчастливцев. Она меня гонит? Но за что же?

Буланов. Это до меня не касается. Вообще она просит вас освободить ее от вашего присутствия, которое ее расстраивает.

Несчастливцев. Ну, что делать! Я ее любил, я ее считал вместо матери. *(Отирает слезу.)* Что ж такое, что я актер? Всякий обязан делать, что умеет. Я ведь не разбойник, я честным, тяжелым трудом добываю хлеб свой. Я не милостыню пришел просить у нее, а теплого слова. Обидно!.. О, женщины! Если уж ей хотелось обидеть меня, неужели она хуже тебя никого не нашла?

Буланов *(горячо)*. Послушайте, милостивый государь!

Несчастливцев. О, боже мой! Он разговаривает! Слушай, ты, гимназист, школьник, ученик приходского училища! Из уважения к этому дому я тебя милую, но если ты мне в другом месте попадешься...

Буланов. Мы еще посмотрим!

Несчастливцев. Молчи, таблица умножения! Корнелий Непот! Пифагоровы штаны! Ты выменяй образ моего ангела и молись утром и вечером, чтобы нам не встретиться. А если где завидишь меня, так беги без оглядки, творя обеты и молитвы!

Буланов. Да что вы в самом деле! Вы потише! Раису Павловну беспокоите.

Несчастливцев. Она сама виновата: зачем она посылает ко мне не человека, а котенка. Нельзя равнодушно разговаривать с котенком.

Буланов. Да, кажется, и не о чем разговаривать.

Несчастливцев. Есть мне о чем говорить или нет, тут твоего ума не хватит, ты еще не дорос.

Буланов. Если вы желаете что-нибудь сказать Раисе Павловне, скажите мне, я передам.

Несчастливцев. Да ты что такое? Оруженосец, паж, что ли, Раисы Павловны? Менестрель? Ну, наконец, скороход, шут? Говори.

Буланов. Что я, это вы после узнаете.

Несчастливцев. Не желаю. Ну, кто бы ты ни был, передай Раисе Павловне, что я на нее не сержусь, что я желал бы по-родственному проститься; но если она не хочет, так бог с ней.

Буланов. Хорошо, я скажу-с.

Несчастливцев *(заметив коробку, про себя)*. Ящик здесь, надо это принять к сведению. Погоди же!

Буланов. Больше ничего-с?

Несчастливцев. Ничего. Прощай, грифель! *(Уходит.)*

Входит Гурмыжская.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гурмыжская и Буланов.

Гурмыжская. Ну, уж теперь он сюда больше не заглянет. *(Садится у окна.)* А у тебя есть манера, есть тон; я, признаюсь, этого не ожидала.

Буланов *(ходит, заложа руки назад)*. Все зависит, Раиса, от обстановки. Что я такое был у тебя? Нахлебник, самое фальшивое положение. Согласись сама, что нахлебнику очень трудно вести себя с достоинством.

Гурмыжская. Однако я на тебя сердита за вчерашнее.

Буланов. Ты, Раиса, поставь себя на мое место! Я так обрадовался!

Гурмыжская. На все есть форма, мой друг. Ты только представь себе, как ты меня оскорбил своим поведением! Что ты подумал обо мне? Как ты мог себе позволить! Репутация моя тебе известна. Вся губерния уважает меня, а ты...

Буланов *(развязно целует ее руку)*. Прости меня!

Гурмыжская. Прощаю, мой друг, прощаю. Я

вообще очень снисходительна, это мой недостаток. Но ты всегда уважай деликатность женщины, ее целомудренное чувство.

Буланов. Разумеется, я еще мальчишка. Что говорить! Но твоя любовь, твоя опытность помогут. Мне бы только установиться прочнее, посмотри, как я буду себя вести — я приберу в руки весь уезд. А что касается твоих интересов, Раиса, так уж поверь...

Гурмыжская. Верю, верю, мой милый. Поди прикажи позвать ко мне Аксюшу.

Буланов. Да, об этой девушке надо подумать.

Гурмыжская. Что об ней думать! Особенно тебе, мой друг! Это тебя совсем не касается. Ты уж теперь должен совершенно забыть о ней. Она убежала ночью из дому, от нее надо избавиться.

Буланов. Она была у брата, Геннадия Демьяныча; он всю ночь декламировал ей монологи.

Гурмыжская. Ты почем знаешь? Погляди мне в глаза, погляди!

Буланов. Я видел, проходя мимо беседки.

Гурмыжская. Я тебе верю. Но все-таки она оставаться здесь не может.

Буланов *(с улыбкой)*. Ты начинаешь принимать предосторожности.

Гурмыжская. Не лишнее, мой друг: ты еще так молод, что за себя отвечать не можешь, да и я не могу вполне на тебя надеяться.

Буланов. Да ведь нельзя ж ее на улицу выгнать, у нее нет никого. Ее бы выдать замуж.

Гурмыжская. Но чтоб выдать ее из нашего дома и чтоб это было прилично, нужно ей дать приданое. А с какой же стати я стану роскошничать для нее? что вдруг за щедрость такая!

Буланов. Само собой! Нет, уже теперь, пожалуйста, Раиса, никаких лишних расходов! Кабы кто взял ее без приданого.

Гурмыжская. О, тогда другое дело. Чего ж лучше! и все конвенансы[1] были бы сохранены, и издержек немного. Я была бы посаженой матерью, ты посаженым отцом; устроили бы у себя вечер, девишник, благословили бы молодых, и бог с ними. Все это было бы благодетельно и недорого.

[1] Конвенансы (*франц.* convenances) — приличия.

Входит Аксюша.

Вот она сама. Поди, мой друг, поди!

Буланов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гурмыжская и Аксюша.

Аксюша. Что вам угодно?

Гурмыжская *(встает)*. Послушай, Аксюша, мне не хочется, чтоб ты обманывалась. Ты живешь здесь и, кажется, воображаешь, что это может вечно продолжаться. В твоем заблуждении виновата я: было одно время, когда я думала отдать тебя замуж за Алексея Сергеича. Теперь ты не должна и думать о нем.

Аксюша. Я и не думаю.

Гурмыжская. Я тебе не верю; но все равно. Очень скоро я увидела, что вы не пара. Я тебе скажу прямо: ты не стоишь этого человека. Тебе даже и мечтать о нем было бы глупо. Что же ты молчишь?

Аксюша. Я слушаю.

Гурмыжская. Такие женихи не по вас, моя милая! Я не знаю, может быть, он даже за тобой и ухаживал...

Аксюша. Может быть.

Гурмыжская. Но ты пойми, что это ничего не значит. Это просто прихоть, шалость. Может быть, и ты с ним кокетничала?

Аксюша. Нет, этого не может быть.

Гурмыжская. Положим; но я должна тебе сказать — уж приятно ли тебе будет, неприятно ли, это не мое дело — ты ему не нравишься. *(Про себя.)* Вот тебе, милая.

Аксюша. Очень рада.

Гурмыжская. Рада? Однако ты хитрая девушка, но меня перехитрить трудно. *(Про себя.)* Погоди же, я тебя кольну почувствительнее. *(Аксюше.)* Я еще тебе скажу: ему нравится другая. Что? приятно тебе?

Аксюша. Что же мне за дело?

Гурмыжская. Ты не беспокойся, я ведь себя обмануть не дам! Он теперь не жених тебе, вы люди посторонние, и, следовательно, вам в одном доме жить нельзя.

Аксюша. Как вам угодно.

Гурмыжская. Ты должна будешь оставить мой дом.

Аксюша. Когда прикажете?

Гурмыжская. Но куда же ты денешься?

Аксюша. Я очень благодарна вам за ваши милости; но когда я оставлю ваш дом, я уж попрошу вас обо мне больше не беспокоиться.

Гурмыжская. Но, может быть, ты думаешь поселиться где-нибудь поблизости?

Аксюша *(про себя)*. Старушка-то ревнует.

Гурмыжская. Что ты шепчешь? Может быть, ты переедешь в город?

Аксюша. Может быть.

Гурмыжская. Но это невозможно.

Аксюша. Отчего же? Ведь город, Раиса Павловна, не в ваших владениях.

Гурмыжская. Но это ужасно! Это очень близко.

Аксюша. Да, недалеко.

Гурмыжская. Послушай, Аксюша, милая, нет ли у тебя родных где-нибудь подальше; поезжай к ним, я тебя отправлю на свой счет. Я так боюсь за тебя, моя душа, Алексис такой ветреный мальчик.

Аксюша. Да, он очень ветрен.

Гурмыжская. Ты заметила?

Аксюша. Еще бы не заметить! И если б я только захотела...

Гурмыжская. Вот ты сама говоришь. Послушай, милая! Ну, поди ко мне поближе! *(Обнимает ее.)* Ну, сделай это для меня!

Аксюша. Для вас? Это дело другое, так бы вы и говорили. А то что вам за надобность беречь меня и смотреть за мной! Просто вы ревнуете. Вы знатная барыня, а я девочка с улицы, и вы ко мне ревнуете своего любовника.

Гурмыжская. Что за слова ты говоришь!

Аксюша. Ну да. Я говорю правду. Признайтесь хоть раз в жизни. А то вы всегда и для всех святая, а мы грешные.

Гурмыжская. Душа моя, я тоже женщина.

Аксюша. Признайтесь! Признайтесь, и я убегу от вас за тысячу верст.

Гурмыжская. Ты хочешь, чтоб я открыла тебе свою слабость? *(Обнимает ее.)* Да, я ревнива.

Аксюша. Мне только и нужно. Я ухожу от вас, далеко, далеко. *(Хочет поцеловать ее руку.)*

Гурмыжская. За что, за что, моя милая?

Аксюша. За хлеб-соль.

Гурмыжская. Ах, не надо, не надо! *(Целует ее.)* Дай бог тебе всякого счастья!

Аксюша. Я пойду собираться. *(Уходит.)*

Гурмыжская *(садится у окна)*. Ну, слава богу, теперь все улажено, и я могу вполне наслаждаться своим счастьем. Сколько я перенесла неприятностей за эту глупую комедию с родственниками! И поделом. Но уж зато теперь я покойна совершенно. Алексис будет управлять имением, а я займусь только добрыми делами. Определю себе для этого сумму, конечно, небольшую, и буду совершенно в своей сфере.

Входит Карп.

Карп. Геннадий Демьяныч желает вас видеть.

Гурмыжская. Скажи, что я...

Карп. Да они здесь-с; они никаких резонов не слушают.

Гурмыжская. Боже мой, опять!

Входит Несчастливцев в дорожном платье, снимает котомку и кладет в угол, туда же ставит палку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Карп.

Несчастливцев. Поди, Карп, и не пускай никого! Скажи, что мы заняты.

Карп. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Гурмыжская. Какой костюм!

Несчастливцев. Дорожный. Мы пешие путешественники. Это пальто — мой старый друг и товарищ. В непогоду я в этом пальто бродил, как старый Лир, по степям Новороссии. Часто в бурную ночь я искал убежища, и меня принимали в этом пальто, принимали чужие теплее, чем родные. Прощайте!

Гурмыжская. Прощай, мой друг.

Несчастливцев. Два только слова, и более я вас не буду беспокоить никогда.

Гурмыжская. Я слушаю. *(Берет колокольчик.)*

Несчастливцев. Что это? Вы хотите позвонить? Рано еще. Дайте мне колокольчик! *(Берет колокольчик.)* Я сам позвоню, когда надо будет. Нам свидетелей не нужно. Напротив, тетушка, вы уж постарайтесь, чтоб к нам не вошел никто, а главное, Буланов, если только вам дорога его мизерная жизнь.

Гурмыжская. Хорошо, я не прикажу никому входить. *(Про себя.)* Ах, сон!

Несчастливцев. И прекрасно. *(Ставит колокольчик на стол и садится на стуле подле стола.)*

Гурмыжская *(заметя свою коробку на столе)*. Коробка! Я ее забыла. *(Самым ласковым тоном.)* Послушай, мой друг Геннадий, будь так добр, потрудись передать мне эту коробку.

Несчастливцев. Не беспокойтесь! Ей и здесь хорошо.

Гурмыжская. Ну, если ты не хочешь, я сама встану за ней.

Несчастливцев *(вынимает пистолет и кладет на стол)*. Не трудитесь!

Гурмыжская. Что ты делаешь? Это ужасно! Я могу умереть со страху.

Несчастливцев. Не бойтесь! Мы будем разговаривать очень мирно, даже любезно. *(Рассматривая коробку.)* Знаете что? Подарите мне ее на память.

Гурмыжская *(с испугом)*. Ах!.. Нельзя, мой друг, тут важные бумаги, документы по имению.

Несчастливцев. Планы, купчие крепости, межевые книги? Как же они уберутся в такую коробку! Извините, я позволю себе полюбопытствовать. *(Открывает коробку.)*

Гурмыжская. Вот пытка!

Несчастливцев. Вы ошиблись, тут деньги. Злато, злато! Сколько через тебя зла-то! Ну, мы пока ее закроем. *(Закрывает коробку.)* Был один актер провинциальный, оскорбила его женщина, жена антрепренера; он смолчал, но не забыл обиды. Всю зиму он терпел; в последнее воскресенье на масленице у антрепренера был прощальный вечер для артистов. Слушайте, тетушка!

Гурмыжская. Слушаю.

Несчастливцев. По окончании вечера стали все прощаться, подходит и он к хозяйке: «Пожалуйте руч-

ку»,— говорит; та ему подала, он ей, тетушка, было палец и откусил прочь.

Гурмыжская. К чему ты мне это говоришь?

Несчастливцев. Разумеется, он поступил глупо. Я его знаю, он дурак. Можно было сделать умнее.

Гурмыжская. Зачем мне знать все это?

Несчастливцев. На всякий случай не мешает. Другой актер поступил гораздо умнее. У одной богатой помещицы был племянник, человек с благородною душой, но бедный. Вздумал он навестить свою тетку, которую не видел лет пятнадцать. Вот собрался издалека, шел пешком долго; приходит, его принимают по-родственному. Вдруг тетка узнает, что он актер, гонит его из дому, не простясь, срамит его перед людьми, перед дворней.

Гурмыжская. Ах, нет, Геннадий...

Несчастливцев. То есть она думала так поступить, а вышло не так. Трагик Несчастливцев не позволит играть собой. *(Открывает коробку.)* Вот, во-первых, трагику Несчастливцеву нужны деньги на дорогу, неприлично ему от богатой тетки пешком идти. Потом, у вас живет бедная девушка. Ну, что хорошего, если она, живя у вас и пользуясь вашими благодеяниями, утопится?

Гурмыжская. Что ты сочиняешь?

Несчастливцев. Я ее возьму с собой, и на ее долю нужно что-нибудь уделить. Потом, так как мы отказываемся от всякого наследства после вас,— это нам легко сделать, вы нам и так ничего не оставите, а оставите все гимназисту,— и за это нужно что-нибудь взять. *(Считает деньги.)*

Гурмыжская. Ты не томи меня; скажи, сколько тебе нужно?

Несчастливцев. Я великодушен. *(Встает, берет в одну руку пистолет, а в другую коробку с деньгами и подает ее Гурмыжской.)* Дайте сами.

Гурмыжская *(поглядывая на пистолет)*. Напрасно вся эта комедия! Я тебе должна тысячу рублей; вот твои деньги! Но если ты нуждаешься...

Несчастливцев *(берет деньги)*. Довольно! Милостыни не надо. Благодарю вас. *(Прячет деньги.)*

Гурмыжская. Ах, убери, пожалуйста, этот пистолет! У меня душа не на месте.

Несчастливцев. Да чего вы боитесь? Я ведь не Стенька Разин. В крайнем случае, если бы вы меня

оскорбили очень, я бы убил этого гимназиста, а уж никак не вас. *(Кладет пистолет в карман.)* Ну-с, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаем и расцелуемся, как следует родственникам.

Гурмыжская. Да, разумеется.

Несчастливцев. Барином я сюда явился, барином и уеду, с честью. *(Звонит в колокольчик.)*

Входит Карп.

Пошли кого-нибудь поскорее в город нанять самую лучшую тройку до первой пароходной пристани. Да вот, братец ты мой, я уезжаю, так барыня приказывает поскорее собрать хороший завтрак. Подай вина получше, шампанского.

Карп. Слушаю-с. Завтрак готов.

Гурмыжская. Подай в столовую!

Несчастливцев. Позови Аркадия! *(Гурмыжской.)* Я его вам представлю на прощанье; вы не много потеряли, что я не познакомил вас прежде.

Карп. Сударыня, Иван Петров с сыном дожидаются-с.

Гурмыжская. Скажи, чтоб он подождал в столовой.

Карп уходит.

Извини меня, любезный друг, я тебя должна оставить ненадолго.

Несчастливцев. Помилуйте! Между своими...

Гурмыжская. Мне нужно одеться. Я жду гостей. Поди в столовую, покушай на дорогу, я приду с тобой проститься.

Несчастливцев. Значит, мы расстаемся мирно. Вы на меня не сердитесь?

Гурмыжская. Нет, не сержусь; но мне кажется, что можно было бы тебе вести себя деликатнее, я все-таки дама.

Несчастливцев. О, боже! Я вас оскорбил? Скажите, оскорбил я вас? Я не прощу себе. Я застрелюсь при ваших глазах. *(Вынимает пистолет.)*

Гурмыжская. Ах, нет, нет!

Несчастливцев. Нет, вы мне скажите, обидел я вас? О, я!..

Гурмыжская. Ах, нет, нисколько! напротив. *(Уходит.)*

Несчастливцев. Вот так-то лучше... Я уж теперь и сам не разберу, Несчастливцев я или Ротшильд.

Входит Счастливцев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Несчастливцев и Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, теперь можно будет нам и отдохнуть. Денег, братец, у меня много. *(Показывает пачку ассигнаций.)* Поедем мы с тобой до Волги в хорошем экипаже, а потом на пароходе в первом классе.

Счастливцев. Геннадий Демьяныч, бесподобно! Ах, бесподобно! Уж как я комфорт люблю, кабы вы знали.

Несчастливцев. Сделают нам выгодные предложения, так мы с тобой примем, будем играть, а нет, так и не надо. Поедем в Нижний на ярмарку за бенефисом; да бенефис чтоб в начале августа, а в сентябре, шалишь, не возьму! Покутим, братец.

Счастливцев. И уж товарища вам лучше меня не найти: я, знаете, я, Геннадий Демьяныч, рожден для такой жизни. А бедность что! В бедности-то всякий жить умеет; нет, ты умей прожить деньги с эффектом; тут много ума нужно, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев. А теперь, брат, пойдем, выпьем доброго вина, закусим на дорогу, по стакану, по другому шампанского.

Счастливцев. Вот жизнь, Геннадий Демьяныч! Вот это я понимаю. А то что: пешком... сам себя презираешь. Не знаю, как вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатых людей. Кто шампанское пьет, хорошие сигары курит, тот и человек, а остальное — ничтожество. Так ведь, Геннадий Демьяныч?

Уходят в столовую. Входит Аксюша.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аксюша, потом Петр и Несчастливцев.

Аксюша. Где же братец? *(Заглядывает в дверь.)* Он в столовой, и Петя там. Как бы его вызвать! Мне бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людях неловко будет. *(Тихо.)* Петя! Петя! Услыхал, идет.

Петр тихо боком прокрадывается в дверь.

Петр. А, это ты?

Аксюша. Тише, ради бога, тише! Кончено дело, у братца денег нет; я еду с ним далеко и навсегда. *(Берет его голову, прижимает к себе и целует.)* Прощай! Ступай! ступай!

Петр. Едешь? куда, зачем?

Аксюша. В театр, в актрисы.

Петр. Что ты, опомнись, с ума ты сошла!

Аксюша. Решено, решено. Ступай, ступай!

Петр. Что ты! У меня сердце упало, ровно кто меня камнем в грудь-то ушиб. А ведь я с тятенькой опять говорил.

Аксюша *(робко и оглядываясь)*. Ну, что же?

Петр. Сначала, известно, два часа ругал без отдыха; потом говорит:«Хоть бы тысячу за тебя, дурака, дали».

Аксюша. Я на прощанье словечко закину тетеньке: а впрочем, надежды мало. Ну, ступай! *(Целует его.)* Прощай! Ужо не прощайся! Стыдно. Глазами только проводи, я на тебя все глядеть буду.

Петр. Ах ты, жизнь! Вот бы когда в омут-то с великим моим удовольствием.

Входит Несчастливцев.

Несчастливцев. А! Попались!

Аксюша. Братец, потише!

Петр уходит.

Одно слово, одно слово, братец! Утопающий за соломинку хватается. Попросите тетушку, может быть, она сжалится надо мной: теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Несчастливцев. А что ж в актрисы-то, дитя мое? С твоим-то чувством...

Аксюша *(прилегая к нему, нежно)*. Братец... чувство... оно мне дома нужно.

Несчастливцев *(басом)*. Поколебалась! Что на земле незыблемо теперь? Пойдем, меня ждет компания. Дай мне хорошенько вдохновить себя, а то я поговорю. *(Уходит в столовую.)*

Выходят Милонов, Бодаев и Карп.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Милонов, Бодаев, Карп, потом Гурмыжская и Буланов.

Карп. Пожалуйте-с! Они сейчас выйдут.

Милонов. Что это у вас, Карпуша, нынче как-то особенно парадно?

Карп. Не могу знать.

Выходит Гурмыжская, очень нарядно и молодо одетая, под руку с Булановым.

Гурмыжская. Извините, господа, что я заставила вас ждать!

Бодаев. Да мы ничего и не ждали.

Милонов *(целуя руку)*. Вы прекрасны. *(Отходит и смотрит издали.)* Прекрасны! Вы все молодеете.

Гурмыжская. Мне и нужно молодеть. Господа, я вас звала для подписания завещания, но обстоятельства несколько изменились. Я выхожу замуж. Рекомендую вам будущего моего мужа.

Милонов. Прекрасно! Прекрасно!

Бодаев. Я так и ожидал.

Гурмыжская *(садясь)*. Прошу покорнейше садиться!

Милонов и Бодаев садятся.

Алексис, садись!

Буланов *(целуя ее руку)*. Ах, Раиса, позволь, я буду стоять подле тебя.

Гурмыжская. Не правда ли, он мил? Господа, я вижу, что в душе вы осуждаете меня. Прежде выслушайте, потом судите. Господа, у меня оправданий много. Я была беззащитна, имение расстроено; я думала поручить управление племяннику; но он меня поразил, поразил... Знаете, какую он карьеру избрал? Он актер провинциальный...

Милонов. Ужас, ужас, ужас!

Бодаев. Что такое?

Буланов. О племяннике...

Бодаев. А? Ну, не мое дело.

Гурмыжская. И ведет жизнь самую беспорядочную. Он здесь, у меня; вы можете его видеть.

Милонов. А ваша племянница?

Гурмыжская. Я недовольна ее поведением. Что же мне оставалось делать? я вас спрашиваю. При всем моем желании остаться навсегда вдовой *(томно)* и да-

же отказаться совсем от света, я решилась пожертвовать собой. Я выхожу замуж, чтоб устроить имение и чтоб оно не досталось в дурные руки.

Милонов. Это геройский подвиг! Вы героиня!

Бодаев. Ну, какая героиня? Просто блажит.

Милонов. Давно бы вам, давно бы...

Гурмыжская. Ах, Евгений Аполлоныч, надо было найти человека. Это так трудно нынче, так трудно. Ведь это что за человек, кабы вы знали! *(Нежно взглядывает на Буланова.)* Ах, друг мой!

Буланов *(целуя ее руку)*. Раиса, ты меня конфузишь.

Милонов *(грозя пальцем)*. Только смотрите, Раиса Павловна, смотрите за ним хорошенько! Он так еще молод.

Гурмыжская. Ах, нет. Он дал мне клятву, страшную клятву.

Буланов. Господа, поверьте, что я постараюсь быть достойным той чести, которую мне делает Раиса Павловна, избирая меня своим супругом. Что касается интересов Раисы Павловны, то, господа, в самом скором времени само дело будет говорить за меня; вы увидите наше имение в цветущем положении.

Милонов. Каков? каков? Прекрасно, молодой человек, прекрасно!

Гурмыжская. Я вам говорила...

Бодаев. Все врет, все промотает.

Буланов. Господа, хотя я и молод, но я очень близко к сердцу принимаю не только свои, но и общественные дела и желал бы служить обществу. Поверьте, что вы найдете во мне самого горячего защитника наших интересов и привилегий.

Милонов. А вот мы жаловались, что людей-то нет. Для новых учреждений нужны новые люди, а их нет. Вот они!

Бодаев. Что ж, пожалуй; пусть служит, мы неразборчивы.

Буланов *(пожимая плечами)*. Вот только года мои... я не понимаю, к чему эти стеснения! Если я чувствую себя способным...

Милонов. Ну, что ж, мы подождем годика два; а там и в управу или другую почетную должность найдем.

Гурмыжская. Господа, кушать сегодня мы будем

поздно; а теперь можно по бокалу шампанского. Карп, подай шампанского.

Карп. Слушаю-с. Честь имею поздравить, сударыня *(Про себя.)* Пойти оповестить! *(Уходит.)*

Милонов. Но откуда такой ум, такая сила в молодом человеке?

Гурмыжская. Ах, он много страдал, бедный. Мать его была богатая женщина, и он с детства был приучен к неге, к раболепству прислуги и всех окружающих; потом они обеднели, и он узнал страшную нужду. Ужасно! Он рожден повелевать, а его заставляли чему-то учиться в гимназии.

Входит Карп с бутылкой шампанского и бокалами. Все встают.

Милонов *(принимая бокал)*. Все высокое и все прекрасное основано на разнообразии, на контрастах. Возьмем самые изящные сочетания в природе, и что ж мы видим? Суровый гранит и меланхолический плющ, несокрушимый дуб и нежную повилику. И теперь перед нашими глазами: непоколебимая добродетель, житейская мудрость, укрепленная опытом, в союзе с нежной, молодой отраслью благородного питомника. Раиса Павловна, Алексей Сергеич! Желаю вам многолетней, безмятежной жизни, на радость вам, на утешение ваших друзей и на пользу всего окрестного населения до самых отдаленных пределов!

В столовой «ура!».

Гурмыжская. Что такое?

Карп. Геннадий Демьяныч изволят... за ваше здоровье.

Милонов. Господа, я не могу говорить: все прекрасное и все высокое заставляет молчать уста мои и вызывает горячие и обильные слезы на мои ресницы. *(Пьет.)*

Гурмыжская *(жмет ему руку)*. Благодарю, благодарю вас.

В столовой «ура!».

Бодаев *(с бокалом)*. Поздравляю! Постарайтесь жить счастливо, и я первый буду очень рад! *(Пьет.)*

Гурмыжская. Покорно вас благодарю! *(Буланову.)* Какой грубый человек!

Садятся.

В столовой «ура!». Двери из столовой растворяются, выходит Несчастливцев, остаются в дверях Счастливцев, Восмибратов, Петр и Аксюша.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов, Несчастливцев, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Аксюша, Карп.

Несчастливцев. Тетушка, поздравляю! Замуж выходите? Время, тетушка, время! И для вас хорошо, и для родственников приятно. Это делает вам честь, а нам удовольствие. Я, с своей стороны, очень рад и одобряю ваш союз. *(Обращаясь к дверям.)* Господа, что же вы стали!

Счастливцев и Восмибратов подходят.

Тетушка, рекомендую: друг мой, Аркадий Счастливцев!

Гурмыжская. Очень приятно!

Милонов. Это ваш племянник?

Несчастливцев *(Милонову)*. Честь имею рекомендовать: Геннадий Гурмыжский. *(Бодаеву.)* Гурмыжский, Геннадий!

Милонов и Бодаев встают, подают ему руки и садятся.

Восмибратов *(Гурмыжской)*. Доброе дело-с. Значит, по закону, как следует. Чего же лучше-с. Оченно приятно-с.

Гурмыжская. Ну, как тебе, Иван Петрович, нравится мой жених?

Восмибратов. Ничего-с, жених во вкусе-с. Ежели насчет малоумия, так это от малодушества, со временем проходит-с.

Несчастливцев *(Счастливцеву и Восмибратову)*. Господа, покорнейше прошу садиться. Тетушка, позвольте мне распорядиться, как дома. Карп, подай, братец, нам вина, да побольше! Ты не жалей; такие случаи редки, ведь тетушка не каждый год замуж выходит. *(Садится с правой стороны.)*

Там же садятся Счастливцев и Восмибратов, Карп уходит.

Продолжайте, господа, ваш разговор, мы вам не мешаем.

Милонов. Нам интересно вас послушать.

Несчастливцев. С величайшим удовольствием, господа. Мне очень приятно говорить в таком благородном обществе. Тетушка, вы счастливы, вы безмерно счастливы?

Гурмыжская. Да, мой друг, я счастлива.

Несчастливцев. В счастии человек делается добрее, благороднее. Не так ли я говорю? Правда, господа?

Милонов. Совершенно справедливо; прекрасно, прекрасно!

Несчастливцев. Тетушка, у вас есть племянница, милое, кроткое создание; у ней есть тоже жених. Он не так красив и смел, как ваш, но она его любит. А вот его тятенька.

Гурмыжская. Знаю, мой друг.

Несчастливцев. Он, то есть тятенька, человек русский, господа, благочестивый, но по душе совершеннейший коканец и киргиз-кайсак. Он человек семейный, очень любит своих детей, любит женить сыновей; но непременно желает получить приданого тысячу рублей, по своей жадности и по своему невежеству.

Восмибратов. Это точно, барин, что по невежеству: только нам без этого невежества никак нельзя, потому на нем весь круг держится.

Несчастливцев. Вот, тетушка, для вас прекрасный случай сделать доброе дело.

Гурмыжская. Ах, нет, нет. Что еще за новости! Оставь, пожалуйста! Это не твое дело. Я и так издержала очень много, потом впереди большие расходы.

Буланов. Нам с Раисой теперь нельзя тратить ничего лишнего. Я хочу конный завод завести, пруды надо чистить, копать канавы.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Деньги невелики; но согласитесь, господа, что бывают обстоятельства...

Несчастливцев. Да зачем деньги? Довольно вашего благородного слова в присутствии вот этих господ.

Восмибратов. Для нас ваше слово лучше векселя.

Гурмыжская. Нет, нет! Это неделикатно даже, вдруг, при посторонних... Такое требование... Это насилие... У вас комплот[1]!

Буланов. Да ты, Раиса, откажи решительно.

Гурмыжская. Ну, согласитесь, господа, ведь нельзя же так вдруг... Я решительно отказываю.

Несчастливцев. Так не дадите?

---

[1] Комплот (*франц.* complot) — преступный заговор, союз.

Несчастливцев. Забавлять-то тебя? Шутов заведи! Давай брудершафт выпьем!

Бодаев. Что? Ха-ха-ха! Он забавный! *(Отходит.)*

Гурмыжская *(Буланову)*. Его надо как-нибудь выжить; он бог знает что наделает.

Буланов. Вы, кажется, ехать собираетесь?

Несчастливцев. Давно я, брат, сбираюсь.

Буланов. Так не пора ли вам?

Несчастливцев. Аркадий, нас гонят. И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать? Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятся от горького житья у своих родных: лес, братец.

Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Комедианты.

Несчастливцев. Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счет двух-трех таких мерзавцев, как Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Девушка бежит топиться; кто ее толкает в воду? Тетка. Кто спасает? Актер Несчастливцев! «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булат! Поцелуи — кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!»

Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев *(Милонову)*. Меня? Ошибаешься. *(Вынимает пьесу Шиллера «Разбойники».)* Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты — как подьячий! Ну, довольно! В дорогу, Аркашка! Прощайте! *(Кланяется всем.)* Тетушка, пожалуйте ручку!

Гурмыжская *(прячет руку)*. Ах, нет, нет...

Буланов. Позвольте ему, он скорее уйдет.

Несчастливцев. Не укушу, не бойтесь.

Милонов. Разумеется, не укусит.

Буланов. Разумеется...

Гурмыжская. Ах, нет, вы не знаете.

Несчастливцев. О, люди, люди! *(Идет в угол, надевает котомку.)*

Аксюша помогает ему и целует его.

(Берет в руки палку.) Ну, Аркадий, мы с тобой попировали, пошумели, братец; теперь опять за работу! *(Выходит на середину сцены, подзывает Карпа и говорит ему с расстановкой и внушительно.)* Послушай, Карп! Если приедет тройка, ты вороти ее, братец, в город; скажи, что господа пешком пошли. Руку, товарищ! *(Подает руку Счастливцеву и медленно удаляется.)*

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лица

Меропия Давыдовна Мурзавецкая, девица лет 65-ти, помещица большого, но расстроенного имения; особа, имеющая большую силу в губернии.

Аполлон Викторович Мурзавецкий, молодой человек лет 24-х, прапорщик в отставке, племянник Мурзавецкой.

Глафира Алексеевна, бедная девица, родственница Мурзавецкой.

Евлампия Николаевна Купавина, богатая молодая вдова.

Анфуса Тихоновна, ее тетка, старуха.

Вукол Наумович Чугунов, бывший член уездного суда, лет 60-ти.

Михаил Борисович Лыняев, богатый, ожиревший барин, лет под 50, почетный мировой судья.

Павлин Савельич, дворецкий
Влас, буфетчик
Корнилий, лакей
Стропилин, подрядчик
} Мурзавецкой.

Маляр.

Столяр.

Крестьянин, бывший староста Мурзавецкой.

Мастеровые, крестьяне и приживалки Мурзавецкой.

Действие в губернском городе, в доме Мурзавецкой.

Зала, меблированная по-старинному; с правой стороны от зрителей три окна, в простенке узкие длинные зеркала с подзеркальниками. У первого окна, ближе к авансцене, высокое кресло и столик, на нем раскрытая старинная книга и колокольчик; в глубине, в правом углу, двустворчатая дверь в большую переднюю; в левом — дверь в комнату Мурзавецкого, между дверями печь; на левой стороне, в углу, дверь в коридор, ведущий во внутренние комнаты; ближе к авансцене двери в гостиную; между дверями придвинут к стенке большой обеденный стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Павлин у двери в переднюю, подрядчик, маляр, столяр, староста, крестьяне и мастеровые.

Павлин *(подавая руку подрядчику)*. Господину Стропилину! *(Прочим.)* Невозможно, господа, невозможно. Что за базар!

Столяр. Всякий тоже из-за своего интересу.

Маляр. Другому деньги-то как нужны,— страсть!

Староста. Праздничное дело, слободно, ну, значит, иди за получкой.

Подрядчик. Праздничное-то дело так бывает, друг сердечный, что и получишь, да домой не донесешь.

Столяр. Донесли бы, сумели, только б было что.

Маляр. Только б залучить деньги-то; а то вот как зажму, силой не отымешь.

Павлин. Стало быть, вы барышню дожидаться хотите?

1-й крестьянин. Да уж подождем. Наше дело такое, что дожидаться.

2-й крестьянин. И подождешь, ничего не поделаешь... Мы еще позапрошлую осень лес возили на баньку. *(Указывая на подрядчика.)* Вон рыжий-то строил.

Маляр. А мы вот полисаду красили, звен двенадцать, да беседку умброй подводили.

Староста. А мы так бычка-опоечка в ту пору на солонину...

Столяр. Всякий за своим, ведь и мы вот тоже два столика под орех, да в спальню к барышне...

Павлин. А вы, господин Стропилин?

Подрядчик. Со старым счетцем. Вышел из дому с утра по своим делам, так уж, думаю, пойду, мол, заместо моциону.

Павлин. Ну, что ж мне делать прикажете? Допустить вас я не смею. Домой идите, други милые, вот что я вам скажу. После понаведайтесь, да не все вдруг.

Подрядчик. Нет, уж меня-то вы до барышни допустите, Павлин Савельич.

Голоса. Допущай до самой! Всех допущай до самой!

Павлин. Я, пожалуй, допущу; только с уговором, господа. Вот первое: которые почище *(указывая на подрядчика, маляра, столяра и старосту)*, останьтесь здесь.

(Остальным.) А вы к крыльцу. Второе дело: как барышня из экипажа, сейчас все к ручке; а кто, по усердию, может и в ножки. Об деньгах и не заикаться, с праздником можно поздравить, а об деньгах чтоб ни слова.

Маляр. Да коли мы за ними, собственно, пришли, как же так ни слова?

Павлин. А так же ни слова, да и все тут. Придут барышня в гостиную, чаю накушаются, я им доклад сделаю; тогда вам резолюция и выдет. Как же вы хотите, чтоб праздничное дело, утром, да сейчас за суету? Барышня в это время тишину любят, и чтоб никто их не беспокоил, особливо об деньгах. Вы то подумайте: когда они приедут из собора, сядут в размышлении и подымут глазки кверху, где душа их в это время бывает?

Подрядчик. Высоко, Павлин Савельич, высоко.

Староста. Уж так-то высоко, что ах!

Павлин. Ну, вот то-то же! *(Маляру.)* А ты с умброй! Эх, сырье! Когда вы отмякнете сколько-нибудь? Деньги деньгами, а тоже и время надо знать. Мы суеты всеми мерами избегать стараемся; а он за бычка-опоечка получать пришел. Ну, ступайте на свое место.

Крестьяне и мастеровые уходят. Входит Чугунов с портфелем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Павлин, Чугунов — у двери в переднюю, подрядчик, маляр, столяр, староста, потом Корнилий.

Чугунов *(указывая глазами на толпу)*. Набралось гостей со всех волостей.

Павлин *(нюхая табак)*. Комиссия, сударь.

Чугунов. Дай-ка березинского-то!

Павлин подает табакерку.

(Понюхав). Разбор делаешь: кому подожди, кому после приди!

Павлин. Перемежка в деньгах, сударь.

Чугунов. Это бывает. Перед деньгами, говорят.

Павлин. Дай-то бог! женское дело, сударь... От женского ума порядков больших и требовать нельзя.

Чугунов. Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых мужчин хватит.

Павлин. Как же возможно против мужчин! Кабы столько ума было, так за вами бы не посылали; а то чуть кляузное дело, сейчас за вами и шлют.

Чугунов. Да на кляузы разве ум нужен? Будь ты хоть семи пядей во лбу, да коли законов не знаешь...

Павлин. Понимаю я-с. Да от большого ума кляуз-то заводить не следует. Конечно, осуждать господ мы не можем, а и похвалить нельзя. У Меропы Давыдовны такой характер: с кем из знакомых размолвка, сейчас тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки частые,— только и знаем, что судимся.

Чугунов. Да, другой раз просто не из чего дело затевасшь.

Павлин. Только что от всех знакомых господ неудовольствия.

Чугунов. Да ведь мы никого не обидели: нам все отказывают, еще ни одного дела не выиграли.

Павлин. Так ведь убытку много: проторы[1] платим да подьячих кормим.

Чугунов. Кто ж их кормить-то будет? Ведь и они кушать хотят, люди тоже.

Павлин. Не считаю я их за людей, сударь.

Чугунов. Напрасно. Ведь и я подьячий, Павлин Савельич.

Павлин. Знаю-с.

Чугунов. А знаете, так будьте поучтивее. У меня таких-то хамов, как вы, полтораста животов было.

Павлин. Было, да прошло.

Чугунов. Да, прошло; был барином, а теперь вот сутягой стал; да холопские разговоры слушаю.

Павлин. Нельзя и не говорить; поневоле скажешь, коли вы барышню только смущаете. Можно вам теперь, сударь, кляузы-то бросить и опять барином зажить: золотое дело имеете.

Чугунов. Имею.

Павлин. По милости нашей барышни у госпожи Купавиной всем имением управляете,— ведь это легко сказать. Да оно и видно: и домик обстроили, и лошадок завели, да и деньги, говорят...

Чугунов. Заговорили уж, позавидовали.

Павлин. Нет, что ж, давай бог, наживайтесь!

Чугунов. Да и наживусь, и наживусь. Разгова-

[1] Проторы — искаженное от протори — расходы, убытки.

ривай еще! Посмотрю, что ль, я на кого! Я видал нужду-то, в чем она ходит. Мундир-то мой помнишь, давно ль я его снял? Так вытерся, что только одни нитки остались; сарафан ли это, мундир ли не скоро разберешь.

Павлин. Барышня молодая, добрая, понятия ни об чем не имеют; тут коли совесть не заэрит...

Чугунов. Зачем же ты совесть-то? К чему ты совесть-то приплел? В философию пускаться тебе не по чину...

Павлин *(взглянув в окно)*. Барышня идут. *(Уходит.)*

Корнилий в белом галстуке и белых перчатках выходит из гостиной, отворяет обе половинки дверей и становится слева.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Чугунов встает со стула и становится невдалеке от двери в гостиную, за ним по линии к выходной двери становятся: подрядчик, потом староста, потом маляр и столяр. Мурзавецкая одета в черную шелковую блузу, подпоясанную толстым шелковым шнурком, на голове кружевная черная косынка, которая, в виде вуаля, до половины закрывает лицо, в левой руке черная палка с белым, слоновой кости, костылем. Проходит медленно и не глядя ни на кого от дверей передней в гостиную. Все стоящие в зале поочередно целуют ее правую руку. За ней, в двух шагах, проходит, опустя глаза в землю, Глафира, одета в грубое черное шерстяное платье; потом две приживалки, одетые в черное. Павлин идет с левой стороны Мурзавецкой и, почтительно согнувшись, несет на руке что-то вроде черного плаща. Корнилий, пропустив всех, входит в гостиную и затворяет двери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Чугунов, подрядчик, староста, маляр, столяр, потом Павлин.

Староста. Ах, матушка! Дай ей господи! Создай ей, господи!.. и костылек-то все тот же.

Подрядчик. Разве помнишь?

Староста. Да как не помнить? Тоже, как крепостными-то были...

Подрядчик. Так хаживал по вас?

Староста. Еще как хаживал-то.

Выходит Павлин.

Павлин. Не в час, господа, пришли.

Чугунов. Что так?

Павлин. И докладывать-то не смею. *(Чугунову.)* Наказанье нынче, сударь Вукол Наумыч, с прислугой. Сливок вскипятить не умеют, либо не хотят, что ли. Только и твердишь, чтоб пенок как можно больше, потому барышня страсть их любят. В такой малости не хотят барышне удовольствия сделать, ну и гневаются.

Староста. Что же теперича нам?

Павлин. А как-нибудь, на неделе, что там бог даст.

Маляр. Ходишь, ходишь, только маета одна.

Павлин. Ну, уж будет! Поговорил, и довольно! Ласково я с вами говорю или нет? Так вы грубого слова не дожидайтесь.

Столяр. Только и всего, с тем, значит, и идти?

Павлин. Чего ж тебе? Угощенья для вас не припасено. *(Подрядчику.)* До приятного свидания, господин Стропилин. *(Прочим.)* Ну, так прощайте, добрые люди!

Подрядчик, староста, маляр и столяр уходят.

Вам, сударь, в столовой фриштыкать[1] приготовят.

Чугунов. Дай-ка табачку-то!

Павлин *(подавая табакерку)*. Пожалуйте. Уж придется вам повременить, потому барышня Аполлона Викторыча дожидаются.

Чугунов. Где же он?

Павлин. Одно место у них. Просто срам, сударь! В городе-то стыдится: так возьмут ружье, будто за охотой, да на Раззорихе в трактире и проклажаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, уж можете судить,— в деревне, на большой дороге заведение, на вывеске «Вот он!» написано. Уж так-то нехорошо, что и сказать нельзя. Дня по два там кантуют[2], ссоры заводят, и что им там за компания! Барышня уж послали буфетчика Власа, велели их домой привезти.

Чугунов. А что ему дома-то делать?

Павлин. Барышня хотят их установить и в хороший круг ввести; в гости с ними хотели сегодня ехать и даже все новое им платье приказали сшить.

Чугунов. Уж не женить ли хотят?

---

[1] завтракать (от *нем.* frühstück).

[2] Кантуют — гуляют, кутят.

Павлин. Похоже на это-с.

Чугунов. Жених завидный.

Павлин. Вот теперь тоже Евлампия Николаевна вдовеют, господин Лыняев тоже холостой.

Чугунов. Обо всех-то у матушки Меропы Давыдовны забота.

Павлин. Нельзя же-с. И ах, как они чудесно рассуждают! Евлампия Николаевна богаты очень, значит, им можно и небогатого жениха, только б молодого, вот как наш Аполлон Викторыч; Михаил Борисыч Лыняев тоже богаты и уж в летах, для них теперь на примете есть барышня, княжеского рода, немолодая, это точно-с и в головке у них словно как дрожание, а уж так образованны, так образованны, что сказать нельзя-с. (*Взглянув в окно.*) Да вот, должно быть, барина привезли.

Чугунов. Так я в столовую. (*Уходит.*)

Входят: Мурзавецкий, одет в черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, панталоны в сапоги, на голове фуражка с красным околышем и с кокардой. Влас, с ружьем, патронташем, ягдташем и арапником.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мурзавецкий, Павлин, Влас.

Мурзавецкий (*не снимая фуражки*). Ма тант[1] у себя?

Павлин. У себя-с.

Мурзавецкий. Ох уж эта охота мне! Устал, братец. А что делать-то! Страсть, жить без охоты не могу. Халат теперь, да спать завалиться. (*Хочет идти в свою комнату.*)

Павлин. Нет, уж, извольте здесь подождать, так приказано.

Мурзавецкий садится у окна.

Влас. С рук на руки. Павлин Савельич, и барина, и всю сбрую, и амуницию.

Павлин (*заглянув в ягдташ*). В ягдташе-то, сударь, не то что дичи, а и перышков-то нет.

Мурзавецкий. Незадача, братец, дьявольская незадача. Выход нехорош был, вернуться б надо; заяц дорогу перебежал, какая уж тут охота! Что ни прилажусь, паф, либо пудель, либо осечка.

[1] Тетя (от *франц.* ma tante).

Павлин (*Власу*). Снеси к барину в комнату, положи осторожнее!

Влас уходит.

Мурзавецкий (*растворяя окно*). Фу, духота какая! (*Высовывается в окно и свищет.*) Тамерлан! Ах, проклятый! Ну, погоди ж! Человек, приведи сюда Тамерлана да подай мне арапник!

Павлин. Нет уж, этого ни под каким видом нельзя: не приказано-с. И какой же это Тамерлан? Нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Тлезор, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай.

Мурзавецкий. Много ты понимаешь.

Павлин. Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникам яицы таскать, он другой науки не знает. Его давно на осину пора, да что и на осину-то! вот, бог даст, осень придет, так его беспременно, за его глупость, волки съедят. Недаром мы его волчьей котлеткой зовем. А вы бы, сударь, фуражку-то сняли, неравно барышня войдут.

Мурзавецкий (*снимая фуражку*). Не твое дело; ты знай свое место! Я разговаривать с вашим братом не люблю.

Павлин. Слушаю-с.

Мурзавецкий. Фу, черт возьми, что это мне как будто не по себе, нездоровится что-то? Ноги, должно быть, промочил в болоте. (*Громко.*) Человек, водки!

Павлин. Здесь, сударь, не в раззорихинском трактире.

Мурзавецкий. Ну что же, что не в раззорихинском трактире, ну, что же?

Павлин. А то, что здесь не подадут-с.

Мурзавецкий. Ну, пожалуйста, Павлин Савельич, ну, будь другом, ну, я тебя прошу. Не в службу, а в дружбу, братец, понимаешь?

Павлин. Вот то-то же, сударь!

Мурзавецкий. Право, так что-то фантазия пришла. Павлин Савельич, я с тобой буду откровенен! адски хочется, братец.

Павлин. Уж, видно, нечего с вами делать. (*Уходит.*)

Из гостиной входит Глафира и идет к коридору.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мурзавецкий, Глафира, потом Павлин и Влас.

Мурзавецкий. Кузина, удостойте взглядом! Глазки-то, фу! Все отдашь.

Глафира. Что вам угодно?

Мурзавецкий. Что мне угодно? Вот странно! мне угодно расцеловать вас, но...

Глафира. Вы глупы.

Мурзавецкий. Пардон, мадемуазель!

Глафира. Adieu, monsieur [1]! (*Хочет идти.*)

Мурзавецкий. Постойте! Нет, в самом деле, ма тант иррите? [2]

Глафира. Как вы дурно говорите по-французски.

Мурзавецкий. Ничего, по нашей губернии сойдет.

Глафира. Да, я не думаю, чтоб она была довольна вами. (*Хочет идти.*)

Мурзавецкий. Атанде! [3] Поклон.

Глафира. От кого?

Мурзавецкий. От Лынясва.

Глафира. Благодарю вас. Что это ему вздумалось?

Мурзавецкий. На охоте встретились, денег у него занял, черт его возьми. Шуры-муры завели? Ну, что ж, признавайтесь! А еще важность на себя напускаете.

Глафира, пожав плечами, уходит. Входят Павлин и Влас с подносом, на котором рюмка водки и закуска.

Павлин. Извольте кушать поскорее, а то, чего доброго, барышня выдут.

Мурзавецкий (*выпив и закусив*). Фу! кабачная водка [4], собачья закуска! (*Власу.*) Пошел!

Влас уходит.

Павлин. Какая есть, и за ту спасибо скажите, сударь!

Мурзавецкий. Что ты важничаешь! Точно какое одолжение мне сделал. Я тебе приказал, ты мне подал, вот и все. Смел бы ты не подать.

---

[1] Прощайте, сударь! (*франц.*)

[2] тетушка раздражены? (от *франц.* Ma tante est elle irrité?)

[3] Постойте! (от *франц.* attendez)

[4] Кабачная водка — купленная в кабаке, дешевая, плохая.

Павлин. Хорошо-с, так и будем знать.

Мурзавецкий. Хам и важничает — это смешно даже.

Входит Мурзавецкая.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мурзавецкий, Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Что ты расселся? Не видишь? (*Поднимая костыль.*) Встань!

Мурзавецкий. Ах, пардон, ма тант! Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении.

Мурзавецкая. А очень мне нужно! (*Павлину.*) Поди затвори двери и не принимать никого, пока я не прикажу.

Павлин (*подавая кресло*). Слушаю-с. (*Уходит.*)

Мурзавецкая (*указывая на стул*). Вот теперь садись, когда приказывают.

Мурзавецкий. О ма тант, не беспокойтесь.

Мурзавецкая. Да что не беспокоиться-то? Будешь вертеться передо мной, как бес; терпеть не могу. (*Стучит палкой.*) Садись!

Мурзавецкий садится.

Долго ты меня будешь мучить да срамить?

Мурзавецкий (*с удивлением*). Что такое? Я, ма тант, ваших слов не понимаю.

Мурзавецкая. А то, что ты шляешься по трактирам, водишься с мужиками — ссоры у вас там... Мурзавецкому-то это прилично, а?

Мурзавецкий. Вот превосходно, вот превосходно! Однако ж меня ловко оклеветали перед вами.

Мурзавецкая. Где уж клеветать; про тебя правду-то мне сказать, так люди стыдятся. Да чего и ждать от тебя? Из полка выгнали...

Мурзавецкий. Позвольте, ма тант!

Мурзавецкая. Молчи! Уж не болело б у меня сердце, кабы за молодечество за какое-нибудь; ну растрать ты деньги казенные, проиграй в карты, — все б я тебя пожалела; а то выгнали свои же товарищи за мелкие гадости, за то, что мундир их марaешь.

Мурзавецкий. Но позвольте же!

Мурзавецкая. Куда как хорошо, приятно для всей нашей фамилии!

Мурзавецкий. Но позвольте же в оправдание... два слова.

Мурзавецкая. Ничего ты не скажешь,—нечего тебе сказать.

Мурзавецкий. Нет уж, позвольте!

Мурзавецкая. Ну, говори, сделай такую милость!

Мурзавецкий. Судьба, ма тант, судьба, а судьба индейка.

Мурзавецкая. Только?

Мурзавецкий. Судьба индейка, я вам говорю, вот и все.

Мурзавецкая *(покачав головою)*. Ах, Аполлон, Аполлон! Если жалеть тебя и любить как следует, так ведь с ума сойдешь, глядя на тебя. Вот что ты мне скажи: совладать-то с собой ты можешь али нет,— ну хоть ненадолго!

Мурзавецкий. Я-то, я-то с собой не совладаю, вот это мило! покорно вас благодарю.

Мурзавецкая *(не слушая его)*. Ведь если б ты был хоть немного поприличнее, я бы тебе и службу достала, и невесту с хорошим приданым.

Мурзавецкий. Ма тант, ручку! *(Целует руку у Мурзавецкой.)* Мерси!

Мурзавецкая. Только уж чтоб ни-ни, чтоб и духу этого не было.

Мурзавецкий. Что вы мне говорите! Как будто я не понимаю. Я очень хорошо понимаю. Дурачусь; а коли вам угодно, так хоть сейчас — ни капли, абсолюман[1].

Мурзавецкая. Не верю.

Мурзавецкий. Пароль донёр[2],— честное слово благородного человека.

Мурзавецкая. Давно это слово-то я слышала.

Мурзавецкий *(встает)*. Ну, хотите пари, пари, ма тант, какое вам угодно?

Мурзавецкая. Нет, уж я лучше без пари, я вот не пущу тебя никуда из дому да выдержу хорошенько.

[1] абсолютно (от *франц.* absolument — совершенно, совсем).
[2] честное слово (от *франц.* parole d'honneur).

Мурзавецкий *(глядя в окно)*. Все, что вам угодно, ма тант.

Мурзавецкая. Выезжать ты будешь только со мной и вот сегодня же.

Мурзавецкий *(в окно, ударяя ладонью себя по груди)*. Тамерлан, сотé, сотé![1].

Мурзавецкая. Полоумный, что ты, опомнись! С грязными-то лапами в окно!

Мурзавецкий. Пардон! *(В окно.)* Куш, куш, анафема.

Мурзавецкая. Опомнись, опомнись! Сядь, сию минуту сядь!

Мурзавецкий. Ах, ма тант, вы не понимаете: собаке строгость нужна, а то бросить ее, удавить придется.

Мурзавецкая *(стуча палкой)*. Шалопай! кому я говорю?

Мурзавецкий. Сейчас, ма тант, к вашим услугам. *(В окно.)* Куш, говорят тебе! Где арапник! *(Громко.)* Человек, подай арапник!

Мурзавецкая *(берет его за руку и сажает)*. Арапник-то нужен для тебя. Об чем я тебе говорила, ты слышал, слышал?

Мурзавецкий. Ах, ма тант, как меня этот пес расстроил!

Мурзавецкая. Ну, вот тебе мой приказ: поди выспись, а вечером к невесте поедем! Оденься хорошенько, к Евлампии Николаевне поедем!

Мурзавецкий. Боже мой, как я влюблен-то в нее! Уж это... уж это... тут, ма тант, слов нет. Мерси, мерси! Вот за это мерси! *(Целует у нее руку.)*

Мурзавецкая. Поди спать!

Мурзавецкий *(идет к двери, потом возвращается)*. Доне муа де ляржан![2].

Мурзавецкая. Не считаю нужным.

Мурзавецкий. Так прикажите принести...

Мурзавецкая. Чего еще?

Мурзавецкий. Енпё[3], маленький флакончик и закусить. Вообразите, вчера до ночи по болотам, страсть, ма тант, куска во рту не было.

Мурзавецкая. А кто пари предлагал?

[1] прыгай, прыгай! (от *франц.* sautez, sautez!)
[2] Дайте мне денег! (от *франц.* Donnez-moi de l'argent!)
[3] Немного (от *франц.* un peu).

Мурзавецкий. Ах, я оставлю, уж сказал, так и оставлю. Только не вдруг, сразу нельзя: знаете, бывают какие случаи, ма тант? Трагические случаи бывают. Вот один вдруг оборвал и, как сидел, так... без всяких прелюдий, просто даже без покаяния, ма тант. Вот оно что!

Мурзавецкая. Бог не без милости: может быть, и не умрешь.

Мурзавецкий *(громко вскрикивает)*. Ах! *(Хватается за грудь.)* Ай, ай, ай! Вот оно!

Мурзавецкая. Что случилось?

Мурзавецкий *(хватаясь за грудь)*. Насквозь, ма тант, от сердца да под лопатку.

Мурзавецкая. Пройдет, ничего.

Мурзавецкий *(вскрикивает громче)*. Ой!.. Ох, ох! точно кинжалом.

Мурзавецкая. Ну, ступай! я прикажу, только уж в последний раз, слышишь?

Мурзавецкий. Уж не знаю, дойду ли до комнаты. Долго ль, в самом деле, умереть! Мне жизнь копейка, да ведь без покаяния, ма тант... *(Уходит.)*

Мурзавецкая звонит, входит Павлин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Смотреть за Аполлоном Викторычем, чтоб ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно! Тебе я приказываю, с тебя и спрошу.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они в окно даже иногда...

Мурзавецкая. Убери все платье! Вели взять, будто почистить, да и не давай! В халате не уйдет.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они и в халате, ежели к вечеру...

Мурзавецкая. Где он деньги берет?

Павлин. Займствуются-с.

Мурзавецкая. У кого?

Павлин. У разных господ-с, которые знакомые, вот у господина Лыняева и у прочих. Осмеливаюсь доложить, сударыня, ни одного гостя не пропущают, чтоб не попросить.

Мурзавецкая. Нет, уж терпенья моего не хватает... Женю я его... Уж суди меня бог, а я его женю.

Павлин. Чего бы лучше-с!

Мурзавецкая. Что это за народ был у крыльца здесь?

Павлин. За получением-с; давно ждут, сударыня-с.

Мурзавецкая. Ну, пусть еще подождут.

Павлин. Одолеют, сударыня, беспокойство для вас.

Мурзавецкая. А что мне беспокоиться-то? У меня нужды не бывает,— мне на нужду посылается, сколько нужно. Что ты смотришь? Да, сколько нужно, столько и пошлется: понадобится мне тысяча, будет тысяча, понадобится пятьдесят тысяч, будет и пятьдесят. А сказывал ли ты им, что кому я должна, я тех помню, я за тех молюсь; а кому заплатила, тех из головы вон?

Павлин. Сказывал, да понимать не хотят — деньги требуют-с. Необразование, а при всем том и закоренелость.

Мурзавецкая. А ведь бывали примеры, Павлин, что за мои молитвы-то счастье посылается, барыши большие... Ну, что ж, коли им деньги нужны, так заплатим.

Павлин. Срок бы им какой назначить-с.

Мурзавецкая. Зачем срок? Что мне себя связывать! Отдам, вот и все тут. Я еще не знаю, сколько у меня денег и есть ли деньги,— да и копаться-то в них за грех считаю. Когда понадобятся, да не то что когда понадобятся, а когда захочу отдать, так деньги найдутся, стоит только пошарить кругом себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вот какие со мной чудеса бывают. Да ты веришь аль нет?

Павлин. Как же я смею не верить-с?

Мурзавецкая. Так об чем и разговаривать? Беспокоиться о долгах я не желаю. Куда торопиться-то? Почем мы знаем, может быть, так и нужно, чтоб они ждали,— может быть, им через меня испытание посылается?

Павлин. Это действительно-с.

Мурзавецкая. Позови ко мне Чугунова.

Павлин *(у двери)*. Вукол Наумыч, пожалуйте к барышне. *(Мурзавецкой.)* Идут-с. *(Уходит в переднюю.)*

Входит Чугунов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мурзавецкая, Чугунов.

Чугунов. С праздником, Мерона Давыдовна.

Мурзавецкая. Здравствуй, Вукол Наумыч! Садись!

Чугунов. Ручку позвольте, благодетельница! (*Целует руку и садится.*) Присылать изволили?

Мурзавецкая. Посылала. Дело у меня важное, Вукол, дело большое, третью ночь я об нем думаю; да не знаю, как расположиться-то на тебя, поверить-то тебе боюсь.

Чугунов. Да разве у меня совесть подымется против благодетельницы...

Мурзавецкая. У тебя совести нет.

Чугунов. Нельзя совсем не быть, матушка-благодетельница. Все уж сколько-нибудь да есть.

Мурзавецкая (*стучит костылем*). У тебя совести нет.

Чугунов. Ну, как вам угодно, как вам угодно, спорить не смею. Я только одно скажу, вы у меня после бога...

Мурзавецкая. Лжешь.

Чугунов. И не знаю я за собой греха против вас.

Мурзавецкая. Потому что боишься меня, знаешь, что я могу тебя и с места теплого турнуть и из городу выгнать,— проказ-то немало за тобой; и придется тебе в волостные писаря проситься, а ведь у меня недолго, я как раз.

Чугунов (*встает и целует у ней руку*). Нет уж, благодетельница, не лишайте ваших милостей.

Мурзавецкая. Садись!

Чугунов садится

Дело вот какое: брат мой, Виктор Давыдыч, отец Аполлона, имел дела с Купавиным, с мужем Евлампии.

Чугунов. Деньги занимали у Купавина, а больше никаких дел не имели-с.

Мурзавецкая. Да, занимал, и Купавин ему давал. А вот перед смертью братец стал бумажный завод строить, и не хватило у него денег; Купавин обещал дать, да и не дал.

Чугунов. Так точно-с.

Мурзавецкая. А если б Купавин не отказал?

Чугунов. Тогда наш братец выстроили бы завод. Отчего ж на чужие деньги не выстроить?

Мурзавецкая. Да, выстроил бы и, по его расчету, за уплатой всех долгов, нажил бы пятьдесят тысяч. Значит, виноват Купавин, что Аполлон нищий остался. Ну, надо правду сказать, Вукол, братец-покойник прихвастнуть любил, я всегда ему только вполовину верила; так вот я теперь, может, и себя обижаю, а считаю за Купавиной только двадцать пять тысяч, а не пятьдесят.

Чугунов. Считать можно-с.

Мурзавецкая. Да и говорю везде, по всему городу славлю, что Купавины должны Аполлону, что они ограбили у меня племянника.

Чугунов. И говорить можно-с.

Мурзавецкая. «Можно» да «можно»! А чего нельзя-то, по-твоему?

Чугунов. Нельзя этих денег получить-с. Никто не обязан взаймы деньги давать-с, на это есть добрая воля. Хоть Купавин и не дал взаймы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать с него за это ничего нельзя, потому что строят-то на свои...

Мурзавецкая. Ах ты, ворона! Да разве я глупей тебя? Разве я не понимаю, что по законам, по тем, что у вас в книгах-то написаны, тут долга нет. Так у вас свои законы, а у меня свои; я вот знать ничего не хочу, кричу везде, что ограбили племянника.

Чугунов. Ваша воля, вам запретить никто не может.

Мурзавецкая. Так ведь не сдуру же я. Как ты думаешь, а, сдуру я, или у меня есть в голове что-нибудь?

Чугунов. Стало быть, есть.

Мурзавецкая. На совесть я на людскую надеюсь, все еще в совести людской не изверилась... думаю: Евлампия женщина добрая, деликатная, не потерпит, чтоб про нее такой разговор был.

Чугунов. Полагаете, заплатит?

Мурзавецкая. Нет, не полагаю. Велики деньги, где ж заплатить. А мы мировую сделаем.

Чугунов. Сколько ж вы по мировой получить надеетесь?

Мурзавецкая. Ничего не хочу я получать; а женим Аполлона на ней, вот и квит. Из того только я и

бьюсь, из того и сыр-бор загорелся, и разговор об долге пошел.

Чугунов *(с испугом встает)*. Матушка, матушка!

Мурзавецкая. Чего ты испугался?

Чугунов. Ведь уж тогда вы, благодетельница, все управление в свои ручки возьмете?

Мурзавецкая. Разумеется, возьму.

Чугунов. А я-то куда же; благодетельница?

Мурзавецкая. А куда хочешь. Вот, очень мне нужно! Будет с тебя, нагрел руки-то.

Чугунов. Нет, матушка-благодетельница, нет, разве малость самую. Мне вот к усадьбишке пустошь прикупить хочется, рядом продается, три тысячи просят.

Мурзавецкая. Не жирно ли, Вукол?

Чугунов. И ни за чем бы я больше не погнался: на всю жизнь кусок хлеба, и кляузы брошу.

Мурзавецкая. Коли дело сделается, я тебе тысячу рублей дам, а остальные сам промышляй покуда, сколачивай как-нибудь, я тебе не судья. Только не больше, а две тысячи хоть и у Купавиной своруешь, так не бойся, ее не разоришь.

Чугунов. Только вы-то, благодетельница, не осудите, вы-то не осудите; а то никого мне не страшно, уж я себя не обижу.

Мурзавецкая. Ну, об тебе-то довольно толковать, ты меня-то послушай!

Чугунов. Слушаю, благодетельница.

Мурзавецкая. По-моему, всякая баба дрянь, хоть ты золотом осыпь, все ей самой-то цена — грош. А Евлампия теперь с деньгами-то, пожалуй, очень высоко думает о себе: тот ей не пара, другой не жених.

Чугунов. Насчет этого я в их мысли проникнуть не могу-с.

Мурзавецкая. Я ведь девица старая, я мужчин разбирать не умею; может быть, Аполлон и в самом деле плохой жених; да, понимаешь ты, что я этого и знать не хочу; я своему родному добра желаю, а до нее мне и горя мало... так вот, если она заупрямится, надо нам с тобой, Вукол, придумать, чем пугнуть ее.

Чугунов. Будем придумывать, благодетельница.

Мурзавецкая. Ну, и думай! Как, по-твоему, кому ты должен служить: мне или ей?

Чугунов. Никому, кроме вас, благодетельница.

Мурзавецкая. Вот и сослужи своей благодетельнице службу великую, избавь ее от заботы! Ведь измучил меня племянничек-то.

Чугунов. Ничего-с, можно-с, не извольте беспокоиться. Я имею полную доверенность от Евлампии Николаевны, могу все дела вести и миром кончать.

Мурзавецкая. Ну, так что же?

Чугунов. Надо бы какой-нибудь счетец старый найти, или в книгах конторских нет ли каких расчетов, на чем вам претензию основать... да я поищу-с. Потом мы с Аполлоном Викторычем дело и кончим миром у мирового. Я, какой вам угодно, долг признаю, хоть во сто тысяч. Выдадут Аполлону Викторычу исполнительный лист — вот уж тогда дело будет крепко, таким документом пугнуть можно-с! Выходи замуж, а то, мол, разорю.

Мурзавецкая. Да, да, да... вот, вот, мне только того и нужно. Ну да еще это дело впереди, может быть, и без того сладим. А заупрямится, так уж не взыщи... Что греха таить, я для своей родни криводушница...

Чугунов. А кто ж без греха-то? Кто похвалится, благодетельница?

Мурзавецкая. У Евлампии наличные деньги есть?

Чугунов. Как не быть, есть.

Мурзавецкая. Что ж она, забыла, что ли? Я ей не раз напоминала. Муж ее обещал дать мне тысячу рублей на бедных... да уж не помню, на словах он говорил или письмо было от него. «В завещании, говорит, я этих денег не помещаю, все равно, когда умру, вам жена моя заплатит». Кажется, было письмо. Ты смотрел в моих бумагах?

Чугунов. Раз пять пересматривал, на дом брал-с.

Мурзавецкая. Нет?

Чугунов. Нет-с.

Мурзавецкая. Жаль. Не верить мне она не смеет, а все-таки, пожалуй, поморщится.

Чугунов. Так что же-с, можно-с...

Мурзавецкая. Что «можно»?

Чугунов. Да письмо найти, коли оно нужно-с.

Мурзавецкая. Ведь уж ты искал.

Чугунов. Искал, да не там, где надобно; сдуру-то только время потерял даром. *(Вынимает из кармана письмо и подает Мурзавецкой.)* Вот извольте, матушка-благодетельница, нашлось.

Мурзавецкая *(прочитав про себя письмо.)* Его рука, его. Что такое? Уж не колдовство ли?

Чугунов. Как можно, благодетельница... грех этакий! возьму ли я на свою душу...

Мурзавецкая. А не колдовство, так не много лучше, — это подлог; за это Сибирь. *(Отдает письмо Чугунову.)*

Чугунов. Что это вы какие слова говорите! Зачем, благодетельница, такие слова говорить! Ну что за подлог? Умное дело — вот как это называется. Такая воля была господина Купавина; а не все ли равно, что на словах, что на письме он ее выразил. А если без письма-то Евлампия Николаевна не поверит да денег не даст; так не больше ли тогда греха-то будет? И воля покойного не будет исполнена, и бедным на помин его доброй души ничего не достанется.

Мурзавецкая. А если я тебя обманула, если он не обещал мне?

Чугунов *(хочет разорвать письмо)*. Так ведь вот... долго ли?

Мурзавецкая. Что ты, что ты! Постой! Подай сюда. *(Берет письмо.)*

Чугунов. Жаль, что мало, Мерона Давыдовна, — вот что надо сказать.

Мурзавецкая. Что мало?

Чугунов. Да денег-то. Уж заодно бы...

Мурзавецкая. Да что ты, пропащий! Ведь только обещано.

Чугунов. То-то я и говорю; жаль, что мало обещано, а уж писать-то бы все одно.

Мурзавецкая. Разбойник ты начисто, Вукол, как погляжу я на тебя. Вот я бедным помогаю, так для них можно и душой покривить, грех небольшой; а ты, поди, и для своей корысти от такого баловства не прочь. *(Прячет письмо в карман и грозит Чугунову.)* Эй, Вукол, совесть-то, совесть-то не забывай, пуще всего! Ведь это дело уголовное.

Чугунов. Уголовное, благодетельница, уголовное.

Мурзавецкая. Сам, что ли?

Чугунов. Где уж самому! Руки трясутся... племянник.

Мурзавецкая. Горецкий?

Чугунов. Он, благодетельница. Думали, ничего из парня не выдет, не учился нигде, и грамоте едва знает; отдали частному землемеру в помощники, так все одно что бросили. И вдруг какое дарование открылось! Что хотите дайте, точка в точку сделает.

Мурзавецкая. Введет он тебя в беду с этим дарованьем-то.

Чугунов. Побаиваюсь, благодетельница... А прогнать жаль, не ровен час, и понадобится; не себе, так добрым людям услужить. *(Взглянув в окно.)* Кто-то подъехал к вам? Уж вы меня отпустите! *(Целует руку Мурзавецкой.)*

Мурзавецкая. Прощай, Вукол, спасибо.

Чугунов. Коли опять что понадобится, только, благодетельница, мигните, я всей душой. *(Уходит.)*

Входит Павлин.

Павлин. Господин Лыняев с Анфусой Тихоновной подъехали.

Мурзавецкая. Проси!

Павлин уходит. Входят Лыняев и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мурзавецкая, Лыняев, Анфуса и Павлин у двери.

Лыняев. Ух! Здравствуйте!

Мурзавецкая *(поцеловавшись с Анфусой)*. Здравствуй, телепень[1]! Садитесь, гости будете. Где ты эту красавицу-то поддел?

Лыняев. У гостиного двора Евлампия Николаевна навязала, она к вам засдет за ней.

Мурзавецкая *(Анфусе)*. Тебе, сирота, чайку?

Анфуса. Да, уж бы, чайку бы уж...

Мурзавецкая *(Павлину)*. Подай чаю Анфусе Тихоновне.

Павлин уходит.

[1] Телепень — в переносном значении — неповоротливый, вялый, неуклюжий человек.

(Лыняеву.) А кабы не поручение, ты бы и не заехал ко мне, пожалуй?

Лыняев. Не заехал бы сегодня, дел ведь у нас с вами никаких нет.

Мурзавецкая. Да не все по делу; а так, навестить старуху, побеседовать?

Лыняев. Ведь у нас одна беседа: ближних судить. А мне некогда сегодня критикой заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая. Ну, да как же! Деловой человек, важные занятия! А приедешь домой, на диван ляжешь, я ведь знаю. Всё диваны пролежал, поминутно пружины поправляют.

Лыняев. Положение-то горизонтальное больно заманчиво.

Павлин приносит на подносе чайник, чашку и сахарницу. Анфуса наливает и пьет вприкуску.

Мурзавецкая *(Анфусе)*. Вот тебе и работа, и пей сиди. *(Лыняеву.)* На что это похоже, как ты разбух!

Лыняев. Сердце у меня доброе, и совесть чиста, вот и толстею. Да теперь похудею скоро, забота есть.

Мурзавецкая. Вот редкость-то! что за забота?

Лыняев. Волка хочется поймать, травленого. На след никак не попаду.

Мурзавецкая. Ах ты, судья праведный! Ну, дай бог нашему теляти да волка поймати!

Лыняев. Завелся в нашем округе какой-то сутяга, что ни съезд, то две-три кляузы, и самые злостные. Да и подлоги стали оказываться. Вот бы поймать, да в окружной!

Мурзавецкая. Ах, какой храбрый! А ты вот что скажи: отчего ты людям-то не кажешься, ни у кого не бываешь?

Лыняев. Боюсь.

Мурзавецкая. Что ты, маленький, что ли?

Лыняев. Кабы маленький, так бы не боялся, маленькому-то не страшно.

Мурзавецкая. Да чего, скажи на милость?

Лыняев. Женят.

Мурзавецкая. Вот страсть какая! Бобылем-то разве лучше жить?

Лыняев. Кому не страшно, а я боюсь до смерти, и уж где есть девицы, я в тот дом ни ногой.

Мурзавецкая. Как же ты ко мне-то ездишь? Мы обе девицы, и я и Глафира.

Лыняев. Ведь у вас монастырь: кротость, смирение, тишина.

Мурзавецкая. Ну, и нам тоже пальца-то в рот не клади! Так вот отчего ты людей-то боишься.

Лыняев. Да разве кругом нас люди живут?

Мурзавецкая. Батюшки! да кто же, по-твоему?

Лыняев. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать.

Мурзавецкая. И барышни тоже волки?

Лыняев. Самые опасные. Смотрят лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и влепится. *(Встает и берет шляпу.)*

Мурзавецкая. Тебе все волки мерещатся, пуганая ворона куста боится. А меня ты куда ж? да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть и женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу.

Лыняев. Честь имею кланяться! До свиданья, Анфуса Тихоновна. *(Уходит.)*

Мурзавецкая. Ну, вот приехал, а что умного сказал! Часто он у вас бывает?

Анфуса. Не то чтоб, а так уж... по соседству... известно уж...

Мурзавецкая. Любезничает с Евлампией-то?

Анфуса. Да уж... Где уж... куда уж.

Мурзавецкая. Что ж он у вас делает?

Анфуса. Да уж все... *(Махнув рукой, зевает.)* Вот тоже.

Мурзавецкая. Он зевает, а ты, пожалуй, и вовсе спишь. Плохой ты сторож, надо тебе хорошего помощника дать.

Павлин *(растворяя двери)*. Евлампия Николаевна.

Входит Купавина.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Мурзавецкая, Анфуса, Купавина.

Мурзавецкая. Здравствуйте, богатая барыня! Благодарю, что удостоили своим посещением!

Купавина. Я не редко бываю у вас, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая *(сажает Купавину на свое место)*. Сюда, сюда, на почетное место!

Купавина. Благодарю вас. *(Садится.)*

Мурзавецкая. Как поживаете?

Купавина. Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Замуж хочется?

Купавина. Куда мне торопиться-то? Мне уж надоело под чужой опекой жить, хочется попробовать пожить на своей воле.

Мурзавецкая. Да, да, да! Вот что? Только ведь трудно уберечься-то, коли женихи-кавалеры постоянно кругом увиваются.

Купавина. Какие женихи? Какие кавалеры? Я ни одного еще не видала.

Мурзавецкая. Полно, матушка! Что ты мне глаза-то отводишь? Я старый воробей, меня на мякине не обманешь.

Купавина. Так вы, значит, больше моего знаете.

Мурзавецкая. А Лыняев-то, Лыняев-то при чем у тебя?

Купавина. Не угадали! Ошиблись, Меропа Давыдовна. Что мне за неволя идти за Лыняева? Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, совсем не такой мужчина, чтоб мог нравиться.

Мурзавецкая. Стар, стар для тебя. Хоть и выдешь за него, а что проку-то! Ни вдова, ни замужняя. Уж что Лыняев за муж? Распетушье какое-то.

Анфуса. А что же... уж... как же это, уж?..

Мурзавецкая. Ну вот, объяснять еще тебе? Я ведь девица, барышня. Вот свяжись с бабами разговаривать, не согреша согрешишь.

Купавина. Нет, я хочу подождать.

Мурзавецкая. А я говорю: выходи!

Купавина. Вы советуете?

Мурзавецкая. Выходи, выходи!

Купавина. За кого?

Мурзавецкая. А за кого, об этом подумаем, на то бог ум дал.

Анфуса. Да, да, уж...

Мурзавецкая. Что ты дакаешь-то? дал бог ум, да не всякому; тебя обидел, не дал,— не взыщи.

Анфуса *(махнув рукой)*. Ну, ну, уж вы... сами; а я... что уж!

Мурзавецкая. Ты за старика Купавина-то шла, уж не скажешь, что по любви, а за богатство за его, за деньги.

Купавина. Да ведь вы...

Мурзавецкая. Да что: «вы»! Уж ау, матушка! Продала себя. А это нехорошо, грех.

Купавина. Да ведь вы сами сосватали, а я разве понимала тогда?

Мурзавецкая. Да ты не ершись, я тебе не в укор говорю, я об душе твоей забочусь. Тебе теперь что нужно для очистки совести? Полюбить нужно небогатого, выйти за него замуж, да и наградить богатством-то своим любимого человека,— вот ты с грехом и расквитаешься.

Купавина. Легко сказать: полюбить.

Мурзавецкая. В твои года долго ли полюбить, только не будь разборчива. Ты молода, так ищи молодого; тебе хочется на своей воле жить, самой большой быть, так найди бедного, он по твоей дудочке будет плясать; у тебя ума-то тоже не очень чтоб через край, так выбирай попроще, чтоб он над тобой не возносился. Так, что ли, я говорю?

Купавина. Я с вами согласна, да где ж найдешь такого?

Мурзавецкая. Найдем, свет-то не клином сошелся. Я найду, я найду. Только уж ты, коли добра себе желаешь, сама не мудри, а на меня расположись. Ты меня слушай, благо мне забота об тебе припала. Не обо всякой ведь я тоже хлопотать-то буду, а кого полюблю.

Купавина. Благодарю вас.

Мурзавецкая. Ох, милые вы мои, пользуйтесь моей добротой, пока я жива; умру я, так вот что надо сказать — матери родной лишитесь.

Анфуса *(утирая слезы)*. Уж что уж... уж...

Мурзавецкая *(Анфусе)*. Полно ты плакать-то, погоди, я еще жить хочу. *(Купавиной.)* А вот что, красавица ты моя, о себе-то ты помнишь, а мужа-то поминаешь ли как следует?

Купавина. Поминаю.

Мурзавецкая. То-то, поминаешь! А надо, чтоб и другие поминали; бедных-то не забывай, их-то молитвы доходчивее.

Купавина. Да я помню... вы говорили мне... я привезла.

Мурзавецкая. Что это ты, словно сквозь зубы, цедишь? Этак мне, пожалуй, и не надобно. Разве так добро-то делают? Не свои я тебе слова-то говорила.

Купавина. Да я вам верю.

Мурзавецкая. Видно, плохо веришь. Аль думаешь, что я у тебя выханжить хочу? Так на вот, посмотри! *(Вынимает из кармана письмо.)*

Купавина. Да не нужно, уверяю вас.

Мурзавецкая. Нет, матушка, чужая душа потемки. *(Подает письмо.)* Что боишься-то, возьми.

Купавина берет письмо.

Кто это писал?

Купавина. Муж мой.

Мурзавецкая. А что писано?

Купавина. То самое, о чем вы говорили!

Мурзавецкая. Ну, так вот ты и верь мне!

Купавина. Да я никогда и не сомневалась. *(Открывает сумку, кладет туда письмо и вынимает деньги.)* Вот извольте!

Мурзавецкая. Что это ты мне даешь?

Купавина. Деньги.

Мурзавецкая. Да я и браться-то за них не люблю, как-то гадко мне в руках-то держать эту мерзость.

Купавина. Сочтите, по крайней мере.

Мурзавецкая. Вот нужно очень! Не мне эти деньги, нечего мне об них и руки марать! Коли не хватит, так не меня ты обманула, а сирот; лишние найдутся, так лишний человек за твоего мужа помолится. Ты еще, пожалуй, расписку попросишь,— так не дам, матушка, не бойся, других не потребую.

Купавина. Куда ж мне их деть?

Мурзавецкая. А положи на столик, в книгу.

Купавина *(положив в книгу деньги)*. Тетя, не пора ли нам?

Анфуса. Да я... что ж я... я вот...

Купавина *(Мурзавецкой)*. У вашего племянника есть какая-то претензия на моего мужа, я слышала.

Мурзавецкая. А ты беспокоишься? Напрасно. Тебе какое дело, что твой муж его ограбил? Нищий так нищий, ну и проси милостыню да с горя по кабакам шляйся! Вот как живи, так богата будешь. Аль ты не такая? Ну, хорошо, я сама к тебе заеду, потолкуем об этом, скоро, скоро заеду.

Купавина. Так до свидания, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Прощайте, дорогие гостьи! *(Смотрит на Купавину.)* Добрая у тебя душа, Евлампеюшка! Дай тебе бог счастья *(шепотом)*, мужа хорошего! Ведь вот я как тебя люблю, словно ты мне дочь. *(Анфусе.)* Ишь ты кутасишься, точно в Киев.

Купавина *(в дверях)*. Прощайте!

Мурзавецкая *(в дверях)*. Велите кучеру поосторожней ехать!

Анфуса. Уж мы, уж... я уж...

Купавина и Анфуса уходят. Мурзавецкая вынимает деньги из книги и считает; часть кладет в книгу, а остальные себе в карман. Садится в кресло и звонит. Входят Павлин и Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Мурзавецкая, Глафира, Павлин.

Павлин. Что прикажете, сударыня?

Глафира стоит подле Мурзавецкой, опустя глаза в землю.

Мурзавецкая *(Павлину)*. Слушай хорошенько! Я передумала, надо расплатиться со всеми. Люди не ангелы, что их искушать-то. Посмотри в книге, нет ли денег.

Павлин *(раскрыв книгу)*. Есть, сударыня.

Мурзавецкая. Возьми.

Павлин берет деньги.

Много ли мы должны?

Павлин. Без малого пятьсот рублей-с.

Мурзавецкая. А у тебя сколько?

Павлин *(сосчитав)*. Так точно-с.

Мурзавецкая. Раздай всем. Ступай.

Павлин. Слушаю-с. В газетах надо этакие-то оказии печатать. *(Уходит.)*

Мурзавецкая. Глафира, я хочу дать тебе послушание.

Глафира. Приказывайте, матушка.

Мурзавецкая. Я тебя свезу сегодня к Купавиной; подружись с ней, да в душу-то к ней влезь; она женщина не хитрая; а тебя учить нечего.

Глафира. Слушаю, матушка.

Мурзавецкая. Да коли увидишь, что Мишка Лыняев обходит ее, так не давай им любезничать-то, а постарайся разбить, очерни его перед ней, — а Аполлона хвали!

Глафира. О, с удовольствием, матушка, с удовольствием.

Мурзавецкая. Да и сама-то на Лыняева глаз не закидывай! У меня для него готова невеста.

Глафира. Мои мечты другие, матушка, моя мечта: келья.

Мурзавецкая. Этот кус не по тебе.

Глафира. Я о земном не думаю.

Мурзавецкая *(подняв глаза к небу)*. Ах, окаянная я, окаянная! *(Глафире.)* Глафира, я окаянная. Что ты на меня смотришь? Да, вот, я окаянная, а ты как думала? Кажется, и не замолить мне, что нынче нагрешила. Бабу малоразумную обманула, — все равно что малого ребенка. И обедать не буду, буду поклоны класть. И ты не обедай, постись со мной! Сейчас, сейчас в образную! И ты, и ты... *(Встает.)*

Глафира берет ее под правую руку.

Веди меня! *(Идет, как бы совсем обессилев.)* Согрешила я, окаянная, согрешила.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лица

Купавина.
Анфуса.
Чугунов.
Лыняев.
Мурзавецкая.
Мурзавецкий.
Глафира.

Изящно меблированная комната в усадьбе Купавиной. Дамский письменный стол со всем прибором; в глубине растворенная дверь в залу; две двери по сторонам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Купавина выходит из боковой двери с правой стороны, потом Чугунов.

Купавина *(садясь у стола)*. Кто там в зале?

Чугунов *(из залы)*. Мы, Евлампия Николаевна, мы с Анфусой Тихоновной, в дурачки играем, стариковское наше дело.

Купавина. Подите сюда, Вукол Наумыч!

Чугунов входит.

Садитесь!

Чугунов. Благодарю покорно. Сяду, сяду-с. *(Садится.)*

Купавина. Какие дела были у моего мужа с племянником Мурзавецкой?

Чугунов. С отцом его были расчеты какие-то.

Купавина. Меропа Давыдовна всюду кричит, что мы ее племянника ограбили.

Чугунов. Строгая она дама-с, Меропа Давыдовна-с.

Купавина. Что же им нужно от меня?

Чугунов. Да вам зачем беспокоиться, головку утруждать! Я-то при чем у вас? Даром, что ль, я жалованье-то получаю?

Купавина. Для меня этот разговор очень неприятен. Кончите с ними как-нибудь поскорее!

Чугунов. Миром прикажете?

Купавина. Я ведь не понимаю; а, конечно, миром лучше всего.

Чугунов. Слушаю-с. А как насчет денег, если понадобятся?

Купавина. У меня денег наличных немного.

Чугунов. Вот это жалко-с. Такая вы знаменитая у нас барыня, и как вы себя стесняете в деньгах, даже удивительно.

Купавина. Да где ж я их возьму?

Чугунов. Помилуйте! Да прикажите мне, сколько вам угодно, столько у вас и будет.

Купавина. Так найдите мне денег, Вукол Наумыч!

Чугунов. Да я и искать не стану, только одно ваше имечко золотое нужно. Имечко вам подписать, только и труда, вот и деньги.

Купавина. Что подписать? Я вас не понимаю.

Чугунов. А вот я вам сейчас на деле объясню-с. Извольте перышко взять. Вот и бумажка кстати нашлась. *(Вынимает из кармана вексельную бумагу.)*

Купавина. Какая странная бумага!

Чугунов. Да-с, чудных таких понаделали. Извольте писать тут внизу. «Вдова полковника, Евлампия Николаевна Купавина».

Купавина пишет.

Только всего-с, вот и деньги. *(Засыпает песком.)* Случится кому платить, тогда напишем вот тут на бумажке пятьсот рублей или тысячу, и готово.

Купавина. Понимаю теперь.

Чугунов несколько раз робко берется за вексель; но при взгляде Купавиной отдергивает руку.

Что вы делаете?

Чугунов. Да не затерялся бы как.

Купавина. Так уберите.

Чугунов. Куда прикажете?

Купавина. Да куда хотите. Возьмите к себе в портфель!

Чугунов. Как вы изволили сказать-с? Мне к себе взять?

Купавина. Ну да. Что же вы сомневаетесь?

Чугунов. Я-то не сомневаюсь, да как же вы-то-с? А коли ваше такое расположение, так покорнейше вас благодарю. *(Берет вексель.)*

Купавина. За что вы меня благодарите?

Чугунов. Да как же, такая награда-с.

Купавина. Какая награда?

Чугунов. А доверие чего стоит-с? Кто ж это сделает у нас в губернии? Да ни один человек. Чугунову в руки бланк! Конечно, все мы люди, Евлампия Николаевна, все человеки, бедность, семья... а уж и ославили: «Вуколка плут, Вуколке гроша поверить нельзя». А вы вот что! На-ка!

Купавина. Хорошо, хорошо! Только, пожалуйста, разочтитесь поскорей с Мурзавецкими.

Чугунов. Что Мурзавецкие! Мизинца вашего не стоят. А то плут! Ну, плут; а ведь тоже чувство. *(Ударяет себя в грудь.)* Вот они, слезы-то. Они даром не польются. *(Целует руку у Купавиной.)* Ну как я теперь против вас какую-нибудь такую... большую подлость сделаю! Это мне будет очень трудно и очень даже совестно.

Купавина. Постойте-ка! Кажется, кто-то есть в зале.

Чугунов. Гости, должно быть-с. Я в конторе буду-с. *(Уходит налево.)*

Купавина *(подойдя к двери в залу)*. Тетя, с кем вы там разговариваете?

Входит Лыняев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Купавина, Лыняев.

Купавина. А, это вы, Михайло Борисыч!

Лыняев. Здравствуйте! Давно вы из городу?

Купавина. Только приехали.

Лыняев. А я вас на почте прождал. Что бы вам потрудиться заглянуть туда! А то заставляете две версты крюку делать, заезжать к вам.

Купавина. Извините! Я не ждала ни от кого писем.

Лыняев. А не мешало бы полюбопытствовать.

Купавина. Разве есть?

Лыняев. От друга, от Василья Иваныча Беркутова два письма: одно ко мне, другое к вам. *(Отдает Купавиной письмо.)*

Купавина *(положив письмо на стол)*. Вы уж, вероятно, свое прочитали? Что же он пишет?

Лыняев. Да вы свое-то не откладывайте, прочтите, не церемоньтесь!

Купавина. Успею, успею. К чему торопиться, Михайло Борисыч!

Лыняев. Прочитайте, прочитайте! Приятную новость узнаете.

Купавина. Будто?

Лыняев. Он сегодня или завтра приедет в усадьбу. Вот радость-то!

Купавина. Для кого?

Лыняев. Для меня, да и для всех, я думаю. Разве вы-то?..

Купавина. Да уж не так, как вы. Вы меня прости-

те, Михайло Борисыч, если я не побегу встречать его за пять верст.

Лыняев. Бедный друг мой! Чует ли его сердце, какое равнодушие ожидает его здесь?

Купавина. Что ж делать-то, где ж мне взять много-то радости? Сколько есть.

Лыняев. Зачем вы в город ездили?

Купавина. Тысячу рублей денег свезла.

Лыняев. Кому?

Купавина. Меропе Давыдовне.

Лыняев. Да полноте! Зачем, с какой стати?

Купавина. На бедных, по приказанию покойного мужа.

Лыняев. Да никакого приказания не было, никогда он и не думал приказывать. Он терпеть не мог Мурзавецкую и называл ее ханжой. Как вас обманывают-то, ай, ай!

Купавина. Вот вы всегда так несправедливы к Меропе Давыдовне. Когда вы перестанете обижать ее, эту почтенную женщину? Вот посмотрите! *(Подает ему письмо, которое взяла у Мурзавецкой.)*

Лыняев *(рассматривая письмо)*. Ну, что хотите со мной делайте, а это подлог.

Купавина. Что вы, что вы, Михайло Борисыч! Возможно ли это дело?

Лыняев *(с жаром)*. Кто у нее эти штуки работает?

Купавина. Да перестаньте! Мне дико слушать.

Лыняев. Позвольте мне взять это письмо ненадолго.

Купавина. Возьмите, только, пожалуйста, не делайте скандала и не ссорьте меня с Меропой Давыдовной; у меня с ней есть серьезное дело.

Лыняев. Никакого дела, уверяю вас. Я все ваши дела знаю.

Купавина. Не у меня, а у моего мужа были какие-то счеты с Мурзавецким, с братом ее.

Лыняев *(с жаром)*. Да никаких счетов и не бывало; это опять какая-нибудь подьяческая кляуза.

Купавина. Да успокойтесь, это до вас не касается. Я поручила Вуколу Наумычу покончить это дело миром; я уж и подписала.

Лыняев. Ах, боже мой! Не подписывайте вы ничего, не посоветовавшись со мной! Что вы подписали?

Купавина. Не бойтесь! Что я подписала, там ничего не было.

Лыняев. Да почем вы знаете, что ничего не было?

Купавина. Вот мило! У меня глаза есть.

Лыняев. Да что вы с вашими глазами разберете! Тут надо быть юристом.

Купавина. Ах, это смешно наконец. Зачем юристом, когда ничего нет.

Лыняев. Как «ничего»?

Купавина. Так, ничего, чистая бумага.

Лыняев. Час от часу не легче! Да вы подписали бланк.

Купавина. Какой бланк?

Лыняев. Вексель. Там, где ничего-то нет, могут написать что угодно и взыскать с вас пятьдесят, сто тысяч.

Купавина. Какие страсти! Как вы дурно думаете о людях! Да Чугунов со слезами благодарил меня за доверие. Он плакал, говорю я вам.

Лыняев. И крокодилы плачут, а все-таки по целому теленку глотают.

Купавина. Так с меня непременно взыщут сто тысяч?

Лыняев. Хоть не сто тысяч, а что-нибудь взыщут непременно.

Купавина. Да почем вы знаете?

Лыняев. На это я вам отвечу русской сказкой: «Влез цыган на дерево и рубит сук, на котором сидит. Идет мимо русский и говорит: «Цыган, ты упадешь!» — «А почем ты знаешь, — спрашивает цыган, — разве ты пророк?»

Купавина. Это глупо, глупо, Михайло Борисыч. Кто станет рубить тот сучок, на котором сидит?

Лыняев. Нет, очень умно. Я на каждом шагу вижу людей, которые точно то же делают, что этот цыган. И уж сколько раз мне приходилось быть таким пророком.

Купавина. Я понимаю, куда клонится этот разговор, — вам хочется попасть на свою любимую тему — что женщины ничего не знают, ничего не умеют, что они без опеки жить не могут. Ну, так я вам докажу, что я сумею вести свои дела и без посторонней помощи.

Лыняев. Дай вам бог! А еще лучше, если бы вы раскаялись в своем заблуждении как можно скорее, пока еще не успели погубить своего состояния.

Купавина. Оставайтесь обедать!

Лыняев. Пожалуй, я только отдохну немного в беседке. Позволите?

Купавина. Ступайте, еще обед не скоро.

Анфуса *(из залы)*. Гости... уж тут... они.

Купавина. Кто, Мурзавецкая?

Анфуса *(из залы)*. Да, уж...

Лыняев. Нет, извините! По два раза в день ее видеть для меня слишком много. Я пойду в сад, она меня и не заметит. Можно тут пройти? *(Указывает в дверь налево.)*

Купавина. Сделайте одолжение! До свиданья! *(Идет в залу.)*

Лыняев уходит в дверь налево. Из залы входят Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Ну вот я к тебе со всем двором опричь хорóм.

Купавина. Милости просим!

Мурзавецкая. Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего, принимать надо. Вот *(указывая на племянника)* пристал.

Мурзавецкий. Ах, ма тант, лесе![1]

Мурзавецкая. Замолчи, пожалуйста! Разве я что дурное говорю! Ты всегда к ней можешь приехать, и принять тебя она должна с честью, ты не баклуши бить, не лясы точить; ты за своим делом кровным. Вот пусть-ка она послушает.

Купавина. Я с удовольствием.

Мурзавецкая. Ну уж, какое удовольствие! Это дело, матушка, к богу вопиет; вот что я тебе скажу.

Купавина. Так объясните мне, в чем оно.

Мурзавецкая. Не мое, так мне и объяснять нечего. Он обижен, он тебе и расскажет. Поговорите, так, бог даст, и сладите. Коли умна, так догадаешься, не дашь себя разорить; а заупрямишься, так не взыщи, своя рубашка к телу ближе.

Купавина. Чем потчевать прикажете?

Мурзавецкая. Что за потчеванье! Я ведь от тебя

[1] оставьте (от *франц.* laissez).

к празднику в гости еду. У вас тут храмовой праздник неподалеку; а ты, чай, и не знаешь?

Купавина. Как не знать! На моем лугу гулянье бывает. А от чаю все-таки не откажетесь?

Мурзавецкая. Да пожалуй.

Купавина. Тетя!

Анфуса. Уж я... уж давно... уж, гляди, готов...

Мурзавецкая. А вот эту девицу, извини, я к тебе погостить привезла.

Купавина. Очень вам благодарна.

Мурзавецкая. Думала, скучно одной-то, с Анфусой-то не много разговоришься, вот, мол, ей птицу-перепелицу, все-таки зубки почесать есть с кем.

Купавина. Извините меня! Я на одну минуту, я только покажу Глафире Алексеевне ее комнату. *(Глафире.)* Пойдемте.

Купавина и Глафира уходят в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мурзавецкая, Мурзавецкий, Анфуса, потом Купавина.

Мурзавецкая. Хороша усадьба-то?

Мурзавецкий. Маньифик[1].

Мурзавецкая. Покоряй вдовье сердце, твоя будет. Только не ударь себя в грязь лицом!

Мурзавецкий. Что вы, ма тант? Я-то?

Мурзавецкая. Да, ты-то. Разговариваешь ты смело; а верится тебе что-то плохо.

Мурзавецкий. Десять слов.

Мурзавецкая. Что: «десять слов»?

Мурзавецкий. Я больше с женщинами никогда не говорю. Десять слов, и довольно, готово, вот по сих пор. *(Показывает на уши.)*

Мурзавецкая. Ну хоть и не десять, только бы

Мурзавецкий. Нет, больше десяти, ма тант, нельзя: опасно, черт возьми!

Мурзавецкая. Уж опасно?

Мурзавецкий. Пароль донёр. В реки бросаются, что за приятность!

Мурзавецкая. А вот посмотрим.

Входит Купавина.

[1] Великолепно (от *франц.* magnifique).

Купавина. Тетя, разлейте чай!

Анфуса. Я вот... я... *(Хочет идти.)*

Мурзавецкая. Пойдем, и я с тобой, терпеть не могу из лакейских рук; то ли дело усесться подле самоварчика. *(Уходит с Анфусой в дверь налево.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мурзавецкий, Купавина.

Купавина. А вы чаю не хотите?

Мурзавецкий. Муа?[1] Чаю? Ни за какие пряники! Жаме де ма ви![2] Бабье занятие.

Купавина. Ну, как угодно. Вы желали со мной о вашем деле поговорить?

Мурзавецкий. Желал-с, страстно желал.

Купавина. Так обратитесь к Вуколу Наумычу, я ему поручила это дело.

Мурзавецкий. Что такое Вукол Наумыч? Компрене ву[3] подьячий; а вы, а вы! Это... нет, как хотите, это разница.

Купавина. Но я с вами говорить не могу, я ничего не понимаю в этом деле.

Мурзавецкий. Да что дело! Что такое дело! Счеты — расчеты. Клюшки — коклюшки! Что значит это дело в сравнении с вечностию и, чуть было не сказал, с соленым огурцом! Пардон! Я сказал глупость. Подлейшая привычка говорить остроты! Но это в сторону.

Купавина. Что же вам угодно, я вас не понимаю.

Мурзавецкий. Души низкие ищут денег, души возвышенные ищут блаженства, как сказал один полковой писарь.

Купавина. Но какого же блаженства вы ищете?

Мурзавецкий. Я? О! Слов нет! Чтоб описать это блаженство, таких слов нет.

Купавина. Так, значит, я и не узнаю, жаль.

Мурзавецкий. Небесные очи, томные улыбки, там разные фигли-мигли, нежности-белоснежности и прочее и прочее,— все это вздор! Позвольте с вами говорить откровенно!

[1] Я? (от *франц.* moi?)
[2] Никогда в жизни! (от *франц.* jamais de ma vie!)
[3] Понимаете (от *франц.* comprenez-vous).

Купавина. Сделайте одолжение!

Мурзавецкий. Вы не увидите меня на коленях пред собой. Нет, уж это атанде[1]. Я горд.

Купавина. Ах, очень рада.

Мурзавецкий. Но полюбить меня вы должны.

Купавина. Скажите пожалуйста, я не знала.

Мурзавецкий. Впрочем, это как вам угодно.

Купавина. Да, я думаю.

Мурзавецкий. Я горд, повторяю вам.

Купавина. Я слышала.

Мурзавецкий. Да... Но знаете, какое обстоятельство, черт возьми! По некоторым причинам... я бы вам сказал их, да вы не поймете, — я не служу-с, довольно! Старался, не оценили, ну и довольно. Родового не имею благоприобретенного не приобрел...

Купавина. Если муж мой действительно был вам должен, вы получите...

Мурзавецкий. Ах, оставьте, лесе! Вы мне надоели. Миль пардон[2], мадам! Я совсем о другом. Извольте видеть, я чист... Ма тант — старая девка, она не понимает и не может понимать потребностей молодого, холостого офицера и скупа, как...

Купавина. Я вам говорю, что вы получите.

Мурзавецкий. Вы опять за свое? Это скучно!.. Я иногда должен отказывать себе в самых необходимых удовольствиях. Ну, положим, табак... Мне даже стыдно признаться. Имажине ву[3], дворянин — и без табаку!

Купавина. Что же вам угодно?

Мурзавецкий. Апрезан кельк-шоз[4].

Купавина. Сколько же вам?

Мурзавецкий. Конечно, взаймы...

Купавина. Ну да, разумеется, но сколько?

Мурзавецкий. А это как вам угодно. Ешё весьма немного... Однако все ж таки не двугривенный.

Купавина *(вынимает из портмоне ассигнацию)*. Пять рублей довольно?

Мурзавецкий. Сетасе[5]. Мерси, гран мерси![6] Через два дня, пароль донёр!

[1] Здесь: придется подождать (от *франц.* attendez).
[2] Тысяча извинений (от *франц.* mille pardons).
[3] Вообразите (от *франц.* imagines-vous).
[4] Сейчас хоть сколько-нибудь (от *франц.* à présent quelque chose).
[5] Достаточно (от *франц.* c'est assez).
[6] Спасибо, большое спасибо! (от *франц.* merci, grand merci!)

Купавина. Уж извините! Я пойду к дамам! *(Уходит.)*

Мурзавецкий. Нет, ром... ну его! Вреден мне, с моим характером нельзя. Попробую-ка ужо *(щелкает себя пальцем по галстуку)* крамбабулевой заняться. Как бы только вырваться у ма тант! *(Прячет деньги в карман.)*

Входит Мурзавецкая.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мурзавецкий, Мурзавецкая.

Мурзавецкая. Ты что это прячешь?

Мурзавецкий. Так, на память выпросил безделушку, сувенирчик маленький. Ма тант, знаете, что мне нужно? Мне нужна свобода.

Мурзавецкая. Неправда.

Мурзавецкий. Нужна, ма тант, нужна. Вот, например, сегодня вечером, если вы меня не отпустите...

Мурзавецкая. Куда это? На гулянье, с пьяными мужиками путаться?

Мурзавецкий. Кель идé![1] Чего я там не видал?

Мурзавецкая. Так куда ж?

Мурзавецкий *(потирая лоб)*. После, ма тант, после узнаете.

Мурзавецкая. Нет, говори сейчас!

Мурзавецкий *(таинственно)*. Сюда.

Мурзавецкая. Зачем?

Мурзавецкий. За решительным ответом.

Мурзавецкая. Как за «решительным»? Разве ты сделал предложение?

Мурзавецкий. Десять слов. Я ведь, ма тант, без экивоков: так и так, говорю, вуле ву?[2] Она почти согласна, велела вечером приезжать за решительным ответом. Нельзя же не быть.

Мурзавецкая. А не лжешь ли ты?

Мурзавецкий. Же ву засюр[3]. Только вы ей ни-

[1] Что за мысль! (от *франц.* Quelle idée!)
[2] хотите? (от *франц.* voulez-vous?)
[3] Я вас уверяю (от *франц.* Ie vous assure).

ни! Она просила, чтоб это дело пока осталось антр ну дё[1].

Мурзавецкая. А что, если правда? Да понимаешь ли ты, как это важно для нас?

Мурзавецкий *(серьезно)*. Очень, ма тант, важно, очень.

Мурзавецкая. Право, мне что-то уж не верится; уж больно хорошо. А впрочем, лукавый-то чего не делает!

Мурзавецкий. Верно, ма тант, она моя.

Мурзавецкая. Поезжай, поезжай! Только ты скорей возвращайся от нее, я тебя буду ждать. Не усну ведь ни за что, ты подумай!

Входят Купавина, Глафира, Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Спасибо этому дому, поедем к другому! Прощайте, крали! Уж не знаю, скоро ли попаду к тебе.

Купавина. Я сама к вам заеду.

Мурзавецкий. Но я, ма тант, скоро буду у мадам Купавиной, я обязан быть.

Мурзавецкая. Ну и ладно. *(Купавиной.)* А ты его принимай хорошенько! Вот я и узнаю твое расположение ко мне: коли ласково его принимать будешь, значит, меня любишь; коли ты его обидишь, значит, меня хотела обидеть. Прощайте! Всего не переговоришь.

Уходят Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Анфуса. Входит Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Глафира садится, вынимая из кармана маленькую книжку и погружаясь в чтение. Входит Купавина.

Купавина. Наконец-то я залучила вас к себе.

Глафира. Ах, это вы? *(Опускает книгу.)* Я давно собиралась к вам, сельская природа так располагает к благочестивым размышлениям.

[1] между нами (от *франц.* entre nous deux).

Купавина. Надеюсь, что вы у меня погостите подольше.

Глафира. Очень благодарна, но боюсь, что вы со мной соскучитесь, я плохая собеседница, я люблю уединение.

Купавина. А я слышала, что вы в Петербурге жили весело.

Глафира. Ваша правда. Я тогда еще не понимала жизни, теперь я смотрю на вещи гораздо серьезнее, житейская суета не имеет для меня никакой цены.

Купавина. Когда же вы успели так изменить свой образ мыслей?

Глафира. Я молода еще, конечно; но под руководством такой женщины, которую почти можно назвать святой, я в короткое время успела сделать много для своей души.

Купавина. А вы кстати приехали.

Глафира. Почему же?

Купавина. Мне нужно посоветоваться, а не с кем было. Вы мне не откажете?

Глафира. Рада служить вам всем, чем могу. Откройте мне свою душу! Впрочем, не надо, я догадываюсь. Вы женщина светская, значит, легкомысленная,— вы влюблены?

Купавина. Вы почти угадали.

Глафира. Мне жаль вас.

Купавина. Отчего же?

Глафира. Оттого, что это грех.

Купавина. Небольшой, я думаю.

Глафира. Но это судя по человеку, которого вы любите. Богат он или беден?

Купавина. Богат.

Глафира. Так большой грех.

Купавина. Я его люблю не за богатство.

Глафира. Да он-то будет очень рад вашему богатству. А если б вы не навязывались с своей любовью к богатому человеку, может быть, он женился бы на бедной девушке и осчастливил ее. А то если и богатые женщины хватаются за богатых, так что ж нам-то, бедным девушкам, останется! Я ошиблась, сказавши: «нам», мне ничего не нужно, я говорю вообще.

Купавина. Что же мне делать?

Глафира. Возьмите власть над собой,— разлюбите

его! И если уж вы без любви жить не можете, так полюбите бедного человека, греха будет меньше. Его разлюбить легко, стоит только вглядеться в него хорошенько.

Купавина. В кого? Разве вы его знаете?

Глафира. Конечно, знаю.

Купавина. Сомневаюсь.

Глафира. Вы плохо хитрите ваш секрет известен всем: вы любите Лыняева.

Купавина. Вы ошибаетесь.

Глафира *(живо)*. Ошибаюсь? Вы говорите, что я ошибаюсь?

Купавина. Да, уверяю вас.

Глафира. Так вы любите не его?

Купавина. Нет. С чего вам в голову пришло?

Глафира. Говорите правду! Я вас умоляю, говорите правду!

Купавина. Да подумайте хорошенько! Ну что мне в нем?

Глафира. Так извините меня, извините! Довольно играть комедию. Любите кого угодно и сколько вам угодно. Какую я гнусную роль играла перед вами! Ведь я приставлена к вам шпионом, и я взяла эту роль с удовольствием.

Купавина. Зачем же?

Глафира. Я думала, что вы моя соперница.

Купавина. Так вы сами любите Лыняева?

Глафира. Люблю? О нет, зачем же! Но я хочу выйти за него замуж,— это моя единственная надежда, единственная мечта.

Купавина. Но что же значит ваш костюм, ваше поведение, ваши проповеди?

Глафира. Мой костюм, поведение, проповеди — все это маска. Я буду с вами откровенна, только помогите мне.

Купавина. С удовольствием.

Глафира. Я действительно жила в Петербурге очень весело: моя сестра замужем за молодым человеком, очень ловким, он вдруг составил себе большое состояние. Нас окружали только люди богатые: адвокаты, банкиры, акционеры. Мы с сестрой жили в каком-то чаду: катанье по Невскому, в бархате, в соболях, роскошные обеды дома или в ресторанах; всегда в обществе: опера, французский театр, а чаще всего Буфф,

пикники, маскарады... Конечно, такая жизнь не серьезна; но кто испытал ее, тому здешняя, конечная невыносима. Ах, как невыносима, если бы вы знали!

Купавина. Что заставило вас уехать из Петербурга?

Глафира. Я не знаю, что сделалось. Что-то произошло вдруг, для нас с сестрой неожиданное. Сестра о чем-то плакала, стала все распродавать, меня отправили к Меропе Давыдовне, а сами скрылись куда-то, исчезли, кажется, за границу. Конечно, я сама виновата, очень виновата: мне надо было там ловить жениха,— это было очень легко; а я закружилась, завертелась, как глупая девчонка, я себе этого никогда не прощу.

Купавина. Зачем вы ходите в черном?

Глафира. А в чем же мне ходить? В старых полинялых обносках, давно вышедших из моды? Грубая черная одежда, по крайней мере, оригинальна и обращает на тебя внимание, притом же и улыбнуться кому-нибудь и смело окинуть глазами гораздо эффектнее из-под черного платка, чем из-под старомодной шляпки. Но носить это платье можно недолго и только с известной целью; а если вообразить, что придется всю жизнь таскать эту ветошь... О! это можно с ума сойти.

Купавина. Я удивляюсь, как Меропа Давыдовна не найдет вам приличной партии; она такая мастерица пристроивать своих родных.

Глафира. Нет, для меня она ничего не сделает. У ней во всем расчет! Она ловкая женщина, она сумеет выдать и за богатого человека, но только с тем, чтоб взять потом в свои руки и пользоваться всем, чем можно, и еще твердить постоянно, что она вот как облагодетельствовала.

Купавина. Да, это правда.

Глафира. Мы с ней видим друг друга насквозь, и она хорошо знает, что если я вырвусь от нее замуж, так она только меня и видела. Впрочем, я ей очень благодарна.

Купавина. За что же?

Глафира. Я научилась от нее многому полезному, многому такому, что бедной женщине необходимо в жизни.

Купавина. Именно?

Глафира. Выучилась хитрить, не говорить даром ни одного слова, не иметь стыда, когда чего-нибудь добиваешься, выучилась бесцеремонному обращению, просто наглости, которая у ханжей идет за откровенность и простоту. Жертву я нашла — Лыняев единственный человек, за которым я могу жить так, как мне хочется, как я привыкла, всякая другая жизнь для меня тягость, бремя, несчастие — хуже смерти. А я сама себе не враг, Евлампия Николаевна, и потому постараюсь во что бы то ни стало выйти за Лыняева; и для этого я готова употребить все дозволенные и даже недозволенные средства. Мне кажется, я уж очень откровенна с вами. Извините меня!

Купавина. Нет, нет, я очень хорошо понимаю ваше положение. *(Долго смотрит на Глафиру, потом обнимает ее.)* Ах, если бы мне ваша энергия!

Глафира. А мне ваши деньги! *(Смотрит прямо в глаза Купавиной.)* Поможешь мне? Ты меня видишь девушкой, посмотри женщиной, что из меня выдет.

Купавина. Все, что от меня зависит, я с радостью... Я хоть погляжу на замужнюю женщину, которая имеет свою волю. А я, бедная, и за тем мужем жила под строгой опекой, да и опять, должно быть, то же будет.

Глафира. Что за мрачные мысли?

Купавина. Так, видно, на роду написано. Я сужу по тому письму, которое мне написал мой возлюбленный. Вот об этом-то я и хотела посоветоваться с тобой!

Глафира. Так расскажи, что за дела у вас!

Купавина. Года три тому назад, когда еще мой муж был жив, приезжал сюда на лето наш сосед, Беркутов.

Глафира. Ну, и...

Купавина. Ну, и... не суди меня строго! Моему мужу было шестьдесят пять лет. Беркутов мне понравился. Впрочем, я вела себя очень осторожно, и он ни в чем не мог заметить моего особенного расположения.

Глафира. А может быть, и заметил.

Купавина. Не знаю... может быть. Он прожил здесь только одно лето и уехал в Петербург; с тех пор я его не видала; но он в каждом письме к Лыняеву посылал мне поклоны и разные комплименты.

Глафира. Как все это невинно!

Купавина. Очень невинно; а все-таки я попалась. Как-то, месяца три тому назад, пристал ко мне Лыняев:

напишите да напишите Беркутову, чтоб он приехал летом в усадьбу, он вам не откажет.

Глафира. Ты и послушалась, написала?

Купавина. Написала вздор какой-то, уж и не помню что; такая глупость непростительная.

Глафира. И ответ получила?

Купавина. В том-то и дело, что получила. Во-первых, все письмо написано деловым, канцелярским слогом; а во-вторых, смысл его такой: мне наслаждаться природой нескогда, у меня важные денежные дела; но если вы хотите, я приеду. Прошу вас не делать никаких перемен в имении, не доверять никому управления, не продавать ничего, особенно лесу.

Глафира. Серьезный человек и, должно быть, очень умный.

Купавина. Согласна; но кто ему дал право учить меня! Что я, малолетняя, что ли? Это оскорбительно. Я не отвечала и, признаюсь, довольно-таки охладела к нему. Он приедет сегодня или завтра; вот я посмотрю на него, как он поведет себя, и если замечу, что он имеет виды на меня, я полюбезничаю с ним, потом посмеюсь и отпущу его в Петербург ни с чем.

Глафира. План хорош, надо только выполнить его.

Купавина. Постараюсь, мне страшно за мою свободу. Вот письмо от него, я еще его не читала, видишь, как я равнодушна. Мне привез его Лыняев.

Глафира. Лыняев уж был у тебя, значит, я его увижу не скоро, а может быть, и совсем не увижу. Пригласи его!

Купавина. Приглашать его не нужно, он в саду, спрятался от Меропы Давыдовны и сейчас явится к обеду.

Глафира. Вот и прекрасно! Вели подать шампанского, мне давно хочется; ужасно надоело сухоядение.

Купавина. Изволь!

Глафира. У меня еще просьба к тебе. Дай мне надеть что-нибудь поприличней! Все это на мне так гадко.

Купавина. Вот тебе ключ от гардероба, выбирай, что хочешь. Там много нового, ненадеванного, я нашила пропасть, да после траура все еще не решаюсь щеголять-то.

Глафира. Merci! Я в одну минуту. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Купавина (одна).

Купавина *(распечатывает письмо)*. Посмотрим, что за послание. *(Читает.)* «Исполняю ваше приказание, сбираюсь в усадьбу. Но с той самой минуты, как я решился уехать, я уж испытываю мучительное чувство нетерпения. Мне обидно, что меня повезет паровоз, придуманный англичанами для перевозки тяжелых грузов; мне нужны крылья, резвые крылья амура». Какая пошлость! *(Читает про себя.)* Что дальше, то лучше. Что с ним сделалось? Неужели он думает, что я поверю этим глупостям? Ну, да прекрасно, надо оставить его в этом заблуждении: тем вернее он попадется.

Из двери показывается Глафира в одной юбке и в платке, накинутом на шею.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Купавина, Глафира.

Глафира. Я все, и шелковые чулки нашла, и башмаки, и как все мне в пору. Посмотри! *(Подымает и вытягивает ногу, как танцовщица.)* Ведь жалко такую ножку обувать в такие-то лапти.

Купавина. Чудо, как ты мила. Уж разве он каменный, а то как бы, кажется... *(В двери.)* Тетя, прикажите обедать подавать. Да вот и Михайло Борисыч идет.

Глафира. Подождите меня, я сейчас. Ну! Либо пан, либо пропал. *(Уходит в дверь направо. Купавина в залу.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Лица

Купавина.
Глафира.
Анфуса.
Лыняев.
Мурзавецкий.
Чугунов.
Клавдий Горецкий, племянник Чугунова, красивый молодой человек, кудрявый, с румяным лицом, одет в легком летнем сюрту-

ке, застегнутом на все пуговицы, рубашка русская, цветная, без галстука; панталоны в сапоги.

Через всю сцену садовая решетка с калиткой посередине, у калитки скамья. За решеткой виден густой парк усадьбы Купавиной. Вечереет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Горецкий стоит у решетки и посвистывает. Из калитки выходит Чугунов.

Чугунов. Что ты, зачем ты? Пошел домой! Сейчас пошел домой!

Горецкий. Нет, домой я не пойду. Я вас дожидался. Нужно очень.

Чугунов. На что я тебе?

Горецкий. Денег пожалуйте, государственных кредитных билетов.

Чугунов. Денег? Нет, нет, и не думай. Зачем тебе деньги?

Горецкий. Я своему сердцу отвагу даю, на гулянье иду. *(Свищет.)*

Чугунов. На какое гулянье? Сиди дома! Да полно тебе свистать-то! Что я тебе приказывал? Ни шагу чтобы, ни-ни...

Горецкий. Нет, это вы напрасно беспокоитесь! Без судебного приговора не буду я сидеть в заключении; приговорят, тогда сяду.

Чугунов. Зачем ты такие слова говоришь? Зачем?

Горецкий. Ну вот еще слова! Нужно очень слова разбирать. Вы денег пожалуйте!

Чугунов. Где я тебе возьму?

Горецкий. Это ваше дело, это до меня не касается. Я вот про себя знаю, что запью сегодня, должно быть, дней на двенадцать.

Чугунов. Уж так и на двенадцать? Вперед знаешь, что на двенадцать?

Горецкий. Только бы, дяденька, не больше. Пожалуйте!

Чугунов. Ты это из города пешком?

Горецкий. Пешком.

Чугунов. Нечего сказать, охота за каким-нибудь двугривенным десять верст пешком лупить.

Горецкий. Версты, это мне ничего; я с астролябией по две тысячи ходил. Я и за гривенником, когда он мне нужен, далеко пойду; только вот что: давайте по чести, двугривенного мало.

Чугунов. Ишь ты, мало! Будет, за глаза будет.

Горецкий. Говорю, что мало. Божиться, что ли?

Чугунов. Сколько ж тебе надо?

Горецкий. Пятьдесят рублей.

Чугунов. В своем ты разуме, Клашка, в своем?

Горецкий. Ничего. Вот что после гулянья будет, не знаю; а покуда в своем.

Чугунов. У кого ты просишь? У кого ты просишь, говорю?

Горецкий. У вас. У кого ж мне просить? У кого деньги водятся, у того и прошу.

Чугунов. Да что, банк, что ли, у меня?

Горецкий. Перед кем вы убогим-то притворяетесь! Вы уж это перед чужими; а я свой, родственник. У барыни имением управляете... вон усадьба-то какая! Да чтоб не грабить!

Чугунов. «Грабить, грабить»! Невежа! Чурбан необразованный. Ну, так вот и есть деньги, да не дам.

Горецкий *(надев фуражку)*. Пожалеете.

Чугунов. Об чем?

Горецкий. О том, что не дали. Можете большую неприятность получить.

Чугунов. От кого?

Горецкий. От меня.

Чугунов. Что ты за птица такая важная?

Горецкий. Вот и не птица, а неприятность сделаю.

Чугунов. Какую?

Горецкий. Дом сожгу.

Чугунов. Что ты! какой дом? Что ты!

Горецкий. Ваш.

Чугунов. Ах, ты!.. Эх, братец!.. Да как ты...

Горецкий. Да вот так: пойду и зажгу.

Чугунов. В кого ты такой каторжный уродился?

Горецкий. Да кто ж у нас в родне святые-то? Вы, что ли? В кого путным-то уродиться?

Чугунов. Не груби, Клашка, не груби!

Горецкий. Дайте денег, так и грубости не услышите.

Чугунов *(вынимает бумажник)*. Отвяжись ты от

меня! На! Провались ты куда-нибудь! *(Дает пять рублей.)*

Горецкий. Что это? Пять рублей. *(Отдает назад.)* Нет, я дороже стою.

Чугунов. Правда, правда, дороже стоишь; ты и пятьсот рублей стоишь, кабы тебя можно было в солдаты продать.

Горецкий. Не об солдатах речь! А за свое мастерство я дороже стою.

Чугунов. Хорошее мастерство! Хвались, хвались! Есть чем похвастаться!

Горецкий. Хорошее ли, дурное ли, а вам понадобилось, так платите. Уж вы покупайте меня, а то плохо.

Чугунов. Ну, на еще! *(Дает еще пять рублей.)*

Горецкий. Мало.

Чугунов. Ишь ты, как разбойник в лесу, на дороге ловишь. Больше не дам, кончено.

Горецкий. Ну, а если мне кто-нибудь больше даст, так, стало быть, продавать вас с Мурзавецкой-то?

Чугунов. Тише ты! У Евлампии Николаевны гости в саду.

Горецкий. А мне что за дело!

Чугунов. Ну тебя! Уйди от греха. *(Уходит.)*

Горецкий *(вслед Чугунову)*. Дядя! Слушай! Коли больше дадут, я вас продам, вы так и знайте. Говорю я тебе, что мне гулять охота пришла. А коли мне в это время денег не дать, так я хуже зверя. *(Уходит за Чугуновым.)*

Из сада выходят Купавина, Глафира, Анфуса, Лыняев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Купавина, Глафира, Анфуса, Лыняев.

Лыняев *(Купавиной)*. Не понимаю, не понимаю, что за фантазия гулять по росе, когда можно очень покойно сидеть в комнате, ну, пожалуй, на балконе, если хотите быть на воздухе.

Купавина. Я хочу народное гулянье посмотреть.

Лыняев. Не ходите! Что за удовольствие идти за две версты, да еще по горам, чтобы смотреть на пьяных!

Купавина. Скажите лучше, что вам лень! Оставайтесь!

Лыняев. Я бы пошел; но там, вероятно, ваши люди гуляют, мы их только стесним. Зачем расстроивать чужое веселье?

Купавина. Мы издали посмотрим, с горы. Да уж оставайтесь, оставайтесь, я тетю возьму.

Лыняев. Вот и прекрасно; а впрочем, я, пожалуй...

Купавина. Нет, нет! Будете вздыхать да охать всю дорогу, жертву из себя представлять, и без вас обойдемся. Пойдем, тетя!

Анфуса. Я что ж... я, пожалуй...

Купавина *(Глафире)*. Ты останешься тоже? Оставайся, оставайся!

Глафира. Да, у меня от шума голова кружится.

Купавина. Подождите нас здесь!

Лыняев. Подождем, подождем.

Купавина и Анфуса уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лыняев, Глафира.

Лыняев. Вы только платье переменили, а скромность при себе оставили?

Глафира. Вам излишняя скромность не нравится?

Лыняев. Как не нравится! Что вы, помилуйте! Нет, это хорошо, это очень хорошо.

Глафира. Может быть, и хорошо, да зато скучно.

Лыняев. Да разве вы обязаны развлекать меня? Это скорей моя обязанность, но и я... извините, и я могу предложить вам только поскучать со мной вместе.

Глафира. И прекрасно, очень вам благодарна.

Лыняев. Не стоит благодарности.

Глафира. Нет, очень стоит.

Лыняев. Да за что же?

Глафира. За спокойствие, разве этого мало? Проведя вечер с вами, можно уснуть без всяких волнений, сном праведника. Я еще никого не любила, Михайло Борисыч; но ведь эта пора придет; а я в таких летах, что каждую минуту должна ждать любовной горячки.

Лыняев. Значит, вы так же, как и все. А я думал, что вы...

Глафира. Что? Что я не способна любить? Таких девушек не бывает, Михайло Борисыч.

Лыняев. Так вы боитесь полюбить?

Глафира. Как же не бояться? Любовь мне ничего не принесет, кроме страданий. Я девушка со вкусом и могу полюбить только порядочного человека; а порядочные люди ищут богатых. Вот отчего я прячусь и убегаю от общества — я боюсь полюбить. Вы не смотрите, что я скромна, тихие воды глубоки, и я чувствую, что если полюблю...

Лыняев. Ой, страшно! не говорите, пожалуйста, не продолжайте.

Глафира. Но с вами я ничего не боюсь.

Лыняев. Не боитесь?

Глафира. Нисколько: вы меня увлекать не станете, да и увлечься вами нет никакой возможности.

Лыняев *(обидевшись)*. Но почему же вы так думаете?

Глафира. Ну, полноте, какой вы любовник! Вы не обижайтесь, Михайло Борисыч! Вы очень хороший человек, вас все уважают; но любить вас невозможно. Вы уж и в летах, и ожирели, и, вероятно, дома в теплом халате ходите и в колпаке, ну, одним словом, вы стали похожи на милого, доброго папашу.

Лыняев. Вы уж очень безжалостны ко мне... нет, я еще...

Глафира. Нет, нет, не обманывайте себя — откажитесь от побед, Михайло Борисыч! Ха-ха-ха! *(Хохочет.)*

Лыняев. Да чему же вы смеетесь, помилуйте!

Глафира. Извините, пожалуйста! Мне сейчас смешная мысль в голову пришла. Ну, если вы в меня влюбитесь и будете рассыпаться в нежностях передо мной, ведь, при всем уважении к вам, не выдержишь, расхохочешься.

Лыняев. Однако какие вам мысли-то в голову приходят игривые.

Глафира. Так, дурачусь. Вам странно, что я развеселилась? Недолго мне.

Лыняев. Отчего ж недолго?

Глафира. В монастырь собираюсь на днях.

Лыняев. Нет, вы шутите?

Глафира. Не шучу. Прощайте! Не поминайте лихом! В самом деле, не сердитесь на меня за мои шутки! мне хочется оставить добрую память по себе.

Лыняев. Оставить добрую память вы очень можете.

Глафира. Каким образом?

Лыняев. Окажите мне маленькую услугу!

Глафира. С особенным удовольствием.

Лыняев. Почему ж с особенным?

Глафира. Так, вы очень милый человек.

Лыняев. Мне нужно хорошего писца на некоторое время.

Глафира. Не могу. Хоть и хорошо пишу, а в писцы к вам не пойду.

Лыняев. Вы не поняли или не хотите понимать.

Глафира. Вот если б я была мужчиной; а то, помилуйте, что подумают, милый Михайло Борисыч! А впрочем...

Лыняев. Да нет же! У Меропы Давыдовны занимается письмоводством Чугунов, я его руку знаю, но иногда попадаются от нее бумаги, написанные отличным почерком.

Глафира. Так вам нужно точно такого писца?

Лыняев. Мне нужно знать, кто это пишет.

Глафира. Спросите у Чугунова.

Лыняев. Не скажет.

Глафира. Тут у вас что-то не просто!

Лыняев. Да вы знаете?

Глафира. Может быть, знаю больше, чем вы думаете.

Лыняев. Так скажите!

Глафира. Нельзя.

Лыняев. Почему?

Глафира. Потому что он мой любовник.

Лыняев. Час от часу не легче.

Глафира. Я немного сильно выразилась. Он действительно влюблен в меня и пишет мне стихами письма чуть не каждый день. Такой милый,— ответа не требует, а только изливает свои чувства передо мной.

Лыняев. Но кто же он, скажите.

Глафира. Он вам очень нужен?

Лыняев. Очень.

Глафира. Я не только могу его назвать вам; но через десять минут привести его сюда и отрекомендовать.

Лыняев *(потирая руки от радости)*. Что вы? Неужели?

Глафира. Только даром этого не сделаю.

Лыняев. Требуйте от меня, что вам угодно, чего только вам угодно.

Глафира. Я попрошу небольшого.

Лыняев. Все, все, что хотите.

Глафира. Притворитесь влюбленным в меня и целый вечер сегодня ухаживайте за мной.

Лыняев. А вы будете смеяться?

Глафира. Вероятно, если это будет смешно.

Лыняев. Ну уж, один вечер куда ни шло! Хоть и тяжеленько, да, нечего делать, сам обещал. Так вы когда же мне его покажете?

Глафира. Хоть сейчас. Я видела, как он прошел на гуляньe, я пойду и приведу его сюда. Подождите меня здесь! Вот и Евлампия Николаевна. *(Уходит.)*

Входят Купавина и Анфуса

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лыняев, Купавина, Анфуса.

Лыняев. Что же вы так скоро?

Купавина. И хотелось еще погулять, да скрываюсь от преследований.

Лыняев. Вот я вам говорил, что там пьяные; кто же вас преследует?

Купавина. Наш общий знакомый, Мурзавецкий. Проводите меня до дому.

Лыняев. Анфуса Тихоновна, будьте так добры, подождите здесь Глафиру Алексеевну и, когда она воротится, скажите ей, что я сейчас приду.

Купавина. Да не пускайте Мурзавецкого в сад, скажите, что меня дома нет, что я уехала.

Анфуса. Хорошо уж... я уж...

Лыняев. Да что с ним церемониться, просто гнать этого милого мальчика прочь.

Купавина. Ах нет, нельзя! С ним надо как можно осторожнее. Он скажет Меропе Давыдовне, тогда мы большую беду наживем. Поделикатнее как-нибудь, а то она меня съест.

Уходят Купавина и Лыняев. Анфуса садится на скамейку. Входит Мурзавецкий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анфуса, Мурзавецкий.

Мурзавецкий *(свищет)*. Тамерлан, Тамерлан, ici! Эко животное! Повешу, кончено, нет, брат, повешу,— кончено. Пардон, медам! Где же они? *(Осматриваясь.)* А вон! Кажется, обе тут. Так что-то как будто в глазах застилает, мелькает что-то: то одна, то две... нет, две, две... ну конечно, две. *(Раскланиваясь издали.)* Честь имею.

Анфуса *(отворачиваясь)*. Ну уж... не надо уж...

Мурзавецкий. Нет, позвольте, Евлампия Николаевна!

Анфуса. Да какая... где уж она?..

Мурзавецкий. Нет, Евлампия Николаевна, нет, она здесь, в груди моей; пароль донёр. *(Вздыхает.)* Таких страданий, таких страданий...

Анфуса. Ну уж... довольно уж...

Мурзавецкий. Я с вами согласен, но если нет сил, что же мне делать, я вас спрашиваю! Влюблен, ну и... ну и кончено.

Анфуса. Ах, право уж... ну что?

Мурзавецкий. Не хотите, не хотите отвечать? А я вот тут... у вас... у ног... могу умереть. Отвечайте, отвечайте, мон анж![1] Ну, ен мо![2]

Анфуса. Да что уж... ну тебя!

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, оставьте, я вас прошу, я не с вами.

Анфуса. Не со мной уж... так, ну, с кем?

Мурзавецкий. С кем! Это странно. Ха-ха-ха! Это странно! Вы думали, с вами?

Анфуса. Да уж... никого тут больше-то... что еще?

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, тезеву![3] Евлампия Николаевна, бывают в жизни минуты... Что я! Одна минута, когда человек...

Анфуса. Ах уж... что мне с ним?..

Мурзавецкий. Вы молчите, за вас отвечают,— для благородной души моей это... это, я вам скажу... *(Вздыхает.)* Тяжело.

Анфуса. Да откуда ж она... коли нет?

[1] мой ангел! (от *франц.* mon ange!)
[2] одно слово! (от *франц.* un mot!)
[3] замолчите! (от *франц.* taisez-vous!)

Мурзавецкий *(подходя)*. Чего нет? Как нет?

Анфуса. Да уж так вот...

Мурзавецкий *(осматривая Анфусу и скамейку)*. Да где ж она?

Анфуса. Коли нет... где ж мне!..

Мурзавецкий *(ударив себя по лбу)*. Боже мой! Боже мой!

Анфуса. Ну уж... чего еще?

Мурзавецкий. Однако какой обман!

Анфуса. Кому уж... нужно.

Мурзавецкий. Так что же это, что же? Обман чувств, игра воображения?

Входит Лыняев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мурзавецкий, Анфуса, Лыняев.

Мурзавецкий. Но нет, я шутить над собою не позволю, дудки!

Анфуса *(увидав Лыняева)*. Ах вы уж... ну вот... уж сами... *(Идет в сад.)*

Мурзавецкий. Я еду, еду, не свищу, а наеду — не спущу.

Анфуса. Ну, мели уж... на просторе! *(Уходит.)*

Мурзавецкий. Но я, нет, я пойду.

Лыняев. Куда?

Мурзавецкий. К ней.

Лыняев. Увы!

Мурзавецкий. Что «увы»? Что такое, милостивый государь, «увы»?

Лыняев. Нельзя, не велено вас принимать.

Мурзавецкий. Меня не велено? О! Я вот посмотрю. *(Хочет идти в сад.)*

Лыняев *(загораживая калитку)*. Послушайте! Я вам вот что по-дружески посоветую; поезжайте домой, а то нехорошо.

Мурзавецкий. Что такое «нехорошо»? Позвольте вас... Позвольте вас спросить.

Лыняев *(таинственно)*. В саду поставлены люди, и, как вы войдете, так *(показывает знаком)*, понимаете?

Мурзавецкий. Что, что?

Лыняев. Я не виноват, Евлампии Николаевне было угодно так распорядиться.

Мурзавецкий. Меня ведь не испугаешь; ну, да я, пожалуй, и не пойду, не надо. Я, знаете ли, хотел мое дело с ней миром; а теперь нет, шалишь, морген фри!

Лыняев. Что вам за охота миром?

Мурзавецкий. Да ведь жаль, черт возьми, пятьдесят тысяч должна.

Лыняев. Хорошие деньги.

Мурзавецкий. Да я не хотел брать, зачем! Я просто, моншер[1], хотел сан фасон[2], предложить руку, чтобы, компрене ву[3], соединить капиталы. У меня ничего... то есть нет, что я! У меня состояние, у нее состояние, какие тут иски да взыски.

Лыняев. Хорошо бы, только она за вас не пойдет.

Мурзавецкий. Ну, так уж не взыщи, не помилую. Ах, моншер, что я с ней сделаю! Ограблю, начисто ограблю.

Лыняев. Пятьдесят тысяч потребуете?

Мурзавецкий. Нет, уж тут не пятьюдесятью пахнет. Полтораста! Усадьба эта моя будет, через неделю моя.

Лыняев. Вот и хорошо, соседи будем. *(Жмет руку Мурзавецкого.)* Прошу любить да жаловать. А теперь вам пора домой! Вот это не ваш ли экипаж? Вероятно, Меропа Давыдовна за вами прислала.

Мурзавецкий. Да, она ждет; я обещал решительный ответ привезти.

Лыняев. Уж чего же решительнее!

Мурзавецкий. А ведь жаль мадам Купавину, плакать будет. Оревуар![4] *(Уходит.)*

Слышен свист и голос: «Тамерлан, иси!» С противоположной стороны входят Глафира и Горецкий.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лыняев, Глафира, Горецкий.

Глафира. Вот, рекомендую: Горецкий, Клавдии. *(Горецкому.)* А это Михайло Борисыч Лыняев, наш сосед, помещик.

[1] мой дорогой (от *франц.* mon cher).
[2] без церемоний (от *франц.* sans façon).
[3] понимаете (от *франц.* comprenez-vous).
[4] До свидания! (от *франц.* au revoir).

Горецкий (*снимая фуражку*). Я их знаю-с.

Лыняев. Наденьте, пожалуйста!

Горецкий. Ничего-с. Глафира Алексеевна, позвольте для вас какую-нибудь подлость сделать!

Лыняев. Вот странная просьба.

Горецкий. Ничего не странная-с. Чем же я могу доказать? Нет, уж вы не мешайте. Глафира Алексеевна, хотите, весь этот забор изломаю.

Глафира. Нет, зачем.

Горецкий. Как бы я для вас прибил кого-нибудь, вот бы трепку задал веселую.

Лыняев. Да ведь за это судить будут.

Горецкий. А пущай их судят.

Лыняев. Да ведь посадят.

Горецкий. А посадят, так сидеть будем. Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!

Глафира. Я уж, право, не знаю, что вам приказать.

Лыняев. Да зачем непременно подлость? Попросите его правду сказать.

Глафира. Ну, вот я попрошу вас мне правду сказать, вы скажете?

Горецкий. Какую правду-с?

Глафира. А вот какую мы спросим.

Горецкий. Извольте-с, все, что угодно-с.

Лыняев. А если секрет?

Горецкий. Да хотя бы рассекрет. У меня своих секретов нет, а если какой чужой, так что мне за надобность беречь его. Я для Глафиры Алексеевны все на свете...

Лыняев (*подавая Глафире письмо*). Спросите, кто это писал!

Глафира (*показывая письмо Горецкому*). Скажите, кто это писал?

Горецкий. Ах! Спросите что-нибудь другое!

Лыняев. А говорили, что все на свете.

Горецкий. Да мне что ж, пожалуй; только за это деньги заплочены.

Лыняев. Сколько?

Горецкий. Десять рублей.

Лыняев. А если я дам пятнадцать?

Горецкий. А если дадите, скажу.

Лыняев. Так вот, возьмите! (*Дает деньги.*)

Горецкий (*берет деньги*). Покорно благодарю-с. (*Кладет деньги в разные карманы.*) Десять назад отдам, скажу, мало дали. Это я писал-с.

Лыняев. Вы? Ну так вы мне очень нужны будете. У вас есть свободное время?

Горецкий. Да у меня всегда свободное время-с.

Лыняев. Хотите ехать ко мне сегодня же? Я вам и заплачу хорошо, и стол у меня хороший, и вино, какое вам угодно.

Горецкий. С удовольствием-с. Что ж, Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!

Глафира. Да ведь уж вы сделали.

Горецкий. Велика ли это подлость! Да и за деньги.

Лыняев. Извините за нескромный вопрос. Вы знали когда-нибудь разницу между хорошим делом и дурным?

Горецкий. Как вам сказать-с. Нет, хорошенько-то не знаю.

Лыняев. Так и не знаете?

Горецкий. Ведь это философия; так нам где же знать.

Лыняев. Отчего же?

Горецкий. Семейство очень велико было.

Лыняев. Так что же?

Горецкий. С шести лет надо было в дом что-нибудь тащить, голодных ребят кормить.

Лыняев. Вас не учили?

Горецкий. Как не учить! Ведь учить у нас значит бить, так учили и дома и посторонние, кому не лень было. Особенно пьяные приказные по улицам, бывало так и ловят мальчишек за вихры, это для них первое удовольствие.

Лыняев. Вы говорили, что вас большая семья была, куда ж все делись?

Горецкий. Все в люди вышли: один брат ученый, в фершела вышел, да далеко угнали, на Аландские острова, один был в аптеке в мальчиках, да выучился по-немецки, так теперь в кондукторах до немецкой границы ездит, один в Москве у живописца краски трет, которые в писарях у становых да у квартальных, двое в суфлерах ходят по городам; один на телеграфе где-то за Саратовом; а то один в Ростове-на-Дону под грече-

ской фамилией табаком торгует; я вот в землемеры вышел. Да много нас, всякого звания есть.

Лыняев. Вас любопытно послушать. Вы уж прямо ко мне отсюда. Я вас с собой возьму.

Горецкий. Хорошо-с. Я вас в конторе подожду. До свидания, Глафира Алексеевна! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лыняев, Глафира.

Глафира. Ну, довольны вы?

Лыняев. Не могу выразить, как я вам благодарен. Я так рад, что готов прыгать и плясать, как ребенок.

Глафира. Ребенком быть нехорошо, будьте лучше юношей.

Лыняев. Как же это?

Глафира. Сдержите свое слово!

Лыняев. Какое?

Глафира. А любезничать со мной.

Лыняев. Неловок я, Глафира Алексеевна, что вам за радость, чтоб я, в мои лета, шута разыгрывал!

Глафира. Ну хоть немного, слегка.

Лыняев. Ну как же любезничать? Прикажете хвалить ваши глазки?

Глафира. Нет, это глупо.

Лыняев. Или по-русски, как парни с девками любезничают, те очень просто, без церемонии.

Глафира. А это уж слишком. Впрочем, все-таки лучше, чем говорить пошлости. Эко горе ваше! Любезничать не умеете, а любезничать надо. Ну, да не беспокойтесь, я вам помогу. Закутайтесь пледом, заткните уши ватой, а то сыро стало! Вот так. *(Одевает Лыняева пледом.)*

Лыняев. Благодарю вас.

Глафира. Теперь скажите: неужели вы в жизни не любили никого?

Лыняев. Как не любить.

Глафира. Вы говорили что-нибудь с предметом вашей страсти?

Лыняев. Много говорил, но я тогда был молод.

Глафира. Ну, так вспомните теперь, что вы говорили.

Лыняев. Это нетрудно. Я говорил одной блондинке, что наши души, еще до появления на земле, были родные, что они носились вместе по необъятной вселенной, порхали, как бабочки, в лучах месяца.

Глафира. Ну, а другой что вы говорили?

Лыняев. А другой, брюнетке, я говорил, что найму ей великолепную дачу, куплю пару вороных рысаков.

Глафира. Это вот хорошо, мне этот разговор больше нравится. Вот и продолжайте в этом духе.

Лыняев. Я обещал ей горы золотые, говорил, что не могу жить без нее, хотел застрелиться, утопиться.

Глафира. А она что ж?

Лыняев. А она говорила: «Зачем вам стреляться или топиться? Женитесь, вот и не об чем вам больше беспокоиться». Нет, говорю, мой ангел, это для меня хуже, чем утопиться. «Ну, так, говорит, утопитесь, потому что я огорчать мамашу и родных своих не хочу».

Глафира. Да она была бедная девушка?

Лыняев. Бедная.

Глафира. Так глупа.

Лыняев. А вы что ж бы сделали на ее месте?

Глафира. Я бы вам противоречить ни в чем не стала, я бы взяла и дачу, и рысаков, и деньги, и все-таки вы бы женились на мне.

Лыняев. Но это невозможно, я так тверд в своем решении.

Глафира. Нет, очень просто.

Лыняев. Но каким же образом, скажите, объясните мне!

Глафира. Сядемте!

Садятся на скамью.

Ну, представьте себе, что вы меня любите немножко, хоть так же, как ту брюнетку! Иначе, конечно, невозможно ничего. *(Садится с ногами на лавку и прилегает к Лыняеву.)*

Лыняев. Позвольте, что же это вы?

Глафира *(отодвигаясь)*. Ах, извините!

Лыняев. Нет, ничего. Я только хотел спросить вас. Что это, вы в роль входите или потому, что меня за мужчину не считаете?

Глафира. Я озябла немного.

Лыняев. Так сделайте одолжение, не беспокойтесь, если это вам приятно.

Глафира *(опять прилегая к Лыняеву)*. Итак, вы меня любите, мы живем душа в душу. Я олицетворенная кротость и покорность, я не только исполняю, но предупреждаю ваши желания, а между тем понемногу забираю в руки вас и все ваше хозяйство, узнаю малейшие ваши привычки и капризы и, наконец, в короткое время делаюсь для вас совершенной необходимостью, так что вы без меня шагу ступить не можете.

Лыняев. Да, я допускаю, это возможно.

Глафира. Вот в одно прекрасное утро я говорю вам: «Папаша, я чувствую потребность помолиться, отпусти меня деньков на три на богомолье!» Вы, разумеется, сначала заупрямитесь, я покоряюсь вам безропотно. Потом изредка робко повторяю свою просьбу и смотрю на вас несколько дней сряду умоляющим взором; вы все, день за день, откладываете и наконец отпускаете. Без меня начинается в доме ералаш: то не так, другое не по вас; то кофей горек, то обед опоздал; то у вас в кабинете не убрано, а если убрано, так на столе бумаги и книги не на том месте, где им нужно. Вы начинаете выходить из себя, часто вздыхать, то бегать по комнате, то останавливаться, разводить руками, говорить с собой, начинаете прислушиваться, не едут ли, часто выбегать на крыльцо: а я нарочно промедлю дня два, три. Наконец уж вам не сидится, вы теряете терпение и начинаете ходить по дороге версты за две от дому. Вот я еду. Сколько радости! Опять тихая, спокойная жизнь для вас; в ваших глазах только счастие и бесконечная нежность.

Лыняев *(со вздохом)*. Ну и чего ж еще, и чего ж еще!

Глафира. Но вот однажды, когда ваша нежность уж не знает пределов, я говорю вам со слезами: «Милый папаша, мне стыдно своих родных, своих знакомых, мне стыдно людям в глаза глядеть. Я должна прятаться от всех, заживо похоронить себя, а я еще молода, мне жить хочется...»

Лыняев. Да... ах, в самом деле.

Глафира. Прощай, милый папаша! Не нужно мне никаких твоих сокровищ.

Лыняев. Ах, черт возьми, как это скверно.

Глафира. Я выхожу замуж.

Лыняев. За кого?

Глафира. Ну, хоть за Горецкого.

Лыняев. Отличная партия!

Глафира. Да, он беден; но я все-таки буду иметь хоть какое-нибудь положение в обществе. Да уж кончено, я решилась.

Лыняев. Но нельзя же так вдруг, ни с того ни с сего бросить человека! Надо было прежде думать и заранее предупредить.

Глафира. Я боялась, милый папаша. Разве ты не видишь, я худею, сохну день ото дня, я могу захворать серьезно, умереть.

Лыняев. Это бессовестно! Все это притворство!

Глафира. Если ты не веришь, как тебе угодно; я готова пожертвовать для тебя даже жизнию.

Лыняев. Ну вот то-то же!

Глафира. Что делать, у мужчин такие твердые характеры.

Лыняев. Все-таки я поставил на своем.

Глафира. Да, на своем. Где ж нам спорить с вами! Только в тот же день к вечеру я незаметно исчезаю, и никто не знает, то есть никто не скажет вам, куда. Проходит день, другой, вы рассылаете по всем дорогам гонцов, сыщиков, сами мечетесь туда и сюда; теряете сон, аппетит, сходите с ума. И вот за несколько минут до того, когда вам уж действительно нужно помешаться, вам объявляют по секрету, где я скрываюсь. Вы бросаетесь ко мне с подарками, с брильянтами, со слезами умоляете меня возвратиться,— я непреклонна. Вы плачете, я сама рыдаю! Я люблю вас, мне жаль с вами расстаться, но я неумолима. Наконец я говорю вам: «Милый папаша, ты любишь холостую жизнь, ты не можешь жить иначе — сделаем вот что! Обвенчаемся потихоньку, так что никто не будет знать, ты опять будешь вести холостую жизнь, все пойдет по-прежнему, ничего не изменится, только я буду покойна, не буду страдать». Вы, после недолгого колебания, соглашаетесь.

Лыняев. Да, очень может быть, очень может быть; действительно, это возможно. Но я все-таки поставил по-своему.

Глафира. Да, по-своему. Но на другой же день откуда у меня эта светскость возьмется, эта лень, эта ме-

дленность в движениях! Откуда возьмутся эти роскошные туалеты.

Лыняев. Да, вот что!

Глафира. Оттопырится нижняя губка, явится повелительный тон, величественный жест. Как мила и нежна я буду с посторонними и как строга с вами. Как счастливы вы будете, когда дождетесь от меня милостивого слова. Уж не буду я суетиться и бегать для вас, и не будете вы пашей; а просто Мишель. *(Говорит лениво.)* «Мишель, сбегай, я забыла в саду на скамейке мой платок!» И вы побежите. Это вот один способ заставить жениться; он хотя старый, но верный; а то есть еще и другие.

Лыняев. Да, но ведь так можно поймать человека только тогда, когда он любит.

Глафира. Разумеется. Вы в совершенной безопасности, потому что никого не любите.

Лыняев. Я в безопасности и очень этому рад. Но уж если бы мне пришлось полюбить кого-нибудь, то я полюбил бы вас. *(Целует руку Глафиры.)*

Глафира. Это что такое? Это зачем?

Лыняев. Так.

Глафира. Если просто «так», то обидно. На вас нежность нашла, ну, а благо, я тут близко, так и вы берегитесь прямо за меня руками.

Лыняев. Да нет. Ведь вы сами хотели, чтоб я любезничал с вами.

Глафира. Ах, я и забыла. Ну, так целуйте, пожалуй.

Лыняев. Да и поцелую. *(Целует другую руку.)*

Глафира. Вы, видно, тоже начинаете входить во вкус вашей роли.

Лыняев. Я давеча боялся чего-то; а теперь так нахожу, что это очень приятная шутка.

Глафира *(со вздохом)*. Да, да, к сожалению, только шутка.

Входит Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лыняев, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Ужинать уж... ждут... что ночью-то!.. сыро... прислали уж... меня.

Глафира *(Лыняеву)*. Пойдемте!

Лыняев. Я сейчас за вами.

Глафира и Анфуса уходят.

А какая она хорошенькая, какая милая, умная! Ведь вот долго ли! Посидишь этак вечера два с ней и начнешь подумывать; а там только поооплошай, и запрягут. Хорошо еще, что она в монастырь-то идет; а то бы и от нее надо было бегать. Нет, поскорей поужинать у них да домой, от греха подальше, только она меня и видела. А после хоть и увижусь с ней, так только «здравствуйте!» да «прощайте!». Хороша ты, Глафира Алексеевна, а свобода и покой и холостая жизнь моя лучше тебя.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лица

Купавина.
Глафира.
Анфуса.
Лыняев.
Василий Иванович Беркутов, помещик, сосед Купавиной; представительный мужчина средних лет, с лысинкой, но очень живой и ловкий.
Горецкий.
Лакей Купавиной.

Комната в азиатском вкусе в доме Купавиной с одним выходом на террасу; стеклянная растворенная дверь с портьерами, по сторонам двери два больших окна, закрытые драпировками; по стенам и под окнами мягкие диваны. За балюстрадой террасы виден сад и за ним живописная сельская местность.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Купавина, Глафира, потом лакей.

Купавина. Кажется, у тебя с Лыняевым дело подвигается.

Глафира. Ах, это только кажется.

Купавина. Он вчера был так любезен с тобой.

Глафира. По заказу, — это была шутка.

Купавина. Ты теряешь надежду, бедная?

Глафира. Ну, не совсем. Надо еще раз увидать его, тогда я буду знать наверно, можно на него рассчитывать или нет.

Купавина. А вот сегодня увидишь. Мне Горецкий принес письмо от него; он приедет, и угадай, с кем?

Глафира. Что угадывать-то, по глазам видно, что жениха дожидаешься.

Купавина. Да, осчастливил нас Василий Иваныч Беркутов, прибыл из Петербурга.

Глафира. Когда они приедут?

Купавина. Конечно, вечером. Надо приодеться для такого дорогого гостя.

Глафира. Но до вечера Меропа Давыдовна может прислать за мной лошадей.

Купавина. Лошади и подождут.

Глафира. Рассердится.

Купавина. Посердится, да и помилует.

Глафира. Не скоро, на это она нетороплива.

Входит лакей.

Лакей *(подавая письмо Купавиной)*. Меропа Давыдовна тарантас прислали и письмо приказали вам отдать.

Купавина распечатывает и читает письмо про себя.

Глафира. Ну, так я и знала! Это несчастие! опять черное платье, опять притворство и постничанье.

Купавина *(лакею)*. Вукол Наумыч в усадьбе?

Лакей. Никак нет-с, они в городе.

Купавина *(с беспокойством)*. Что ж мне делать? Это так неожиданно... Я совершенно теряюсь.

Глафира. Что с тобой?

Купавина. А вот послушай, что Меропа Давыдовна пишет! *(Лакею.)* Ступай, скажи, чтоб кучер подождал.

Лакей уходит.

Глафира. Читай! читай!

Купавина *(читает)*. «Милостивая государыня, Евлампия Николаевна!»

Глафира. Что-то строго начинается.

Купавина. Нет, ты послушай, что дальше-то!

(Читает.) «Вам вчера не угодно было принять моего племянника. Если б вы были дома одни или вели очень скромную жизнь, я б ничего не сказала, а то у вас были люди, которые ничем его не лучше. Он такой же дворянин, как и Лыняев, и, уж верно, не глупее его. Или вы сделали это не подумавши, или вас научил какой-нибудь умный человек. Если уж вы забыли все мои одолжения и милости к вам, так должны были помнить, что за обиду я никогда в долгу не остаюсь. Вы так развлеклись или увлеклись, что забыли, что у вас с Аполлоном есть тяжба. Мы, по простоте и по доброте своей, думали пожалеть вас, подобно как малого беззащитного ребенка, и хотели кончить все дело миром, истинно по-христиански, в любви и согласии. Но коль скоро вы сами отворачиваетесь от нас и презираете благодетелей, то уж не гневайтесь на нас. Взыскание с вас очень большой суммы, чего и все ваше имение не стоит, я произведу со всею строгостию и жалеть вас и плакать о вас не буду. Бывшая ваша благодетельница, Меропа Мурзавецкая». Как тебе это покажется?

Глафира. Не пугает ли она тебя?

Купавина. Вот сюрприз! Я не знаю, что и отвечать. Надо подождать этих господ, посоветуюсь с ними. Вот тебе поневоле приходится остаться.

Входит Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Купавина, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Уж приехали ведь... что ж вы!

Купавина. Неужели они?

Анфуса. Да кому ж?..

Купавина. Так я пойду оденусь.

Анфуса. Само собой уж... нешто хорошо!.. Почитай, нужой...

Купавина. Попросите их подождать.

Анфуса. Да вот уж... сюда... из саду...

Купавина *(Глафире)*. Пойдем.

Уходят Глафира и Купавина.

Анфуса. Чтоб раньше-то!.. Говорила уж...

Входят Лыняев и Беркутов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфуса, Лыняев, Беркутов.

Лыняев. Вот, Анфуса Тихоновна, рекомендую вам друга. Василий Иваныч Беркутов.

Анфуса. Уж знаю... давно ведь.

Беркутов. Как ваше здоровье, почтенная Анфуса Тихоновна?

Анфуса. Ничего... так... голова иногда. Обождать уж... хоть здесь... просила... сейчас, мол...

Лыняев. Не беспокойтесь, Анфуса Тихоновна, мы подождем.

Анфуса. Ну то-то! Не долго, чай... что ей там. Не взыщите! *(Уходит.)*

Лыняев. Вот она сама тебе расскажет, как выманили у нее тысячу рублей.

Беркутов. Не горячись, пожалуйста, не горячись!

Лыняев. Как не горячись? Не могу не горячиться; ведь это подлог, понимаешь ты, подлог.

Беркутов. Успокойся! Никакого подлога нет.

Лыняев. Да Горецкий признался. Чего ж тебе! Жаль, я проспал и не успел еще расспросить его хорошенько сегодня утром, потом ты приехал и утащил его у меня.

Беркутов. Я долго говорил с Горецким и в город с ним сдил. Он тебя обманул. Ему понадобились деньги, он и сказал напраслину на себя. Хорош и ты, поверил Горецкому.

Лыняев. Что ни говори, а это дело не чисто.

Беркутов. По-моему, в вашем обществе Меропа Давыдовна должна стоять выше подозрений. Хорошо общество, где все смотрят друг на друга, как на разбойников.

Лыняев. От Меропы всего ждать можно.

Беркутов. Провинциалы любят уголовщину, уж это известно. Вам скучно без скандалов, подкапываетесь друг под друга; больше вам делать-то нечего.

Лыняев. Да ведь грабят Евлампию Николаевну.

Беркутов. Ну, как хочешь, а пока я здесь, ты в ее дела не путайся, пожалуйста, я тебя прошу. Поищи себе другое занятие!

Лыняев. По-твоему, и Чугунов хороший человек?

Беркутов. А что ж Чугунов? Подьячий как подьячий. — разумеется, пальца в рот не клади. Ведь вы, горячие юристы, все больше насчет высших взглядов, а, глядишь, простого прошения написать не умеете. А Чугуновы — старого закала, свод законов на память знают; вот они и нужны.

Лыняев. Хорошо тебе — ты приедешь ненадолго; а каково жить с этим народом! Попробовал бы ты.

Беркутов. Кто умеет жить, тот везде уживется. А кто ребячится, как ты, тому везде трудно. Я уживусь.

Лыняев. Посмотрим. Значит, ты к нам надолго?

Беркутов. Нет. После, может быть, и совсем здесь поселюсь; а теперь мне некогда, у меня большое дело в Петербурге. Я приехал только жениться.

Лыняев. На ком?

Беркутов. На Евлампии Николаевне.

Лыняев. У вас разве уж кончено?

Беркутов. Еще не начиналось.

Лыняев. Еще не начиналось, а ты уж так уверенно говоришь?

Беркутов. Да никаких причин не вижу сомневаться. Ох, брат, уж я давно поглядываю.

Лыняев. На Евлампию Николаевну?

Беркутов. Нет, на это имение, ну и на Евлампию Николаевну, разумеется. Сколько удобств, сколько доходных статей, какая красивая местность. *(Указывая в дверь.)* Погляди, ведь это роскошь. А вон, налево-то, у речки, что за уголок прелестный! Как будто сама природа создала.

Лыняев. Для швейцарской хижинки.

Беркутов. Нет, для винокуренного завода. Признаюсь тебе, грешный человек, я уж давно подумывал. Купавин — старик старый, не нынче-завтра умрет, останется отличное имение, хорошенькая вдова... Я уж поработал-таки на своем веку, думаю об отдыхе, а чего ж лучше для отдыха, как такая усадьба, красивая жена, какая-нибудь почетная должность...

Лыняев. Мы тебя в предводители.

Беркутов. Мы! А много ль вас-то? Вы тут ссоритесь, на десять партий разбились. Ну вот я пристану к вам, так ваша партия будет посильнее. Знаешь, что я замечаю? Твое вольнодумство начинает выдыхаться; вы, провинциалы, мало читаете. Вышло много новых книг и брошюрок по твоей части; я с собой привез довольно.

Коли хочешь, подарю тебе. Погляди книжки две, так тебе разговору-то лет на пять хватит.

Лыняев. Вот спасибо. Значит, у тебя за малым дело стало, только жениться.

Беркутов. Да, жениться, мой друг, жениться поскорей. Имение я знаю как свои пять пальцев, порядки в нем заведены отличные; надо торопиться, чтоб не успели запустить хозяйство. Умен был старик Купавин.

Лыняев. Под старость, кажется, немножко рехнулся.

Беркутов. Почему ты думаешь?

Лыняев. Лесу накупил тысяч на сто.

Беркутов. Эка умница! Вот спасибо ему!

Лыняев. Зато чистых денег Евлампии Николаевне оставил мало, она теперь нуждается.

Беркутов. И прекрасно сделал. Оставь он деньги, так их давно бы не было, а лес-то стоит да растет еще.

Лыняев. Да куда его девать? На лес у нас никакой цены нет.

Беркутов. Лес Купавиной стоит полмиллиона. Через десять дней вы услышите, что здесь пройдет железная дорога. Это из верных источников, только ты молчи пока.

Лыняев. Ай, ай! Ловко! А вот что! Я ведь тебе говорил, бланк-то она выдала Чугунову, бланк-то.

Беркутов. Могла скверная штука выйти.

Лыняев. Как «могла»?

Беркутов. Если б бланк попался в другие руки.

Лыняев. А Чугунов помилует, что ли?

Беркутов. У Чугунова, как у всех старых плутов, душа коротка, да и потребности ограниченны. Я справлялся: он тут пустошь торгует,— три тысячи просят. Вероятно, он этим и удовольствуется.

Лыняев. Значит, препятствий нет, и ты женишься. Но любопытно, как ты это устроишь.

Беркутов. Ну, как — я еще не знаю; глядя по обстоятельствам: только, во всяком случае, это будет! Женщины любят думать, что они свободны и могут располагать собой, как им хочется. А на деле-то они никак и никогда не располагают собой; а располагают ими ловкие люди.

Входит Купавина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лыняев, Беркутов, Купавина.

Купавина. Извините, господа!

Лыняев. Нас извините, что мы не вовремя.

Беркутов *(целуя руку Купавиной)*. Моя торопливость простительна, я так давно не видал вас... Нетерпение мое было так велико...

Купавина *(с улыбкой)*. Что, если б крылья...

Беркутов. Я бы прилетел еще раньше.

Лыняев. Ну, для амура ты уж немножко тяжел стал.

Купавина. Да уж и стрелы, я думаю, поистратили.

Лыняев. Нет, он еще приберег для случая.

Купавина. Уж разве немного, и то не очень острые.

Беркутов. Зато я стал бережливее и не раскидываю их понапрасну.

Купавина. А стреляете только наверное?

Беркутов. По крайней мере, не трачу даром, и то хорошо.

Лыняев. Не позволите ли вы мне погулять по саду? А то, если я после обеда долго в комнате...

Купавина. Так сон клонит?

Лыняев. Угадали.

Купавина. Сделайте одолжение, поступайте, как вам угодно.

Лыняев *(уходя)*. Чей это экипаж у вас на дворе?

Купавина. Мурзавецкая прислала за Глафирой Алексеевной.

Лыняев. Так она уезжает?

Купавина. А вам жаль?

Лыняев. Не скажу, чтоб очень. А скоро уезжает?

Купавина. Сейчас.

Лыняев. Счастливый путь, скатертью ей дорожка! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Купавина, Беркутов, потом лакей.

Купавина. Надолго вы к нам?

Беркутов. Нет, к несчастию, на короткое время, я приехал по делу.

Купавина. По делу?

Беркутов. Я бы мог обмануть вас, сказать, что приехал, собственно, затем, чтоб увидать вас, чтоб полюбоваться на вас; но, во-первых, вы этому не поверите...

Купавина. А может быть, и поверю.

Беркутов. Ну, так я не хочу вас обманывать. После двух лет разлуки как я смею рассчитывать, что мои нежности будут вам приятны. Вы могли перемениться, да, вероятно, и переменились. Вы теперь женщина богатая и свободная, ухаживать за вами не совсем честно; да и вы на каждого вздыхателя должны смотреть, как на врага, который хочет отнять у вас и то и другое, то есть и богатство и свободу. Прежде — другое дело: вы были в зависимом положении, да и оба мы были помоложе. *(Со вздохом.)* Ах, какое хорошее время было!

Купавина. Так вы совершенно отказываетесь ухаживать за мной?

Беркутов. Совершенно. А вам хотелось помучить меня, позабавиться? Не запирайтесь! Уж я вижу по глазам вашим. Ну, бог с вами. Поберегите кокетство для других обожателей: у вас будет много. Побеседуем, как деловые люди! Я приехал продать усадьбу.

Купавина. Что вам вздумалось? Родовое имение...

Беркутов. Так что ж, что родовое? Доходов очень мало, нет выгоды иметь его, чистые деньги мне больше дадут.

Купавина. И вас ничто не привязывает к месту вашего рождения, вам ничего не жаль здесь?

Беркутов. Может быть, и жаль, да расчету нет.

Купавина. Все расчеты, расчеты и нисколько сердца.

Беркутов. Остывает оно с годами-то, Евлампия Николаевна. Купите у меня имение!

Купавина. У меня денег нет, да я и плохая хозяйка.

Беркутов. Вы скромничаете. У вас все так хорошо, все в таком цветущем виде, везде порядок, чистота.

Купавина. Чистота дело женское и очень немудреное; а как идет хозяйство у меня, я не имею и понятия. Бывают дела, которые выше моего соображения; я должна доверяться посторонним людям и, конечно, могу быть обманута.

Беркутов. Что же, например?

Купавина. Да вот и теперь есть у меня дело, которое меня очень беспокоит.

Беркутов. Если не секрет, скажите.

Купавина. Нимало не секрет, я даже хотела посоветоваться с вами и просить вашей помощи.

Беркутов. Всей душой рад помочь вам, если только время позволит. В чем дело?

Купавина. Рассказывать долго, а вот лучше прочтите письмо. *(Подает письмо Мурзавецкой.)*

Беркутов *(прочитав письмо, отдает его назад)*. Прочел-с.

Купавина. Что же вы скажете?

Беркутов. Надо узнать, как велика претензия, осмотреть документы.

Купавина. Я слышала, двадцать пять тысяч. А потом?

Беркутов. Потом поскорей заплатить деньги, чтоб не доводить до процесса. На всякий случай надо иметь тысяч тридцать. Есть у вас?

Купавина. Нет, у меня денег очень мало.

Беркутов. Это вот дурно.

Купавина. Вы меня пугаете.

Беркутов. Нисколько не пугаю; зачем мне вас пугать. Я только объясняю вам ваше положение.

Купавина. Какое же мое положение?

Беркутов. Незавидное. Вы очень богатая женщина, но эти тридцать тысяч так могут расстроить ваше состояние, что вам его никогда не поправить.

Купавина. Почему же?

Беркутов. Вы должны или заложить имение в банк...

Купавина. Вот и деньги!

Беркутов. Но тогда почти все доходы уйдут на проценты, и вам самим мало останется на прожитие.

Купавина. Так закладывать не надо.

Беркутов. В таком случае надо продать часть имения, лес, например. У вас есть тысячи полторы десятин лесу?

Купавина. Как полторы? Четыре тысячи.

Беркутов. В другом месте это огромное богатство, а здесь на лес цены низки: лесопромышленники дадут вам рублей по десяти за десятину, значит, надо про-

дать его почти весь. А без лесу имение стоит грош. Дадут и дороже десяти рублей, но с рассрочкой платежа, по вырубке, а вам нужны деньги сейчас. Вот какое ваше положение.

Купавина. Да, я теперь вижу.

Входит лакей.

Лакей. Василий Иваныч, вас межевой спрашивает. Говорит, что непременно нужно вас видеть.

Беркутов *(Купавиной)*. Позвольте мне в вашем присутствии сказать Горецкому десять слов, не более. Я посылаю его в Вологду межевать леса в моем имении.

Купавина. Сделайте одолжение. *(Лакею.)* Позови!

Лакей уходит.

Мы поговорить еще успеем.

Входит Горецкий.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беркутов, Купавина, Горецкий.

Беркутов *(Горецкому)*. Что вам угодно?

Горецкий. За мной дядя прислал, велит сейчас приезжать. Как прикажете?

Беркутов. Вы не знаете, зачем?

Горецкий. Говорят, дело есть.

Беркутов *(подумав)*. Поезжайте и делайте все, что вам прикажут. А между тем сбирайтесь; вы поедете завтра на пароходе в полдень. Утром вы мне будете нужны; постарайтесь меня увидать прежде, чем я буду у Меропы Давыдовны, выходите ко мне навстречу, на дорогу.

Горецкий. Хоть за пять верст, если прикажете.

Беркутов. Так далеко не нужно. Только постарайтесь, чтоб вас не заметили; вообще не будьте очень откровенны и не болтайте пустяков. Вы отдали пятнадцать рублей Михаилу Борисычу?

Горецкий. Сейчас в саду отдал-с. Денег мне не дадите?

Беркутов. Завтра утром пятьдесят рублей, а теперь ни гроша. Прощайте.

Горецкий кланяется, уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Беркутов, Купавина.

Беркутов. Виноват. С Горецким я кончил и весь к вашим услугам.

Купавина. Угодно вам продолжать наш разговор? Утешьте меня!

Беркутов. Очень рад, очень рад. Я удивляюсь, как вы до сих пор не сочлись с Мурзавецкой,— вы видитесь с ней часто. Надо было хорошенько разобрать дело, на слово никому верить не должно, и сойтись на какую-нибудь сделку, склонить ее на уступку, на рассрочку, чтоб расплатиться без затруднений и без хлопот. Вы, как видно, не успели привести в ясность ни имения вашего, ни доходов, ни обязательств, которые лежат на вашем имении. Вы скажете: «Я все пела». Прекрасно. С вас и требовать многого нельзя, вы неопытны, ваше положение новое для вас. Но неужели у вас, кроме продажного подьячего не было ни близких, ни знакомых, кто бы мог привести в порядок дела по вашему имению? Неужели вы ни в ком не видали участия к вам, не имели ни от кого доброго совета?

Купавина. Нет, имела.

Беркутов. Да что же?

Купавина. Да не послушала.

Беркутов. И даже не отвечали на письмо...

Купавина. Довольно странное, в котором...

Беркутов. Было все, что нужно для вас: дружеское участие и практические советы.

Купавина. Вы сердитесь на меня?

Беркутов *(с улыбкою)*. Нет.

Купавина. Так докажите, что не сердитесь, и помогите мне добрым советом!

Беркутов. Это моя обязанность. Но примете ли вы мой совет? Дайте мне слово, что вы меня послушаете.

Купавина. Связать себя словом, не зная...

Беркутов. Не бойтесь, мой совет бескорыстен, я имею в виду только вашу одну пользу.

Купавина. В таком случае я приму. Что ж вы мне посоветуете?

Беркутов. Выходите поскорее замуж!

Купавина *(с изумлением)*. Замуж? За кого?

Беркутов. За Мурзавецкого.

Купавина. Вы меня оскорбляете.

Беркутов. И в помышлении не имел ничего, кроме доброго расположения к вам.

Купавина. Я не знаю, как они осмелились! Намеки Меропы Давыдовны очень понятны были.

Беркутов. Да отчего ж им не сметь? Он — дрянь мальчик; но ведь своих недостатков он не замечает. Он дворянин, еще молод, может получить кой-что от тетки, и нельзя сказать, чтобы вы, с вашим приданым, стояли для него очень высоко.

Купавина. Вы или шутите, или хотите обидеть меня.

Беркутов. Ни то, ни другое; всякий умный человек скажет вам то же, что я.

Купавина. Так, по-вашему, для меня единственное средство выйти за Мурзавецкого?

Беркутов. Не единственное, но лучшее, чтобы сохранить в целости имение и не разориться.

Купавина *(твердо)*. Так выходить? Я вас решительно спрашиваю.

Беркутов. Да, выходите! Хорошо сделаете, очень хорошо.

Купавина. Какой тон у вас равнодушный! Вы, как медик, приговариваете к смерти без сострадания.

Беркутов. Но когда обращаются к медику, так от него не сострадания требуют, а знания своего дела и полезного совета.

Купавина. Я могла надеяться, судя по нашим прежним отношениям...

Беркутов. Беспощадное время уносит все.

Купавина. И по последнему письму...

Беркутов. За последнее письмо извините! Собираясь сюда ненадолго и, вероятно, в последний раз, я хотел встретиться со всеми любезно и оставить по себе хорошее впечатление. Может быть, я пересолил, впал в пошлость.

Купавина. Только?

Беркутов *(холодно)*. Только. Вы еще не отвечали Мурзавецкой на письмо?

Купавина. Нет.

Беркутов. Надо отвечать.

Купавина. Я не знаю что.

Беркутов. Это не мудрено. Если хотите, я вам по-

могу. Я завтра утром буду у Мурзавецкой и поговорю о вашем деле; может быть, оно и не так страшно, как кажется издали. Вы мне доверяете?

Купавина. Я прошу вас.

Входит Лыняев.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Купавина, Беркутов, Лыняев.

Лыняев. Ходил, ходил по саду, еще хуже, так и клонит.

Купавина. Этому горю помочь очень легко. Мы с Василием Иванычем пойдем писать письмо Мурзавецкой, а вы можете расположиться здесь, как вам угодно. Эту комнату мой муж нарочно и устроил для послеобеденных отдыхов; окна на север, кругом зелень, тишина, мягкие диваны.

Лыняев. Именно все это мне и нужно для того, чтобы быть совершенно счастливым.

Купавина. Так и будьте!

Лыняев. Постараюсь.

Купавина и Беркутов уходят.

Кто что ни говори, а холостая жизнь очень приятна. Вот теперь, например, если б я был женат, ведь жена помешала бы спать. «Не спи, душенька, нехорошо, тебе нездорово, ты от этого толстеешь». А того и знать не хочет, как ее «душеньке» приятно уснуть, когда сон клонит и глаза смыкаются... *(Садится на диван под окном.)*

Глафира из-за портьеры смотрит на него страстным, хищническим взглядом, как кошка на мышь.

А как хорошо просыпаться холостому. Как только откроешь глаза, первая мысль: что ты сам себе господин, что ты свободен. Нет, я неисправимый холостяк, я свою дорогую свободу не променяю ни на какие ласки бархатных ручек! *(Медленно склоняется к изголовью.)*

Глафира, выйдя из-за портьеры, обнимает его одной рукой за шею и смотрит ему прямо в глаза. Лыняев, приподнимаясь, смотрит на Глафиру с испугом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лыняев, Глафира.

Глафира *(поднося платок к глазам)*. Что вы со мной сделали?

Лыняев *(вставая с дивана и протирая глаза)*. Я? Нет, что это вы-то со мной делаете?

Глафира. Я не знаю... я помешалась... я не помню ничего. А во всем вы виноваты, вы...

Лыняев. Ни душой, ни телом.

Глафира. Нет, вы... Я вам говорила...

Лыняев. Чем я виноват, чем?

Глафира. Я вам говорила, я вас предупреждала, что сильная страсть может вспыхнуть во мне каждую минуту... Я такая нервная... Ну вот, ну вот!.. А вы, зная мою страстность...

Лыняев. Да ведь я по вашему приказанию...

Глафира. Я вам говорила... а вы сводили меня с ума своими похвалами, целовали мои руки.

Лыняев. Да ведь шутка, Глафира Алексеевна... шутка...

Глафира. Я вам говорила, что любовь, кроме страданий, ничего мне не доставит... Я ведь вам говорила, а вы... Ну вот я не спала всю ночь, я полюбила вас до безумия.

Лыняев. Ах, вот беда-то! Ну, простите меня!

Глафира. Я вам говорила, что если уж я полюблю...

Лыняев. Да, говорили, кажется... но успокойтесь!

Глафира *(с отчаянием)*. Вы меня погубили.

Лыняев. Ну, я виноват, я каюсь. Ради бога, извините! Я неумышленно... *(Хочет поцеловать у Глафиры руку.)*

Глафира. Не дотрагивайтесь до меня!.. Я такая нервная...

Лыняев. Но позвольте ж поцеловать вашу ручку на прощанье. И поезжайте, поезжайте...

Глафира. Ах, нет, оставьте... не трогайте!

Лыняев. На прощанье! Я, по крайней мере, буду знать...

Глафира. Я такая нервная...

Лыняев. Что вы меня не презираете. *(Берет руку Глафиры.)*

Глафира. Я говорила вам...

Лыняев. Ведь вы уедете?.. Уедете? Ну, и поезжайте! *(Целует руку Глафиры.)*

Глафира. Ах, я такая нервная... Ах, ах! *(Бросается на шею Лыняеву и закрывает глаза.)*

Лыняев. Что же это вы? Глафира Алексеевна! Глафира Алексеевна!

Глафира *(открыв глаза)*. Ах, сюда идут, кажется.

Лыняев. Они ходят по террасе.

Глафира. Ах, ах! *(Закрывает глаза.)*

Лыняев. Глафира Алексеевна, Глафира Алексеевна, не беспокойтесь... они сюда не пойдут.

Глафира. Вы меня погубили... Что подумают! Куда мне деться? Другого выхода нет.

Лыняев. Да вы потише, не очень громко, а то...

Глафира. Разве они слышат? Спрячьте меня, спрячьте!

Лыняев. Да куда же мне вас?.. Разве за драпировку?..

Глафира. Да вот они идут... Вы меня погубили...

Лыняев. Да тише, ради бога, тише!

Глафира. Ах, что вы со мной сделали. *(Бросается ему на шею и закрывает глаза.)*

Показываются в дверях Беркутов и Купавина.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лыняев, Глафира, Беркутов, Купавина, потом лакей.

Беркутов. Что я вижу! Друг мой!

Купавина. Михайло Борисыч, Михайло Борисыч! Вот вы какой! Ах, притворщик!

Лыняев *(сквозь слезы)*. Ну, что ж! Ну, я женюсь.

Входит лакей.

Лакей. Глафира Алексеевна, лошади готовы.

Глафира. Ах, и люди тут! Что вы со мной сделали? Что теперь Меропа Давыдовна?

Купавина. Ах, бедная! Ты останься у меня!

Беркутов. Не беспокойтесь! Я завтра буду у Меропы Давыдовны, я ей объясню все.

Лыняев *(чуть не плача)*. Ну, что ж, я женюсь. Ты так и скажи, пожалуйста! Скажи, что я женюсь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Лица

Мурзавецкая.
Мурзавецкий.
Чугунов.
Беркутов.
Купавина.
Анфуса.
Глафира.
Лыняев.
Павлин.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Павлин, входит Чугунов.

Чугунов. Здравствуй, Павлинушка!

Павлин. Здравствуйте, сударь! Немножко раненько пожаловали.

Чугунов. Так приказано. Дай-ка табачку-то!

Павлин (*подавая табакерку*). Извольте, сударь.

Чугунов. Встали?

Павлин. Сели чай кушать. Да вот они сами изволят.

Входит Мурзавецкая, Павлин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мурзавецкая, Чугунов.

Мурзавецкая. А, ты здесь уж? Здравствуй!

Чугунов. Здравствуйте, матушка Меропа Давыдовна! Как почивать изволили?

Мурзавецкая (*садясь*). Ничего. Садись!

Чугунов садится.

Гнать бы мне тебя надо было.

Чугунов. За что же, матушка?

Мурзавецкая. Просим бога избавить нас от лукавого, а лукавый ведь это ты.

Чугунов. Где уж мне, благодетельница! Умишка на такую должность не хватит. Мне бы только вам уметь угодить, с меня и довольно.

Мурзавецкая. Письмо получила.

Чугунов. Слушаю-с.

Мурзавецкая. Приедет сегодня Несмеяна-то царевна: испугалась.

Чугунов. Чай, простите?

Мурзавецкая. Нет, отомщу, отомщу. Грех на душу возьму, а отомщу. (*Стучит костылем.*)

Чугунов. Чем отомстить-то? Вы только грозите. А кто нынче угрозы-то боится?

Мурзавецкая. Твое дело дьявольства-то придумывать! Что у тебя на уме, сказывай!

Чугунов. Что сказывать-то, коли сердитесь.

Мурзавецкая. Нет, говори! Ты знаешь, я упряма; уж коли приказываю, так говори!

Чугунов. Как вам угодно, а, по-моему, простить нельзя-с. Против благодетельницы своей да такая насмешка!

Мурзавецкая. Да, да, вот!

Чугунов. Вы кто у нас в губернии-то? Каков бы ни был Аполлон Викторыч, да он ваш племянник. Легко сказать, племянник Меропы Давыдовны! Много ль таких-то особ.

Мурзавецкая. Ну вот, поди ж ты, какая герцогиня нашлась.

Чугунов. Сама приглашала; вы тут дожидаетесь ответу, беспокоитесь, а там его лакеи чуть не в шею.

Мурзавецкая. Да, да. (*Громко.*) Аполлон, поди сюда!

Чугунов. На что похоже, помилуйте!

Входит Мурзавецкий, одет по-охотничьи, в руках ружье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мурзавецкая, Чугунов, Мурзавецкий.

Мурзавецкая. Ты куда это?

Мурзавецкий. Вальдшнепы показались по садам, перебить надо.

Мурзавецкая. Купавина тебя сама приглашала?

Мурзавецкий. Сама, ма тант; я вам тогда говорил.

Мурзавецкая. Да, может быть, так, мимоходом?

Мурзавецкий. Мимоходом? Так на шею и бросается; уж я ее останавливал, говорил: лесе, нехорошо!

Чугунов. Вот, вот она какая!

Мурзавецкая. Может быть, Аполлон и лжет, а все же хоть что-нибудь есть и правды.

Мурзавецкий. Все правда, ма тант.

Мурзавецкая. Ну, а дальше что?

Мурзавецкий. А дальше — малёр[1]. Мало того, что не пустила, а еще поставила засаду из лакеев. И если бы не мой Тамерлан — ну, адье, мон плезир! Только бы вы меня и видели, ма тант. Лев, а не собака: того за горло, другого за горло, ну и разбежались, и я жив. Собака — друг. (*Свищет.*) Тамерлан, иси! Друг единственный!

Мурзавецкая. Не надо, не надо, оглушил. Ступай.

Мурзавецкий уходит в переднюю.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мурзавецкая, Чугунов, потом Павлин.

Мурзавецкая. Что ж это такое, Вукол, а?

Чугунов (*нюхая табак*). Насмешка.

Мурзавецкая. Над кем?

Чугунов. Над вами, видимое дело.

Мурзавецкая. Отомстить-то ей я отомщу, уж найду случай, не умру без того; да мне бы теперь-то зло сорвать дороже всего.

Чугунов. Надо теперь; что откладывать. Еще забудете, пожалуй.

Мурзавецкая. Не забуду я, милый, не забуду никогда.

Чугунов. Они теперь, чай, смеются с Лыняевым.

Мурзавецкая. Да что ты меня дразнишь-то, сутяга! За тем, что ли, я тебя позвала-то?

Чугунов. Чем я вас дразню, сами знаете, что смеются.

Мурзавецкая. Молодая бабенка, и ума-то не-

[1] беда (от *франц.* malheur).

важного, смеется над нами, как над дураками; а мы с тобой, старые умники, сидим да ничего сделать ей не можем.

Чугунов. Все можно сделать, все.

Мурзавецкая. Да что? Пусть приедет да прощенья просит, вот что мне нужно!

Чугунов. И это можно.

Мурзавецкая (*стуча костылем*). Хвастаешь, хвастаешь, приказная крыса.

Чугунов. На коленях будет стоять.

Мурзавецкая. Говорю, не дразни! Костылем ведь я тебя!

Чугунов. Спасибо скажете, а не то что костылем.

Мурзавецкая. Ну, бес воплощенный, что у тебя за каверзы, говори!

Чугунов (*вынимая бумагу*). А вот покажите-ка ей, пусть посмотрит!

Мурзавецкая (*взяв бумагу*). Что это? Письмо к Аполлону.

Чугунов. Извольте прочитать.

Мурзавецкая (*читает*). «Милостивый государь, Аполлон Викторыч! По делам моим с покойным родителем вашим я остался должен ему в разное время тысяч до тридцати, что вы можете усмотреть из конторских книг и счетов, если таковые сохранились. Но весьма может быть, что, по известной небрежности вашего родителя, в его бумагах не осталось никаких следов моего долга. Я нисколько не желаю скрывать оный и лишать вас удовлетворения; на каковой конец я прилагаю при сем узаконенной формы документ...» Так ты вот что придумал! А про Сибирь-то забыл?

Чугунов. Да что за пропасть! Только и слышу от всех, что Сибирь да Сибирь.

Мурзавецкая. Дела твои, милый, такие; оттого и слышать тебе часто приходится.

Чугунов (*вынув из кармана векселя*). Вот и векселя!

Мурзавецкая. Готово уж? Нет, Вукол, в тебе дьявол сидит. Как вас, скариотов, земля терпит? А что за книга это у тебя?

Чугунов. Конторская старая; тут и счеты есть. Из кладовой мы ее достали, отсырела она, пятнышками пошла. Векселя у меня в ней всю ночь лежали, да и теперь пусть лежат да выцветают; а то свежи чернила-

то. Да тут им и быть следует. *(Берет векселя у Мурзавецкой.)* Поглядите, какая чистота-то!

Мурзавецкая. Что глядеть-то, дьявол тебе помогает.

Чугунов. Только это и слышу от вас. *(Кладет векселя в книгу и отдает Мурзавецкой.)*

Мурзавецкая. Да как же не дьявол! Разве человек сам на такую гадость решится? Да хоть бы и решился, так одному, без дьявола, не суметь.

Чугунов. Думаешь уголить, а вы браните. Вот житье-то мое!

Мурзавецкая. Полно хныкать-то!

Чугунов. Да право! Лучше отдайте, я их уничтожу.

Мурзавецкая. Ну, как не отдать! Говори, крыса, что мне с ними делать-то!

Чугунов. Евлампия Николаевна приедет, вы покажите векселя, да построже обойдитесь. Уплатите, мол, немедленно, а то ко взысканию подам. Ну, уж тут она вся в ваших руках, что хотите, то с ней и делайте.

Мурзавецкая. Ну да, ну да! Пугнуть только; а то неужто ж в суд представлять! Ведь они фальшивые. *(Кладет книгу на стол.)*

Чугунов. А как сделаны-то, загляденье! Эх! представить бы их завтра к мировому — к вечеру исполнительный лист готов; а то письма пишете, грозите, предупреждаете только. Пожалуй, и доверенность мою уничтожат.

Мурзавецкая. Против своей барыни-то! Хорош управляющий!

Чугунов. Я уж себя обеспечил, на пустошь денег добыл. Что мне ее жалеть-то! Все тридцать тысяч взыскали бы, мне двадцать процентиков.

Мурзавецкая. Да как ты посмел рот-то разинуть! Кому ты говоришь? Благородной даме ты такие подлости предлагаешь!.. Так бы вот тебя по лысине-то и огрела. Да и стоит. *(Прислушиваясь.)* Никак, кто-то подъехал? Поди закуси что-нибудь! Я тебя после позову.

Чугунов уходит. Входит Павлин.

Павлин. Василий Иваныч Беркутов.

Мурзавецкая. Какой такой Беркутов? Да, да, да, помню. Проси!

Павлин уходит. Входит Беркутов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мурзавецкая, Беркутов.

Беркутов. Честь имею представиться! Изволите помнить?

Мурзавецкая. Ну как, батюшка Василий Иваныч, не помнить! Милости прошу садиться!

Беркутов садится.

Давно приехали?

Беркутов. Третьего дня вечером. Извините! Вчера же хотел быть у вас, да очень устал с дороги. Еще в Петербурге поставил для себя долгом по приезде сюда, нимало не откладывая, явиться к вам засвидетельствовать свое почтение и сообщить, что молва о вашей подвижнической жизни, о ваших благодеяниях достигла уже и до столиц.

Мурзавецкая. Благодарю, батюшка!

Беркутов. Кроме того, мне, как приезжему, любопытно знать житье-бытье в нашей губернии; а от кого же я могу получить более верные сведения и более справедливые отзывы, как не от вас.

Мурзавецкая. Уж кому ж и знать наши дела, как не мне?

Беркутов. Как у нас земство, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. Ну что! Через пень колоду валят.

Беркутов. А что же бы к вам за советом?

Мурзавецкая. Все сами умники, поедут они к старухе, как же!

Беркутов. Положим, что между ними есть люди и неглупые, но ведь у вас только могут они занять опытность, знание жизни народной и нужд здешнего края. Нет, если б я стал служить здесь...

Мурзавецкая. А кто ж мешает?

Беркутов. Дела есть неоконченные. Я бы, разумеется, стал баллотироваться на более видные должности.

Мурзавецкая. Да сделайте милость! Вот у нас скоро выборы будут в предводители, в председатели земской управы...

Беркутов. Я ведь только к тому говорю, Меропа Давыдовна, что, если бы я служил, я бы без вашего совета ничего не сделал.

Мурзавецкая. Послушай-ка, Василий Иваныч, уж извини меня, старуху, баллотируйся!

Беркутов. И своим-то умом бог не обидел, да с вашими бы советами... да тогда вся губерния была бы у нас с вами в руках.

Мурзавецкая. Говорю тебе, баллотируйся! Чего тебе бояться?

Беркутов. Да, мне бояться нечего: я здесь со всеми в ладу. Хоть ребячеств Лыняева и всей их компании я и не одобряю, а все-таки не ссорюсь и с ними.

Мурзавецкая. Именно ребячества, вот уж верное-то слово ты сказал.

Беркутов. Разумеется, я душою всегда буду с вами, в вашей партии.

Мурзавецкая. Ну, так мы тебя и запишем, значит, нашего полку прибыло.

Беркутов. Я подумаю, Меропа Давыдовна, подумаю. Позвольте вам услужить. Я с собой привез несколько книг духовного содержания.

Мурзавецкая. Сделай милость, одолжи.

Беркутов. Да я вам их подарю. *(Встав.)* Честь имею кланяться. Мне нужно сделать в городе несколько визитов. Я еще заеду к вам, и не один раз, если позволите. Беседа с вами так назидательна. *(Раскланивается.)*

Мурзавецкая. Милости прошу во всякое время.

Беркутов. Ах, извините! У меня есть к вам небольшая просьба!

Мурзавецкая. Что такое, батюшка? Очень рада служить, чем могу.

Беркутов. Я имею поручение от соседки моей, Евлампии Николаевны. Дело-то не важное.

Мурзавецкая. Как не важное? Нет, уж это она напрасно так думает.

Беркутов. Во-первых, она просит у вас извинения и сама сегодня будет у вас.

Мурзавецкая. Вот так-то лучше, давно бы ей догадаться.

Беркутов. А что касается до долга ее мужа вашему покойному брату или теперь вашему племяннику, так неизвестно, признавал ли господин Купавин этот долг.

Мурзавецкая. Признавал, сам признавал, как же.

Беркутов. Да почем вы знаете?

Мурзавецкая. Письмо есть.

Беркутов. Послушайте, Меропа Давыдовна, и вы этому верите?

Мурзавецкая. Да как не верить, коли и документы и все у меня налицо.

Беркутов. Какие же они негодяи! Что они с вами делают?

Мурзавецкая. Кто это, кто?

Беркутов. Племянничек ваш, Аполлон, и компания.

Мурзавецкая. Да вы не забывайтесь, милостивый государь! Вы у меня в доме.

Беркутов. Нет, гоните его, гоните всех их скорее!

Мурзавецкая. Он дворянин... Да если бы он слышал! Да и я... ведь я его тетка. Или извольте замолчать...

Беркутов. Позвольте! Я вас понимаю: у вас такое любящее сердце, вы и не подозреваете всей гнусности...

Мурзавецкая. Нет, увольте меня от ваших разговоров! Сделайте одолжение, увольте! Прошу вас, увольте!

Беркутов. Что они? Им терять нечего. А этакую даму почтенную видеть на скамье подсудимых! Вся губерния будет смотреть...

Мурзавецкая *(в испуге)*. Как на скамье подсудимых?

Беркутов. Я вам сейчас объясню: скрывать незачем, уж все это теперь многим известно; завтра дойдет до прокурора, начнется следствие. Главный виновник, Горецкий, ничего не скрывает, его, должно быть, скоро арестуют.

Мурзавецкая. Да что такое, что?

Беркутов. Написаны фальшивые векселя на покойного Купавина, сделано это вчера, я подозреваю вашего племянника — не вас же подозревать, в самом деле.

Мурзавецкая. Нет, нет, не меня, не меня.

Беркутов. Написали письмо от имени Купавина вашему племяннику и два векселя, достали из кладовой старую конторскую книгу и положили их туда. *(Увидав на столе книгу.)* Вот в такую книгу. *(Берет книгу и развертывает.)* Да вот они, здесь. И в книге счет выведен... помарки, почистки. Прекрасно! Вещественные доказательства...

Мурзавецкая. Батюшка, не погуби!

Беркутов. Теперь моя главная забота: спасать вас.

Мурзавецкая. Спасай меня, батюшка, спасай! В ножки поклонюсь!

Беркутов. Не беспокойтесь! Я постараюсь всеми силами потушить это дело. Вас очень жаль! Чем вы виноваты!

Мурзавецкая. Ничем, батюшка, ничем!

Беркутов. Еще есть письмо, по которому вы получили тысячу рублей.

Мурзавецкая. Уж не упомню, батюшка, не упомню; память плоха стала.

Беркутов. Я вам напомню. *(Вынув из кармана письмо.)* Вот оно! Оно того же мастера. Вам надо будет деньги возвратить.

Мурзавецкая. Где ж я возьму, уж я их все раздала бедным, они теперь бога молят... не отнимать же у них.

Беркутов. Разумеется, вы были в заблуждении; но что ж делать, возвратить придется, если дело дойдет до суда. Впрочем, вы пока не беспокойтесь, выкиньте все это из головы!

Мурзавецкая. И рада б выкинула, да нейдет. Ошеломил, да и говорит: из головы выкиньте!

Беркутов. Развлеките себя! Поговорим о чем-нибудь другом.

Мурзавецкая. Боюсь я, голубчик, окружного-то суда; страсть как боюсь.

Беркутов. Ну, может быть, дело как-нибудь и уладится. Вот вам новость! Лыняев сделал предложение Глафире Алексеевне.

Мурзавецкая. Да ну их! Что это сердце-то как дрожит. Изловила-таки она его.

Беркутов. И, кажется, очень ловко.

Мурзавецкая. Поделом ему! Ничего мне его не жаль! Не унимается сердце-то. А вы-то холостой?

Беркутов. Холостой.

Мурзавецкая. Что ж не женитесь?

Беркутов. Сначала дела мешали, а теперь невесты не найду. Посватайте!

Мурзавецкая. Кого б тебе посватать? Вот в виски вступило. Да чего ж лучше, соседка твоя Евлампия Николаевна.

Беркутов. Она, кажется, не очень расположена ко мне; а я бы не прочь.

Мурзавецкая. Так сватать, что ли?

Беркутов. Сватать не сватать, а я бы попросил вас поговорить с ней поласковее, узнать ее мнение, — посоветовать ей.

Мурзавецкая. Да уж не учи, я не глупей тебя на эти дела. Только ты меня выручи! Да вот тысяча-то рублей...

Беркутов. Вы для меня, а я для вас. Евлампия Николаевна должна сейчас приехать, а вместе с ней и Глафира Алексеевна и Лыняев.

Мурзавецкая. Так уж ты меня извини, я пойду распоряжусь. Надо завтрак приготовить и кофей, жениха-то принять; ведь племянник будет.

Беркутов. Обо мне не беспокойтесь! Мне бы нужно сейчас же видеть Чугунова.

Мурзавецкая. Да он, каторжный, тут. Я его сейчас пошлю. Вукол, Вукол! Да вот он.

Мурзавецкая уходит. Входит Чугунов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беркутов, Чугунов.

Беркутов. Здравствуйте, Вукол Наумыч! *(Подает руку.)*

Чугунов. Мое почтение, Василий Иваныч! Давно ли пожаловать изволили-с?

Беркутов. Только что приехал. Очень приятно вас видеть. Как поживаете, Вукол Наумыч?

Чугунов. Благодарение создателю, Василий Иваныч, не жалуюсь.

Беркутов. Душевно рад. Я вас от дела не отвлекаю ли? Мне желательно поговорить с вами несколько минут.

Чугунов. Сколько вам угодно. Готов служить.

Беркутов. Нужно мне, почтеннейший Вукол Наумыч, некоторые сведения собрать насчет здешней местности.

Чугунов. Да-с? *(Вынув табакерку.)* Не прикажете ли?

Беркутов. Не нюхаю; а впрочем, позвольте! *(Нюхает.)* Чем это он пахнет?

Чугунов. Жасмином-с. Нарочно произращаю: и цветок приятно иметь в доме на окне, и запах-с. Хорошие табаки стали из моды выходить. Прежде был табак под названием «Собрание любви», вот, я вам доложу, Василий Иваныч, табак был... Так что же вам угодно насчет местности?

Беркутов. Видите ли, поговаривают о Сибирской железной дороге; мы, как здешние помещики, заинтересованы в этом деле, — и если нет никаких физических препятствий, гор, например...

Чугунов. Препятствий и гор нет-с, плоская губерния. Только что же мы будем доставлять в Сибирь, какие продукты?

Беркутов. Продукты есть, Вукол Наумыч!

Чугунов. Интересно послушать-с.

Беркутов. Я думаю, вам случалось читать в газетах, что в последнее время много стало открываться растрат, фальшивых векселей и других бумаг, подлогов и вообще всякого рода хищничества. Ну, а по всем этим операциям находятся и виновные; так вот эти-то продукты мы и будем посылать в Сибирь, Вукол Наумыч.

Чугунов. Шутить изволите.

Беркутов. Какие шутки! Да вот, недалеко ходить, сейчас один молодой человек сам сознался, что наделал фальшивых векселей.

Чугунов *(качая головой)*. Скажите пожалуйста, какие дела творятся на белом свете!

Беркутов. Как его фамилия-то? Горецкий, кажется.

Чугунов. Горецкий... позвольте! Есть такой, есть-с... слыхал.

Беркутов. Он говорит, что его принудили, и черновые представил, с которых его списывать заставляли.

Чугунов. Очень нужно путать людей! Не понимаю. Ведь уж ему не легче от того будет. Молод еще.

Беркутов. Он еще сознался, что вексель на госпожу Купавину писал, а Евлампия Николаевна сегодня заявляет, что у нее похищен бланк.

Чугунов. Какие дела-то!

Беркутов. Вот что, Вукол Наумыч, не с вами ли вексель-то? А коль не с вами, так принесите его поскорей!

Чугунов. Нет, зачем же-с. Я вам очень благодарен, Василий Иваныч.

Беркутов. За что же?

Чугунов. Предупредили. Я теперь вексель уничтожению предам. Пусть Горецкий путает, а я и знать не знаю, у меня и не было никакого.

Беркутов. Жаль, вам, хоть не всю сумму, а все-таки что-нибудь получить надо бы по этому векселю.

Чугунов. Да, конечно, Василий Иваныч, надо бы. Ведь какой благородный поступок-то с моей стороны! Выдают бланки зря... Да другой бы, помилуйте... Кому ж нужно от своего счастья отказываться!

Беркутов. Справедливо, Вукол Наумыч, справедливо. Да и Евлампию Николаевну надо наказать, чтобы она была вперед осторожнее.

Чугунов. Надо наказать, Василий Иваныч, надо. Как это можно бланки выдавать! Отберут имение-то как раз. Вот я только три тысячи написал; а ведь у всякого ли совесть-то такая, как у меня.

Беркутов. Укоротите вексель-то немного, Вукол Наумыч: напишите, что получили часть в уплату; а остальные Евлампия Николаевна заплатит. Доставайте вексель! Вот чернила и перо!

Чугунов. Слушаю-с. *(Вынимает вексель, надевает очки, берет перо.)* Как писать прикажете, Василий Иваныч?

Беркутов. По сему векселю получено в уплату две тысячи...

Чугунов. Тысячу рублей только оставляете? Маленько, Василий Иваныч.

Беркутов. Нет, и тысячи рублей много, Вукол Наумыч.

Чугунов. А какое благородство с моей стороны!

Беркутов. Вот мы его и оценим как следует. *(Диктует.)* Получено в уплату две тысячи пятьсот...

Чугунов. Только пятьсот! Уж это даже несколько и обидно.

Беркутов. Нет, и не пятьсот, а меньше. Пишите, пишите! Две тысячи пятьсот пятьдесят рублей. Почему я прибавил эти пятьдесят рублей, я вам скажу после. Остальные получите.

Чугунов *(положив вексель в карман)*. Покорнейше вас благодарю, чувствительнейшую вам приношу благодарность.

Беркутов. Когда ваш племянник рассказал мне все дела и ваши черновые представил, я сначала хотел ехать к прокурору.

Чугунов. Нет, зачем к прокурору! Вам, Василий Иваныч, в такие грязные дела путаться какой расчет? Только срам.

Беркутов. А потом рассудил переговорить прежде с Меропой Давыдовной и с вами.

Чугунов. Очень хорошо и основательно поступили. Мало, что ль, у прокурора дел-то и без наших!

Беркутов. А чтоб ваш племянник не болтал тут, чего не нужно... Он какой-то сорвиголова!

Чугунов. Шальной мальчишка!

Беркутов. Я его отправил в Вологду обойти мои леса, он уж теперь катит на пароходе. На дорогу я ему дал пятьдесят рублей; а ведь это ваша была обязанность, Вукол Наумыч; вот эти-то пятьдесят рублей я у вас и вычел.

Чугунов. Очень хорошо-с. Долго ли погостите у нас, Василий Иваныч?

Беркутов. Еще не знаю. Как дела позволят.

Чугунов. Коли будет какое делишко, так не обойдите, по старому знакомству!

Беркутов. Непременно, Вукол Наумыч, непременно.

Чугунов. Вот гости, должно быть. До приятного свидания-с. *(Уходит.)*

Входят Купавина и Анфуса, из гостиной выходит Мурзавецкая.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Беркутов, Мурзавецкая, Купавина, Анфуса.

Мурзавецкая *(Купавиной)*. Ну, вот и хорошо сделала, что приехала, родная моя. Старших уважай!

Купавина. Я очень жалею, Меропа Давыдовна, что подала вам повод к неудовольствию.

Мурзавецкая. Кто старое помянет, тому глаз вон.

Беркутов. Евлампия Николаевна, я ваше поручение исполнил.

Купавина. Благодарю вас.

Беркутов. Меропа Давыдовна и племянник ее считают себя совершенно удовлетворенными и никаких претензий на вас более не имеют. Так ли, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. Он правду говорит, правду. Посылай таких адвокатов, так всегда из воды суха выдешь.

Купавина. Значит, я всем обязана вам. Сколько же я вам должна?

Беркутов. Сочтемся после, Евлампия Николаевна.

Мурзавецкая *(Беркутову)*. Пошел бы ты закусил что-нибудь! Времени-то много, чай, с утра из усадьбы-то? Поди-ка, мать Анфуса, похозяйничай за меня. Мы сейчас придем.

Анфуса. Да, уж... с дороги-то... и я уж...

Уходят Беркутов и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мурзавецкая, Купавина.

Мурзавецкая. Извини меня, друг мой, что я строго так обошлась с тобою! Я ведь любя.

Купавина. Я не понимаю, чем я виновата. Вы делаете такие угрозы...

Мурзавецкая. И всегда буду делать угрозы, и всегда. Нет, ты виновата, виновата, у меня сердце болит глядеть на тебя. Еще не так тебя надо пугнуть.

Купавина. Да чем же я виновата?

Мурзавецкая. Зачем живешь одна? Отчего замуж не выходишь? Чего хорошего? Только дела запутываешь да имение расстраиваешь. На Чугунова-то плоха надежда.

Купавина. Да ведь вы сами его рекомендовали.

Мурзавецкая. А разве в них влезешь. Он вот плут, оказывается, порядочный.

Купавина *(подумав)*. Нет, как хотите, я за него не пойду: я не чувствую к нему никакого расположения.

Мурзавецкая. К кому?

Купавина. К Аполлону Викторычу.

Мурзавецкая. Да кто тебя неволит! Я думала, что ты его любишь; а нет, так и не надо. Твоя воля, выбирай любого!

Купавина. Из кого выбирать-то?

Мурзавецкая. Подумай! Да ты бы не прочь, кабы нашелся хороший человек?

Купавина. Отчего же нейти! Я и сама вижу, что мое хозяйство плохо.

Мурзавецкая *(тихо)*. Беркутов-то долго здесь проживет?

Купавина. Нет, он на несколько дней. Да в нем никакого расположения ко мне не заметно.

Мурзавецкая. Жаль. А я было уж...

Купавина. Нет, как можно навязываться!

Мурзавецкая. Ну, а если он сам...

Купавина. Нет, ему нужно побогаче.

Мурзавецкая. Ну да, ах боже мой! Мало ль что? Может, вдруг фантазия придет.

Купавина. Не знаю.

Мурзавецкая. Разумеется, коли он на несколько дней, да и не ухаживает...

Купавина. Нисколько. И не думает ухаживать.

Мурзавецкая. Так нечего делать. Знаешь что? Нет ли у него в Питере какой?

Купавина. Должно быть, есть.

Мурзавецкая. Какая-нибудь из немков. Ну, мы хоть так поговорим с тобой... А если б он?

Купавина. Право, я не знаю, что вам сказать.

Мурзавецкая. Да чего стыдиться-то! Мне-то ты скажи!

Купавина. Да зачем вам?

Мурзавецкая. Разве ты меня не знаешь? Страсть моя знать все на свете и соваться во все дела, где меня не спрашивают.

Купавина. Да отчего же?.. Я бы с удовольствием.

Мурзавецкая. Вот и ладно. *(Громко.)* Василий Иваныч, поди сюда!

Купавина. Ах, позвольте! Что вы?

Мурзавецкая. Молчи уж! Мне только твое желание надо было знать, ты мне дорога-то; а на них нечего смотреть! Я умею с ними обращаться, вот посмотри! Только уж помни русскую пословицу: давши слово, держись, а не давши, крепись! Василий Иваныч!

Входит Беркутов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мурзавецкая, Купавина, Беркутов.

Мурзавецкая. Василий Иваныч, целуй ручку у Евлампии Николаевны!

Беркутов. Готов всегда с величайшим удовольствием.

Мурзавецкая. Бог вас благословит.

Беркутов. Что значат эти слова ваши, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. А то, что я тебя женить хочу. Что живешь, только небо коптишь!

Беркутов. Уж очень вы много власти берете надо мной, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Извини, голубчик! Вижу я сиротство твое, родных у тебя нет; надо и об тебе кому-нибудь позаботиться.

Беркутов. Хорошо, Меропа Давыдовна, что я люблю Евлампию Николаевну, и люблю давно; а если б не так, вы бы поставили нас в затруднительное положение.

Мурзавецкая. В затруднительное? Ошибаешься. *(Стучит костылем.)* Ошибаешься, говорю тебе. Я лучше вас знаю, что вам нужно: что тебе нужно, что ей. Ее душа мне известна, я в нее, как в зеркало, смотрю: вот я сейчас вижу, что она тебя любит. И тебе пора остепениться. Денег, что ль, больших ищешь? Так стыдно тебе. А ты душу ищи!

Беркутов. Слушаю, Меропа Давыдовна, слушаю-с.

Мурзавецкая. Вы, питерские, думаете, что вас и рукой не достанешь, что вам у нас и пары нет; а вот есть.

Беркутов *(склонив голову)*. Евлампия Николаевна?

Мурзавецкая *(Купавиной)*. Что молчишь? Ну, так я за тебя скажу. Она рада-радехонька.

Купавина. Я женщина простая, хитрить не могу, я не умела скрыть своих чувств перед Меропой Давыдовной, не буду скрывать и перед вами.

Беркутов. Благодарю вас за счастье, которое вы мне доставляете. *(Целует руку Купавиной.)* Прошу вас

Беркутов. Я думаю, что Евлампии Николаевне приятнее будет эту зиму провести в Петербурге.

Купавина. Да, конечно.

Мурзавецкая *(Лыняеву)*. А вы?

Глафира. Мы эту зиму будем жить в Париже.

Лыняев. Мы в Париже.

Беркутов. А уж на лето к вам, под ваше крылышко.

Лыняев. И я тоже.

Глафира. Ах, нет, Мишель, ведь мы еще не решили. Я думаю провести лето в Швейцарии.

Лыняев. Да, мы еще не решили.

Беркутов. Меропа Давыдовна, благодарю вас за радушный прием и за участие, которое вы во мне приняли! Позвольте предложить вам этот маленький подарок. *(Подает Мурзавецкой коробочку.)* Это аквамариновые четки. Господа, я пробыл здесь недолго, но уж имел возможность вполне оценить эту во всех отношениях редкую женщину. Желательно, чтоб наши передовые люди всегда относились с глубоким уважением к Меропе Давыдовне. Мы должны подавать пример другим, как нужно уважать такую почтенную старость.

Чугунов *(утирая слезы)*. Все правда, все правда.

Мурзавецкая. Благодарю, Василий Иваныч, благодарю. *(Целует Беркутова в голову.)* Ну, батюшка, видала я на своем веку всяких людей; а таких, как ты, не приводилось. *(Тихо.)* Ну, я твое дело сделала, ты мое как?

Беркутов. Уладится благополучно. Вам Чугунов скажет.

Купавина. Поедемте, господа! До свидания, Меропа Давыдовна! Нам еще с Глафирой Алексеевной нужно все магазины объездить. Вы уж позвольте мне ее взять к себе.

Мурзавецкая. Ах, матушка, с руками отдаю.

Глафира. Мишель, ты с нами?

Лыняев. У Евлампии Николаевны коляска ведь двухместная.

Глафира. Так что же, Мишель? Сядь на козлы! Свой экипаж отдай Анфусе Тихоновне! Анфуса Тихоновна!..

Анфуса выходит.

Поезжайте на лошадях Мишеля!

Анфуса. Хорошо уж... прощайте.

Лыняев. Да как же возможно мне, с моим сложением, на козлы? Да еще двенадцать верст трястись до усадьбы!

Глафира. Послушай меня, Мишель! Тебе это очень полезно, ты толстеешь так, что ни на что не похоже. Мы в Париж поедем, ведь самому будет совестно таким медведем приехать.

Уходят Беркутов, Купавина, Лыняев, Глафира и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Мурзавецкая, Чугунов, потом Мурзавецкий.

Чугунов *(у окна)*. В Париж да в Петербург! Что денег-то увезут из губернии!

Мурзавецкая. Что? Смаклерил дело-то хорошо? Благодарю! Осрамил было благородную, уважаемую даму.

Чугунов. Да вы уж хоть повесьте меня, а не воротишь!

Мурзавецкая. Что тебе, крысе, Беркутов-то говорил?

Чугунов. Все шито да крыто, и Клашку, чтоб он не болтал тут, в Вологду услал Василий Иваныч.

Мурзавецкая. Вот золотой-то человек! Я его в поминанье запишу. Запиши его ко мне в поминанье, да и к себе запиши!

Чугунов. Золотой-то он, точно золотой; я вам вот что скажу! За что нас Лыняев волками-то называл? Какие мы с вами волки? мы куры, голуби... по зернышку клюем, да никогда сыты не бываем. Вот они, волки-то! Вот эти сразу помногу глотают.

За сценой слышен крик: «Тамерлан, Тамерлан!». Вбегает Мурзавецкий в отчаянии.

Мурзавецкий. Нет, ма тант, нет! Я не переживу.

Мурзавецкая. Успокойся, Аполлоша, успокойся!

Мурзавецкий *(опускаясь на стул.)* Нет, ма тант, лучшего друга моего...

Мурзавецкая. Ну, что ж делать-то?

Мурзавецкий. Лучшего друга, ма тант... Где пистолеты?

Мурзавецкая. Что ты, грех какой!

Мурзавецкий. Нет, застрелюсь, застрелюсь... Уж заряжен, ма тант, заряжен...

Мурзавецкая. Ах, бедный! Как тебе это...

Мурзавецкий. Да, ма тант, лучшего друга... Близ города, среди белого дня, лучшего друга... Тамерлана волки съели.

Мурзавецкая. Тьфу ты! А я думала...

Чугунов. Близ города, среди белого дня. Есть чему удивляться!.. Нет... Тут не то что Тамерлана; а вот сейчас, перед нашими глазами, и невесту вашу, и с приданым, и Михайла Борисыча с его имением волки съели, да и мы с вашей тетенькой чуть живы остались. Вот это подиковинней будет.

БЕСПРИДАННИЦА

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лица

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова, средних лет; одета изящно, но смело и не по летам.

Лариса Дмитриевна, ее дочь, девица, одета богато, но скромно.

Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием.

Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы, по костюму европеец.

Юлий Капитоныч Карандышев, молодой человек, небогатый чиновник.

Сергей Сергеич Паратов, блестящий барин, из судохозяев, лет за 30.

Робинзон.

Гаврило, клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре.

Иван, слуга в кофейной.

Действие происходит в настоящее время, в большом городе Бряхимове, на Волге.

Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной. Направо (от актеров) — вход в кофейную, налево — деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней — вид на Волгу, на большое пространство: леса, села и проч. На площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой — на левой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гаврило стоит в дверях кофейной. Иван приводит в порядок мебель на площадке.

Иван. Никого народу-то нет на бульваре.

Гаврило. По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых.

Иван. Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.

Гаврило. А вот около вечерень проснутся, попьют чайку до третьей тоски...

Иван. До тоски! Об чем тосковать-то?

Гаврило. Посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает... Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

Иван. Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он так себя утруждает?

Гаврило. Для моциону.

Иван. А моцион для чего?

Гаврило. Для аппетиту. А аппетит нужен ему для обеду. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь!

Иван. Отчего это он все молчит?

Гаврило. «Молчит». Чудак ты... Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь неподолгу от этого от самого; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее.

Иван. А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговаривает.

Гаврило. Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; а в лета войдет, такой же идол будет.

Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит Вожеватов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кнуров, Вожеватов, Гаврило, Иван.

Вожеватов *(почтительно кланяясь)*. Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

Кнуров. А! Василий Данилыч! *(Подает руку.)* Откуда?

Вожеватов. С пристани. *(Садится.)*

Гаврило подходит ближе.

Кнуров. Встречали кого-нибудь?

Вожеватов. Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Гаврило. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

Вожеватов. Да, «Ласточку». А что?

Гаврило. Резво бегает, сильный пароход.

Вожеватов. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Гаврило. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

Иван. Василий Данилыч, да вон еще пароход бежит с верху.

Вожеватов. Мало ль их по Волге бегает.

Иван. Это Сергей Сергеич едут.

Вожеватов. Ты думаешь?

Иван. Да похоже, что они-с... Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

Вожеватов. Разберешь ты кожухи за семь верст.

Иван. За десять разобрать можно-с... Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

Вожеватов. А далеко?

Иван. Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает.

Гаврило. Ты говоришь, выстилает?

Иван. Выстилает. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Гаврило. Они едут-с.

Вожеватов *(Ивану)*. Так ты скажи, как приставать станут.

Иван. Слушаю-с... Чай, из пушки выпалят.

Гаврило. Беспременно.

Вожеватов. Из какой пушки?

Гаврило. У них тут свои баржи серёд Волги на якоре.

Вожеватов. Знаю.

Гаврило. Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. *(Взглянув в сторону за кофейную.)* Вон и коляска за ними едет, извозчицкая, Чиркова-с! Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин Чирков на козлах. Это за ними-с.

Вожеватов. Да почем ты знаешь, что за ними?

Гаврило. Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это ужасти смотреть... как львы... все четыре на трензелях[1]! А сбруя-то, сбруя-то! За ними-с.

Иван. И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парадном казакине, ремнем перетянут так, что, того гляди, переломится.

Гаврило. Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

Кнуров. С шиком живет Паратов.

Вожеватов. Уж чего другого, а шику довольно.

Кнуров. Дешево пароход-то покупаете?

Вожеватов. Дешево, Мокий Парменыч!

Кнуров. Да, разумеется; а то что за расчет покупать. Зачем он продает?

Вожеватов. Знать, выгоды не находит.

Кнуров. Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, коли дешево-то купите.

Вожеватов. Нам кстати: у нас на низу грузу много.

Кнуров. Не деньги ль понадобились... он ведь мотоват.

Вожеватов. Его дело. Деньги у нас готовы.

Кнуров. Да, с деньгами можно дела делать, можно. *(С улыбкой.)* Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

Вожеватов. Дурно ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

Кнуров. Знаю, Василий Данилыч, знаю.

Вожеватов. Не выпьем ли холодненького, Мокий Парменыч?

---

[1] Трензеля — удила.

Кнуров. Что вы, утром-то! Я еще не завтракал...

Вожеватов. Ничего-с. Мне один англичанин — он директор на фабрике — говорил, что от насморка хорошо шампанское натощак пить. А я вчера простудился немного.

Кнуров. Каким образом? Такое тепло стоит.

Вожеватов. Да все им же и простудился: холодно очень подали.

Кнуров. Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря — шампанское пьют.

Вожеватов. А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

Кнуров. Ну, чай — другое дело.

Вожеватов *(Гавриле)*. Гаврило, дай-ка нам чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Гаврила. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Кнуров. Вы разве особенный какой пьете?

Вожеватов. Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

Кнуров. Остроумно.

Вожеватов. Нужда-то всему научит, Мокий Парменыч!

Кнуров. Едете в Париж-то, на выставку?

Вожеватов. Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

Кнуров. И я на днях: уж меня ждут.

Гаврило приносит на подносе два чайника с шампанским и два стакана.

Вожеватов *(наливая)*. Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

Кнуров. Как замуж? Что вы! За кого?

Вожеватов. За Карандышева.

Кнуров. Что за вздор такой! Вот фантазия! Ну, что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч!

Вожеватов. Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

Кнуров. Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

Вожеватов. Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов-то в самый обрез; сколько приданых, столько и

женихов, лишних нет — бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были.

Кнуров. Бойкая женщина.

Вожеватов. Она, должно быть, не русская.

Кнуров. Отчего?

Вожеватов. Уж очень проворна.

Кнуров. Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная, и вдруг за какого-то Карандышева!.. Да с ее-то ловкостью... всегда полон дом холостых...

Вожеватов. Ездить-то к ней — все ездят, — потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет... Ну, а жениться-то надо подумавши.

Кнуров. Ведь выдала же она двух.

Вожеватов. Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потеха-то была. Как увидал, затрясся, заплакал даже — так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

Кнуров. Огудалова разочла не глупо: состояние небольшое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

Вожеватов. Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает.

Кнуров. Где же она берет?

Вожеватов. Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, так и раскошеливайся... Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не спрашивай.

Кнуров. Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

Вожеватов. Не разорюсь, Мокий Парменыч! Что ж делать, за удовольствия платить надо: они даром не достаются; а бывать у них в доме большое удовольствие.

Кнуров. Действительно, удовольствие, это вы правду говорите.

Вожеватов. А сами почти никогда не бываете.

Кнуров. Да неловко: много у них всякого сброду бывает, потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут. Вот, например, Карандышев, ну, что за знакомство для меня!

Вожеватов. Да, у них в доме на базар похоже.

Кнуров. Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слова сказать. Приятно с ней одной почаще видеться — без помехи.

Вожеватов. Жениться надо.

Кнуров. Жениться! Не всякому можно, да не всякий и захочет; вот я, например, женатый.

Вожеватов. Так уж нечего делать... Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

Кнуров. Вы думаете?

Вожеватов. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ль случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж.

Кнуров. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

Вожеватов. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

Кнуров. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

Вожеватов. Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете ли, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

Кнуров. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы.

Вожеватов. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч! Я хоть молод, а не зарвусь: лишнего не передам.

Кнуров. Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

Вожеватов. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

Кнуров. Чего?

Вожеватов. А вот что любовью-то называют.

Кнуров. Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы с ней гораздо ближе, чем другие.

Вожеватов. Да в чем моя близость! Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которые девушкам читать не дают.

Кнуров. Развращаете, значит, поневножку.

Вожеватов. Да мне что! Я ведь насильно не навязываю... Что ж мне об ее нравственности заботиться! Я не опекун.

Кнуров. Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, женихов не было?

Вожеватов. Были; да ведь она простовата.

Кнуров. Как простовата? То есть глупа?

Вожеватов. Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо.

Кнуров. То есть правду?

Вожеватов. Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла, а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез неизвестно куда.

Кнуров. Что ж с ним сделалось?

Вожеватов. Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! *(Смеется.)* Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

Кнуров. А после Паратова были женихи?

Вожеватов. Набегали двое: старик какой-то с подагрой да разбогатевший управляющий какого-то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе и не до них, а любезничать надо было: маменька приказывает.

Кнуров. Однако положение ее незавидное.

Вожеватов. Да, смешно даже. У ней иногда слезинки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг проявился этот кассир. Вот бросал деньгами-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смеется.)* С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, говорит, с нас сраму-то; за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли, разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с предложением.

Кнуров. Откуда взялся этот Карандышев?

Вожеватов. Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгрывает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех... А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником; взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

Кнуров. И что же?

Вожеватов. Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

Кнуров. Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

Вожеватов. Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именьишко, пока разговоры утихнут, так и Огудаловым хотелось; а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял; прежде и не слыхать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кнуров. Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели. Поломается, поколотят его раза два, ну он и доволен, и идет спать.

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

Кнуров. Бедная девушка, как она страдает, на него глядя, я думаю.

Вожеватов. Квартиру свою вздумал отделывать, вот чудит-то. В кабинете ковер грошовый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал; уж диви бы охотник, а то и ружье-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь — человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную; кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой, все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

Кнуров. Жаль бедную Ларису Дмитриевну, жаль...

Вожеватов. Что это вы очень жалостливы стали?

Кнуров. Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши. Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

Вожеватов. И хорошего ювелира.

Кнуров. Совершенную правду вы сказали. Ювелир — не простой мастеровой, он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опошлится.

Вожеватов. А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он... *(Тихо.)* Вот они, легки на помине-то...

Входят Карандышев, Огудалова, Лариса. Вожеватов встает и кланяется. Кнуров вынимает газету.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кнуров, Вожеватов, Карандышев, Огудалова; Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу. Гаврило. Иван.

Огудалова *(подходя к столу)*. Здравствуйте, господа!

Карандышев подходит за ней. Вожеватов подает руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку Огудаловой, слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение газеты.

Вожеватов. Харита Игнатьевна, присядьте, милости просим! *(Подвигает стул.)*

Огудалова садится.

Чайку не прикажете ли?

Карандышев садится поодаль.

Огудалова. Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватов. Иван, подай чашку, да прибавь кипяточку!

Иван берет чайник и уходит.

Карандышев. Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь.

Вожеватов. Жажда, Юлий Капитоныч, а что пить — не знаю. Посоветуйте — буду очень благодарен.

Карандышев *(смотрит на часы)*. Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки, съесть котлетку, выпить стаканчик вина хорошего, — я всегда так завтракаю.

Вожеватов *(Огудаловой)*. Вот жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь! *(Карандышеву.)* Пожил бы, кажется, хоть денек на вашем месте. Водочки, да винца. Нам так нельзя-с, пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживаете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свет, у нас дела очень велики, так нам разума-то терять и нельзя.

Иван подает чайник и чашку.

Пожалуйте, Харита Игнатьевна! *(Наливает и подает чашку.)* Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячие напитки употребляю.

Огудалова. Чай-то холодный, только, Вася, ты мне крепко налил.

Вожеватов. Ничего-с. Выкушайте, сделайте одолжение! На воздухе не вредно.

Карандышев *(Ивану)*. Приходи ко мне сегодня служить за обедом.

Иван. Слушаю-с, Юлий Капитоныч!

Карандышев. Ты, братец, почище оденься.

Иван. Известно дело, фрак; нешто не понимаем-с.

Карандышев. Василий Данилыч, вот что: приезжайте-ка вы ко мне обедать сегодня!

Вожеватов. Покорно благодарю... Мне тоже во фраке прикажете?

Карандышев. Как вам угодно, не стесняйтесь. Однако дамы будут.

Вожеватов *(кланяясь)*. Слушаю-с. Надеюсь не уронить себя.

Карандышев *(переходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?

Кнуров *(с удивлением оглядывает его)*. У вас?

Огудалова. Мокий Парменыч, это все равно что у нас, — этот обед для Ларисы.

Кнуров. Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду.

Карандышев. Так уж я буду надеяться.

Кнуров. Уж я сказал, что приеду. *(Читает газету.)*

Огудалова. Юлий Капитоныч мой будущий зять, я выдаю за него Ларису.

Кнуров *(продолжая читать)*. Это ваше дело.

Карандышев. Да-с, Мокий Парменыч, я рискнул. Я вообще всегда был выше предрассудков...

Кнуров закрывается газетой.

Вожеватов *(Огудаловой)*. Мокий Парменыч строг...

Карандышев *(отходя от Кнурова к Вожеватову)*. Я желаю, чтоб Ларису Дмитриевну окружали только избранные люди.

Вожеватов. Значит, и я к избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидал. *(Гавриле.)* Гаврило, сколько с меня за чай?

Гаврило. Две порции изволили спрашивать?

Вожеватов. Да, две порции.

Гаврило. Так уж сами знаете, Василий Данилыч, не в первый раз... Тринадцать рублей-с...

Вожеватов. То-то, я думал, что подешевле стало.

Гаврило. С чего дешевле-то быть? Курсы, пошлина, помилуйте!

Вожеватов. Да ведь я не спорю с тобой, что ты пристаешь! Получай деньги и отстань! *(Отдает деньги.)*

Карандышев. За что так дорого, я не понимаю.

Гаврило. Кому дорого, а кому нет... Вы такого чаю не кушаете.

Огудалова *(Карандышеву)*. Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело!

Иван. Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

Вожеватов. Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит, не угодно ли взглянуть? Мы вниз не пойдем, с горы посмотрим.

Кнуров. Пойдемте. Любопытно. *(Встает.)*

Огудалова. Вася, я доеду на твоей лошади.

Вожеватов. Поезжайте, только пришлите поскорей! *(Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)*

Огудалова *(подходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот...

Кнуров. Да...

Огудалова. И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать... Вот завтра рожденье Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить...

Кнуров. Хорошо, я к вам заеду.

Огудалова уходит.

Лариса *(Вожеватову)*. До свидания, Вася!

Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Карандышев, Лариса.

Лариса. Я сейчас все за Волгу смотрела; как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

Карандышев. Вы за Волгу смотрели. А что с вами Вожеватов говорил?

Лариса. Ничего, так, пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес... *(Задумчиво.)* Уедемте, уедемте отсюда!

Карандышев. Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Лариса. Ах, да об чем бы он ни говорил, что вам за дело!

Карандышев. Называете его Васей. Что за фамильярность с молодым человеком?

Лариса. Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе; ну, я и привыкла.

Карандышев. Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком. Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Лариса *(обидясь)*. У нас ничего дурного не было.

Карандышев. Был цыганский табор-с, вот что было.

Лариса утирает слезы.

Чем же вы обиделись, помилуйте!

Лариса. Что ж, может быть, и цыганский табор, только в нем было, по крайней мере, весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

Карандышев. Уж конечно.

Лариса. Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке, значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь... Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если б я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей, разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывать моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас, меня манит скромная, семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутье: поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; относитесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты и не пропустите их!

Карандышев. Лариса Дмитриевна, я совсем не хотел вас обидеть, это я сказал так.

Лариса. Что значит «так»? То есть не подумавши; вы не понимаете, что в ваших словах обида, так что ли?

Карандышев. Конечно, я без умыслу.

Лариса. Так это еще хуже. Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее. Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышев. В таком случае, я прошу извинить меня.

Лариса. Да бог с вами, только вперед будьте осторожнее! *(Задумчиво.)* Цыганский табор... Да это, пожалуй, правда... но в этом таборе были и хорошие благородные люди.

Карандышев. Кто же эти благородные люди? Уж не Сергей ли Сергеич Паратов?

Лариса. Нет, я прошу вас, вы не говорите о нем.

Карандышев. Да почему же-с?

Лариса. Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так... извините, не вам о нем судить.

Карандышев. Об людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами?

Лариса. Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам.

Карандышев. Лариса Дмитриевна, скажите мне, только прошу вас, говорите откровенно!

Лариса. Что вам угодно?

Карандышев. Ну, чем я хуже Паратова?

Лариса. Ах нет, оставьте.

Карандышев. Позвольте, отчего же?

Лариса. Не надо, не надо! Что за сравнения!

Карандышев. А мне бы интересно было слышать от вас.

Лариса. Не спрашивайте, не нужно!

Карандышев. Да почему же?

Лариса. Потому что сравнение не будет в вашу пользу. Сами по себе вы что-нибудь значите: вы хороший, честный человек, но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все.

Карандышев. Ведь это только слова, нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько.

Лариса. С кем вы равняетесь? Возможно ли такое ослепление... Сергей Сергеич... это идеал мужчины. Вы понимаете, что такое идеал? Быть может, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнение изменить во мне нельзя, оно умрет со мною!

Карандышев. Не понимаю-с, не понимаю, что в нем особенного; ничего, ничего не вижу. Смелость какая-то, дерзость... Да это всякий может, если захочет.

Лариса. Да вы знаете, какая это смелость?

Карандышев. Да какая ж такая, что тут необыкновенного? Стоит только напустить на себя.

Лариса. А вот какая, я вам расскажу один случай.

Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас, Сергей Сергеич и говорит: «Я слышал, вы хорошо стреляете» — «Да, недурно», — говорит офицер. Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. «Стреляйте», — говорит.

Карандышев. И он стрелял?

Лариса. Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: «Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею». Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же расстоянии и выбивает ее.

Карандышев. И вы послушали его?

Лариса. Да разве можно его не послушать?

Карандышев. Разве уж вы были так уверены в нем?

Лариса. Что вы? Да разве можно быть в нем неуверенной?

Карандышев. Сердца нет, оттого он так и смел.

Лариса. Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.

Карандышев. Ну, положим, Паратов, имеет какие-нибудь достоинства, по крайней мере, в глазах ваших; а что такое этот купчик Вожеватов, этот ваш Вася?

Лариса. Вы не ревновать ли? Нет, уж вы эти глупости оставьте. Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышев. А если б явился Паратов?

Лариса. Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен, так довольно одного его взгляда... Успокойтесь, он не явился, и теперь хоть и явится, так уж поздно. Вероятно, мы никогда и не увидимся более.

На Волге пушечный выстрел.

Что это?

Карандышев. Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют.

Лариса. Ах, как я испугалась!

Карандышев. Чего, помилуйте!

Лариса. У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

Карандышев. Ушибиться! Тут верная смерть; внизу мощено камнем. Да, впрочем, тут так высоко, что умрешь прежде, чем долетишь до земли.

Лариса. Пойдемте домой, пора!

Карандышев. Да и мне нужно: у меня ведь обед.

Лариса *(подойдя к решетке)*. Подождите немного. *(Смотрит вниз.)* Ай, ай, держите меня!

Карандышев *(берет Ларису за руку)*. Пойдемте, что за ребячество!

Уходят.

Гаврило, Иван выходят из кофейной.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гаврило, Иван.

Иван. Пушка! Барин приехал, барин приехал, Сергей Сергеич.

Гаврило. Я говорил, что он. Уж я знаю: видно сокола по полету.

Иван. Коляска пустая в гору едет, значит, господа пешком идут... Да вон они! *(Убегает в кофейную.)*

Гаврило. Милости просим. Чем только их потчевать-то, не сообразишь.

Входят Паратов (черный однобортный сюртук в обтяжку, высокие лаковые сапоги, белая фуражка, через плечо дорожная сумка), Робинзон (в плаще, правая пола закинута за левое плечо, мягкая высокая шляпа надета набок). Кнуров, Вожеватов. Иван выбегает из кофейной с веничком и бросается обметать Паратова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Паратов, Робинзон, Кнуров, Вожеватов, Гаврило, Иван.

Паратов *(Ивану.)* Да что ты! Я с воды... на Волге-то не пыльно.

Иван. Все-таки, сударь, нельзя же... порядок требует. Целый год-то вас не видали, да чтобы... с приездом, сударь...

Паратов. Ну, хорошо, спасибо! На! *(Дает ему рублевую бумажку.)*

Иван. Покорнейше благодарим-с. *(Отходит.)*

Паратов. Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?

Вожеватов. Да ведь я не знал, что вы на своей «Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет.

Паратов. Нет, я баржи продал. Я думал нынче рано утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет», да трус машинист. Кричу кочегарам: «Шуруй!» — а он у них дрова отнимает. Вылез из своей мурьи:[1] «Если вы, говорит, хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал. Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то. А я, господа, и позабыл познакомить вас с моим другом, Мокий Парменыч, Василий Данилыч, рекомендую — Робинзон.

Робинзон важно раскланивается и подает руку Кнурову и Вожеватову.

Вожеватов. А как их по имени, отчеству?

Паратов. Так, просто, Робинзон, без имени и отчества.

Робинзон *(Паратову)*. Серж!

Паратов. Что тебе?

Робинзон. Полдень, мой друг, я стражду.

Паратов. А вот погоди, в гостиницу приедем.

Робинзон *(показывая на кофейную)*. Voilá![2]

Паратов. Ну, ступай, черт с тобой!

Робинзон идет в кофейную.

Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; он характера непокойного.

Робинзон *(пожимая плечами.)* Серж! *(Уходит в кофейную, Гаврило за ним.)*

Паратов. Это, господа, провинциальный актер, Счастливцев Аркадий.

Вожеватов. Почему же он Робинзон?

[1] Мурья — конура, лачуга. Здесь: трюм.

[2] Вот! *(франц.)*.

Паратов. А вот почему: ехал он на каком-то пароходе, уж не знаю, с другом своим, с купеческим сыном Непутевым, разумеется, оба пьяные до последней возможности. Творили они, что только в голову придет, публика все терпела. Наконец, в довершение безобразия, придумали драматическое представление: разделись, разрезали подушку, вывалялись в пуху и начали изображать диких; тут уж капитан, по требованию пассажиров, и высадил их на пустой остров. Бежим мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взывает, поднявши руки кверху. Я сейчас «стоп», сажусь сам в шлюпку и обретаю артиста Счастливцева. Взяв его на пароход, одел с ног до головы в свое платье, благо, у меня много лишнего. Господа, я имею слабость к артистам... Вот почему он Робинзон.

Вожеватов. А Непутевый на острове остался?

Паратов. Да на что он мне; пусть проветрится. Сами посудите, господа, ведь в дороге скука смертная, всякому товарищу рад.

Кнуров. Еще бы, конечно.

Вожеватов. Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!

Кнуров. Одно только неприятно: пьянством одолеет.

Паратов. Нет, со мной, господа, нельзя, я строг на этот счет. Денег у него нет, без моего разрешения давать не велено, а у меня как попросит, так ему в руки французские разговоры, на счастье, нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, без того не дам... Ну и учит сидит. Как старается!

Вожеватов. Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего б не пожалел за такого человека, а нет как нет. Он хороший актер?

Паратов. Ну нет, какой хороший! Он все амплуа прошел и в суфлерах был; а теперь в оперетках играет. Ничего, так себе, смешит.

Вожеватов. Значит, веселый?

Паратов. Потешный господин.

Вожеватов. А пошутить с ним можно?

Паратов. Ничего, он не обидчив... Вот отводите свою душу, могу его вам дня на два, на три предоставить.

Вожеватов. Очень благодарен. Коли придет по праву, так не останется внакладе.

Кнуров. Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

Паратов. Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево; я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью. Поэтому надо постараться как можно повеселее провести последние дни.

Вожеватов. Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться.

Паратов. Отец моей невесты важный чиновный господин, старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и parlez français![1] Вот я теперь и практикуюсь с Робинзоном. Только он для важности, что ли, уж не знаю, зовет меня: «ля Серж», а не просто «Серж». Умора!

На крыльце кофейной показывается Робинзон, что-то жует, за ним Гаврило.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило, Иван.

Паратов *(Робинзону)*. Que faites-vous là? Venez![2]

Робинзон *(с важностью)*. Comment?[3]

Паратов. Что за прелесть! Каков тон, господа? *(Робинзону.)* Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира.

Вожеватов. Да, это за ними водится.

Робинзон. Ля Серж, ты уж успел... Очень нужно было.

Паратов. Да, извини, я твой псевдоним раскрыл.

Вожеватов. Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.

[1] говорите по-французски! *(франц.)*
[2] Что вы там делаете? Идите сюда! *(франц.)*.
[3] Как? *(франц.)*

Робинзон. Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафт не пили.

Вожеватов. Это все равно... Что за церемонии!

Робинзон. Но я фамильярности не терплю и не позволяю всякому...

Вожеватов. Да я не всякий...

Робинзон. А кто же вы?

Вожеватов. Купец.

Робинзон. Богатый?

Вожеватов. Богатый.

Робинзон. И тороватый?

Вожеватов. И тороватый.

Робинзон. Вот это в моем вкусе. *(Подает руку Вожеватову.)* Очень приятно. Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.

Вожеватов. Значит, приятели: два тела — одна душа.

Робинзон. И один карман. Имя, отчество? То есть одно имя, отчества не надо.

Вожеватов. Василий Данилыч.

Робинзон. Так вот, Вася, для первого знакомства заплати за меня.

Вожеватов. Гаврило, запиши! Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном катере цыгане, на другом — мы; приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим.

Гаврило. А у меня, Сергей Сергеич, два ананаска давно вас дожидаются, надо их нарушить для вашего приезда.

Паратов *(Гавриле)*. Хорошо срежь! *(Вожеватову.)* Делайте, господа, со мной, что хотите.

Гаврило. Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для таких оказий, уж я и своих людей с вами отпущу.

Вожеватов. Ну ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет, а за недостачу ответишь.

Гаврило. Понимаем-с.

Вожеватов. А назад поедем, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Робинзон. Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то!

Паратов. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью, так чтоб было чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

Вожеватов. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич...

Кнуров. Отозваны мы.

Паратов. Откажитесь, господа!

Вожеватов. Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

Паратов. Лариса выходит замуж! *(Задумывается.)* Что ж... Бог с ней!.. Это даже лучше. Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать; ну, а теперь она выходит замуж, значит, старые счеты покончены, и я могу опять явиться, поцеловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну, для краткости, тетенькой зову. Ведь я было чуть не женился на Ларисе,— вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит... это очень мило с ее стороны; все-таки на душе у меня немного полегче... и дай ей бог здоровья и всякого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее.

Вожеватов. Уж, наверное, и вас пригласят.

Паратов. Само собой, как же можно без меня!

Кнуров. Я очень рад, все-таки будет с кем хоть слово за обедом перемолвить.

Вожеватов. Там и потолкуем, как нам веселее время провести, может, и еще что придумаем.

Паратов. Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться... N'est ce pas[1], Робинзон?

Робинзон. Вуй[2], ля Серж!

Вожеватов. Постараемся, скучать не будете, на том стоим. Мы третий катер прихватим, полковую музыку посадим.

Паратов. До свидания, господа! Я в гостиницу... Марш, Робинзон!

Робинзон *(поднимая шляпу)*.

Да здравствует веселье!
Да здравствует Услад!

[1] Не правда ли (*франц.*).
[2] Да (от *франц.* oui).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лица

Огудалова.
Лариса.
Карандышев.
Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Илья, цыган.
Лакей Огудаловой.

Комната в доме Огудаловой. Две двери: одна в глубине, входная; другая налево (от актеров); направо — окно, мебель приличная; фортепьяно, на нем лежит гитара.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огудалова одна, подходит к двери налево, с коробочкой в руках.

Огудалова. Лариса, Лариса!

Лариса за сценой: «Я, мама, одеваюсь».

Погляди-ка, какой тебе подарок Вася привез!

Лариса за сценой: «После погляжу!»

Какие вещи — рублей пятьсот стоят. «Положите, говорит, завтра поутру в ее комнату и не говорите, от кого». А ведь знает, плутишка, что я не утерплю — скажу. Я его просила посидеть, не остался; с каким-то иностранцем сздит, город ему показывает. Да ведь шут он, у него не разберешь, нарочно он или вправду. «Надо, говорит, этому иностранцу все замечательные трактирные заведения показать!» Хотел к нам привезти этого иностранца. *(Взглянув в окно.)* А вот и Мокий Парменыч! Не выходи, я лучше одна с ним потолкую.

Входит Кнуров.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Огудалова, Кнуров.

Кнуров *(в дверях)*. У вас никого нет?
Огудалова. Никого, Мокий Парменыч!
Кнуров *(входит)*. Ну и прекрасно.

Огудалова. На чем записать такое счастие! Благодарна, Мокий Парменыч, очень благодарна, что удостоили. Я так рада, растерялась, право... не знаю, где и посадить вас.

Кнуров. Все равно, сяду где-нибудь. *(Садится.)*

Огудалова. А Ларису извините: она переодевается. Да ведь можно ее поторопить.

Кнуров. Нет, зачем беспокоить!

Огудалова. Как это вы вздумали?

Кнуров. Брожу ведь я много пешком перед обедом-то, ну вот и зашел.

Огудалова. Будьте уверены, Мокий Парменыч, что мы за особенное счастье поставляем ваш визит; ни с чем этого сравнить нельзя.

Кнуров. Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну?

Огудалова. Да, замуж, Мокий Парменыч!

Кнуров. Нашелся жених, который берет без денег?

Огудалова. Без денег, Мокий Парменыч! Где ж нам взять денег-то?

Кнуров. Что ж он, средства имеет большие, жених-то ваш?

Огудалова. Какие средства! Самые ограниченные!

Кнуров. Да... А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?

Огудалова. Не знаю, Мокий Парменыч! Я тут ни при чем: ее воля была.

Кнуров. Ну, а этот молодой человек, как, по-вашему, хорошо поступает?

Огудалова. Что ж, я нахожу, что это похвально с его стороны.

Кнуров. Ничего тут нет похвального, напротив, это непохвально. Пожалуй, с своей точки зрения, он не глуп; что он такое... кто его знает, кто на него обратит внимание! А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например... Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует.

Огудалова. Сделайте одолжение, Мокий Парменыч!

Кнуров. Как вы думаете о вашей дочери, что она такое?

Огудалова. Да уж я не знаю, что и говорить; мне одно осталось: слушать вас.

Кнуров. Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского нет. Ну, понимаете, тривиального,[1] что нужно для бедной семейной жизни?

Огудалова. Ничего нет, ничего.

Кнуров. Ведь это эфир?

Огудалова. Эфир, Мокий Парменыч!

Кнуров. Она создана для блеску!

Огудалова. Для блеску, Мокий Парменыч!

Кнуров. Ну, а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?

Огудалова. Нет, где же!

Кнуров. Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Зачахнуть, а потом, как водится,— чахотка.

Огудалова. Ах, что вы, что вы! Сохрани бог!

Кнуров. Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

Огудалова. Опять беда, Мокий Парменыч, чем мне жить с дочерью!

Кнуров. Ну, эта беда поправимая. Теплое участие сильного, богатого человека...

Огудалова. Хорошо, как найдется это участие.

Кнуров. Надо постараться приобресть. В таких случаях доброго друга, солидного, прочного, иметь необходимо.

Огудалова. Уж как необходимо-то.

Кнуров. Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтоб вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею... Что вы улыбаетесь?

Огудалова. Я очень рада, Мокий Парменыч, что вы так расположены к нам.

---

[1] Тривиальное — избитое, пошлое, лишенное оригинальности.

Кнуров. Вы, может быть, думаете, что такие предложения не бывают бескорыстны?

Огудалова. Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров. Обижайтесь, если угодно, прогоните меня!

Огудалова *(конфузясь)*. Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров. Найдите таких людей, которые посулят вам десятки тысяч даром, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать; не найдете. Но я увлекся в сторону, я пришел не для этих разговоров. Что это у вас за коробочка?

Огудалова. Это я, Мокий Парменыч, хотела дочери подарок сделать...

Кнуров *(рассматривая вещи)*. Да...

Огудалова. Да дорого, не по карману.

Кнуров *(отдает коробочку)*. Ну, это пустяки, есть дела поважнее. Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть мало сказать хороший — очень хороший. Подвенечное платье, ну, и все там, что следует.

Огудалова. Да, да, Мокий Парменыч.

Кнуров. Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не рассчитывайте и не копейничайте! А счеты пришлите ко мне: я заплачу.

Огудалова. Право, даже уж и слов-то не подберешь, как благодарить вас.

Кнуров. Вот зачем, собственно, я зашел к вам. *(Встает.)*

Огудалова. А все-таки мне завтра хотелось бы дочери сюрприз сделать. Сердце матери, знаете...

Кнуров. *(берет коробочку)*. Ну, что там такое? Что стоит?

Огудалова. Оцените, Мокий Парменыч!

Кнуров. Что тут ценить! Пустое дело! Триста рублей это стоит. *(Достает из бумажника деньги и отдает Огудаловой.)* До свиданья! Я пойду еще побродить... Я нынче на хороший обед рассчитываю. За обедом увидимся. *(Идет к двери)*.

Огудалова. Очень, очень вам благодарна за все, Мокий Парменыч, за все!

Кнуров уходит. Входит Лариса с корзинкой в руке.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Огудалова, Лариса.

Лариса *(ставит корзинку на стол и рассматривает вещи в коробочке)*. Это Вася-то подарил? Недурно. Какой милый!

Огудалова. «Недурно»! Это очень дорогие вещи. Будто ты не рада?

Лариса. Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова. Ты поблагодари Васю, так шепни ему на ухо: «Благодарю, мол». И Кнурову тоже.

Лариса. А Кнурову за что?

Огудалова. Уж так надо; я знаю, за что.

Лариса. Ах, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

Огудалова. Ну, ну, хитрости! Без хитростей на свете не проживешь.

Лариса. *(берет гитару, садится к окну и запевает)*.

Матушка, голубушка, солнышко мое,
Пожалей, родимая, дитятко твое.

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться.

Огудалова. Ну, вот и прекрасно! В какой уезд?

Лариса. В Заболотье.

Огудалова. Ай, в лес ведь это? Что ему вздумалось такую даль?

Лариса. Там кадидатов меньше; наверно, выберут.

Огудалова. Что ж, ничего,— и там люди живут.

Лариса. Мне хоть бы в лес, да только поскорей отсюда вырваться.

Огудалова. Да оно и хорошо в захолустье пожить, там и твой Карандышев мил покажется, пожалуй, первым человеком в уезде будет, вот помаленьку и привыкнешь к нему.

Лариса. Да он и здесь хорош; я в нем ничего не замечаю дурного.

Огудалова. Ну, что уж! Такие ль хорошие-то бывают!

Лариса. Конечно, есть и лучше; я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова. Есть, да не про нашу честь.

Лариса. Теперь для меня и этот хорош... Да что толковать, дело решенное.

Огудалова. Я ведь только радуюсь, что он тебе нравится. Слава богу! Осуждать его перед тобой я не стану, а и притворяться-то нам друг перед другом нечего — ты сама не слепая.

Лариса. Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам; собирать ягоды, грибы...

Огудалова. Вот для чего ты корзиночку-то приготовила. Понимаю теперь. Ты уж и шляпу соломенную с широкими полями заведи, вот и будешь пастушкой.

Лариса. И шляпу заведу. *(Запевает.)*

Не искушай меня без нужды...

Там спокойствие, тишина.

Огудалова. А вот сентябрь настанет, так не очень тихо будет: ветер-то загудит в окно.

Лариса. Ну, что ж такое?

Огудалова. Волки завоют на разные голоса.

Лариса. Все-таки лучше, чем здесь. Я, по крайней мере, душой отдохну.

Огудалова. Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать, а то как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Лариса. Благодарю тебя... Но пусть там и дико, и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем. Что это Юлий Капитоныч медлит, я не понимаю.

Огудалова. До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: из ничего, да в люди попал.

Лариса *(напевает)*.

Не искушай меня без нужды...

Экая досада, не налажу никак. *(Взглянув в окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку! Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

Входит Илья.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Огудалова, Лариса, Илья.

Илья. С праздником! Дай бог здорово да счастливо! *(Кладет фуражку на стул у двери.)*

Лариса. Илья, наладь мне: «Не искушай меня без нужды». Все сбиваюсь. *(Подает гитару.)*

Илья. Сейчас, барышня! *(Берет гитару и подстраивает.)* Хороша песня; она в три голоса хороша, тенор надо: второе колено делает... Больно хорошо. А у нас беда, ах беда!

Огудалова. Какая беда?

Илья. Антон у нас есть, тенор поет...

Огудалова. Знаю, знаю.

Илья. Один тенор и есть, а то все басы. Какие басы, какие басы! А тенор один Антон!

Огудалова. Так что ж?

Илья. Не годится в хор,— хоть брось.

Огудалова. Нездоров?

Илья. Нет, здоров, совсем невредимый.

Огудалова. Что же с ним?

Илья. Пополам перегнуло набок, совсем углом, так глаголем и ходит... другая неделя... ах, беда! Теперь в хоре всякий лишний человек дорого стоит, а без тенора как быть! К дохтору ходил, дохтор и говорит: «Через неделю, через две отпустит, опять прямой будешь». А нам теперь его надо.

Лариса. Да ты пой!

Илья. Сейчас, барышня... Секунда фальшивит. Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его набок перегнуло.

Огудалова. От чего это с ним?

Илья. От глупости.

Огудалова. От какой глупости?

Илья. Такая есть глупость в нас. Говорил: «Наблюдай, Антон, эту осторожность!» А он не понимает.

Огудалова. Да и мы не понимаем.

Илья. Ну, не вам будь сказано: гулял. Так гулял, так гулял! Я говорю: «Антон, наблюдай эту осторожность!» А он не понимает. Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек стоит, вот какое дело у нас, такого ба-

рина ждем, а Антона набок свело. Какой прямой цыган был, а теперь кривой! *(Запевает басом.)* «Не искушай...»

Голос в окне: «Илья, Илья, ча одарйк! ча сегёр!»[1]

Палсо? Со туке требе?[2]

Голос с улицы: «Иди, барин приехал!»

Хохавеса?[3].

Голос с улицы: «Верно приехал!»

Некогда, барышня, барин приехал! *(Кладет гитару и берет фуражку.)*

Огудалова. Какой барин?

Илья. Такой барин, ждем не дождемся; год ждали — вот какой барин! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Огудалова, Лариса.

Огудалова. Кто ж бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет. Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса. Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

Огудалова. Эко страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала? Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолоду, чтоб потом пожить по-человечески.

Лариса. Нет, не могу, тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова. А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем.

Лариса. Опять притворяться, опять лгать.

Огудалова. И притворяйся и лги! Счастье не пойдет за тобой, если сама от него бегаешь.

Входит Карандышев.

---

[1] Поди сюда! или скорей! *(Перевод А. Н. Островского).*
[2] Зачем? Что тебе? *(Перевод А. Н. Островского).*
[3] Обманываешь! *(Перевод А. Н. Островского).*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Огудалова, Лариса, Карандышев.

Огудалова. Юлий Капитоныч, Лариса у нас в деревню собралась, вот и корзинку для грибов приготовила.

Лариса. Да, сделайте для меня эту милость, поедемте поскорей!

Карандышев. Я вас не понимаю; куда вы торопитесь, зачем?

Лариса. Мне так хочется бежать отсюда.

Карандышев *(запальчиво)*. От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Лариса *(холодно)*. Нет, я за вас не стыжусь. Не знаю, что дальше будет, а пока вы мне еще повода не подали.

Карандышев. Так зачем бежать, зачем скрываться от людей? Дайте мне время устроиться, опомниться, прийти в себя! Я рад, я счастлив. Дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения.

Огудалова. Повеличаться.

Карандышев. Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться.

Лариса. Вы когда же думаете ехать в деревню?

Карандышев. После свадьбы когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться непременно здесь, чтобы не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Лариса. Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

Карандышев *(с сердцем)*. Так правду эту вы знайте про себя! *(Сквозь слезы.)* Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Лариса. Зачем это?

Карандышев. Как зачем? Разве вы уж совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Лариса. Самолюбие! Вы только о себе! Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели!!

Огудалова. Полно, Лариса, что ты?

Лариса. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте: если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее.

Огудалова. Нет, ты не фантазируй! Свадьба так свадьба! Я Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали!

Карандышев. Да и я ничего не пожалею.

Лариса. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

Карандышев. Вот и обед сегодня для меня обойдется недешево.

Огудалова. А этот обед ваш я считаю уж совсем лишним — напрасная трата.

Карандышев. Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

Огудалова. Никому он не нужен.

Карандышев. Мне нужен.

Лариса. Да зачем, Юлий Капитоныч?

Карандышев. Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых, надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними!

Огудалова. Что вы еще придумываете! Ссору, что ли, затеять хотите? Так мы с Ларисой и не поедем.

Лариса. Ах, пожалуйста, не обижайте никого.

Карандышев. Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будет: все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастье, которое вы делаете мне своим выбором, за то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот и все, вот и вся моя месть!

Огудалова. И все это совсем не нужно.

Карандышев. Нет, уж эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство, что ж они им хвастаются. По пятнадцати рублей за порцию чаю бросают!

Огудалова. Все это вы на бедного Васю нападаете.

Карандышев. Да не один Вася, все хороши. Вон посмотрите, что в городе делается, какая радость на лицах. Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу: «Барин приехал, барин приехал...» Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу, из трактира в трактир перекликаются: «Барин приехал, барин приехал!» Цыгане с ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу. Сейчас к гостинице четыре цыганки разряженные в коляске подъехали, поздравить с приездом... Чудо, что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и весь город рад. Хороши нравы!

Огудалова. Да кто приехал-то?

Карандышев. Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

Огудалова. А, так вот кто!

Лариса. Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

Карандышев. Теперь-то и не нужно ехать.

Огудалова. Что ты, Лариса, зачем от него прятаться? Он не разбойник!

Лариса. Что вы меня не слушаете? Топите вы меня, толкаете в пропасть!

Огудалова. Ты сумасшедшая!

Карандышев. Чего вы боитесь?

Лариса. Я не за себя боюсь.

Карандышев. За кого же?

Лариса. За вас.

Карандышев. О, за меня не бойтесь! Я в обиду не дамся. Попробуй он только задеть меня, так увидит...

Огудалова. Нет, что вы! Сохрани вас бог! Это ведь не Вася. Вы поосторожнее с ним, а то жизни не рады будете.

Карандышев *(у окна)*. Вот, извольте видеть, к вам подъехал; четыре иноходца в ряд и цыган на козлах с кучером. Какую пыль в глаза пускает. Оно, конечно, никому вреда нет, пусть тешится, а в сущности-то, и гнусно и глупо.

Лариса *(Карандышеву)*. Пойдемте, пойдемте ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!

Лариса и Карандышев уходят. Входит Паратов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Огудалова, Паратов.

Паратов *(всю сцену ведет в шутливо-серьезном тоне)*. Тетенька, ручку!

Огудалова *(протягивая руку)*. Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!

Паратов. В объятия желаете заключить? Можно. *(Обнимаются и целуются.)*

Огудалова. Каким ветром занесло? Проездом, вероятно?

Паратов. Нарочно сюда, и первый визит к вам, тетенька!

Огудалова. Благодарю. Как поживаете, как дела ваши?

Паратов. Гневить бога нечего, тетенька, живу весело, а дела неважны.

Огудалова *(поглядев на Паратова)*. Сергей Сергеич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?

Паратов. Неприятную телеграмму получил, тетенька.

Огудалова. Какую?

Паратов. Управители мои и управляющие свели без меня домок мой в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животики-с.

Огудалова. И, разумеется, все спасли и все устроили.

Паратов. Никак нет-с; устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась. Впрочем, тетенька, духу не теряю и веселого расположения не утратил.

Огудалова. Вижу, что не утратил.

Паратов. На одном потеряем, на другом выиграем, тетенька, вот наше дело какое.

Огудалова. На чем же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

Паратов. Не нам, легкомысленным джентльменам, новые обороты заводить! За это в долговое отделение, тетенька. Хочу продать свою волюшку.

Огудалова. Понимаю: выгодно жениться хотите? А во сколько вы цените свою волюшку?

Паратов. В полмиллиона-с.

Огудалова. Порядочно.

Паратов. Дешевле, тетенька, нельзя-с, расчету нет, себе дороже, сами знаете.

Огудалова. Молодец мужчина!

Паратов. С тем возьмете.

Огудалова. Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.

Паратов. Очень лестно слышать от вас. Ручку пожалуйте. *(Целует руку.)*

Огудалова. А покупатели, то есть покупательницы-то, есть?

Паратов. Поискать, так найдутся.

Огудалова. Извините за нескромный вопрос!

Паратов. Коли очень нескромный, так не спрашивайте, я стыдлив.

Огудалова. Да полно тебе шутить-то! Есть невеста или нет? Коли есть, так кто она?

Паратов. Хоть зарежьте, не скажу.

Огудалова. Ну, как знаешь.

Паратов. Я бы желал засвидетельствовать свое почтение Ларисе Дмитриевне. Могу я ее видеть?

Огудалова. Отчего же... Я ее сейчас пришлю к вам. *(Берет футляр с вещами.)* Да вот, Сергей Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много не хватает.

Паратов. Тетенька, тетенька! ведь уж человек с трех взяли? Я тактику-то вашу помню.

Огудалова *(берет Паратова за ухо)*. Ах ты, проказник!

Паратов. Я завтра сам привезу подарок, получше этого.

Огудалова. Я позову к вам Ларису. *(Уходит.)*

Входит Лариса.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Паратов, Лариса.

Паратов. Не ожидали?

Лариса. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Паратов. Отчего же перестали ждать?

Лариса. Не надеялась дождаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма.

Паратов. Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Лариса. Я так и думала.

Паратов. И замуж выходите?

Лариса. Да, замуж.

Паратов. А позвольте вас спросить, долго вы меня ждали?

Лариса. Зачем вам знать это?

Паратов. Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна, меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц... имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее...

Лариса. На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич, можете думать обо мне, что вам угодно.

Паратов. Об вас я всегда буду думать с уважением, но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих.

Лариса. Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете.

Паратов. Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шепот, когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, эти клятвы!.. И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

Лариса. Что «женщины»?

Паратов. Ничтожество вам имя!

Лариса. Ах, как вы смеете так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

Паратов. Я не уверен, но полагаю.

Лариса. Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратов. Вы выходите замуж?

Лариса. Но что меня заставило?.. Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если

в доме скандалы, если надо бежать и из дому и даже из города?

Паратов. Лариса, так вы?..

Лариса. Что «я»? Ну, что вы хотели сказать?

Паратов. Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Лариса. Конечно, да. Нечего и спрашивать.

Паратов *(нежно целует руку Ларисы)*. Благодарю вас, благодарю.

Лариса. Вам только и нужно было: вы — человек гордый.

Паратов. Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам, но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Лариса. Неужели?

Паратов. Если б вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Лариса. А теперь?

Паратов. А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся как лучшие друзья.

Лариса. Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

Паратов. Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.

Лариса. И непременно женщине?

Паратов. Уж, разумеется, не мужчине.

Лариса. Да почему?

Паратов. Очень просто, потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобресть ум человеческий.

Лариса. Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это когда-нибудь?

Паратов. Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безе.

Лариса. Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего

не должна была говорить; я надеюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратов. Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор... Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Лариса. Нет, одним только.

Паратов. Немного.

Лариса. Зато дорогим.

Паратов. А именно?

Лариса. Он любит меня.

Паратов. Действительно, дорогим; это для домашнего обихода очень хорошо.

Входят Огудалова и Карандышев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Паратов, Лариса, Огудалова, Карандышев, потом лакей.

Огудалова. Позвольте вас познакомить, господа! *(Паратову.)* Юлий Капитоныч Карандышев! *(Карандышеву.)* Сергей Сергеич Паратов!

Паратов *(подавая руку Карандышеву)*. Мы уж знакомы. *(Кланяясь.)* Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

Карандышев *(сдержанно)*. Очень приятно.

Огудалова. Сергей Сергеич у нас в доме как родной.

Карандышев. Очень приятно.

Паратов *(Карандышеву)*. Вы не ревнивы?

Карандышев. Я надеюсь, что Лариса Дмитриевна не подаст мне никакого повода быть ревнивым.

Паратов. Да ведь ревнивые люди ревнуют без всякого повода.

Лариса. Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет.

Карандышев. Да, конечно, но если бы...

Паратов. О да, да. Вероятно, это было бы что-нибудь очень ужасное.

Огудалова. Что вы, господа, затеяли! Разве нет других разговоров, кроме ревности!

Лариса. Мы, Сергей Сергеич, скоро едем в деревню.

Паратов. От прекрасных здешних мест?

Карандышев. Что же вы находите здесь прекрасного?

Паратов. Ведь это как кому; на вкус, на цвет образца нет.

Огудалова. Правда, правда. Кому город нравится, а кому деревня.

Паратов. Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик.

Огудалова. Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

Паратов. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься.

Карандышев. У бурлаков учиться русскому языку!

Паратов. А почему ж у них не учиться?

Карандышев. Да потому, что мы считаем их...

Паратов. Кто это: мы?

Карандышев *(разгорячась)*. Мы, то есть образованные люди, а не бурлаки.

Паратов. Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаюсь за них, я сам такой же бурлак.

Карандышев. Мы считаем их образцом грубости и невежества.

Паратов. Ну, далее, господин Карандышев!

Карандышев. Все, больше ничего.

Паратов. Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.

Карандышев. Мне — извиняться!

Паратов. Да, уж нечего делать, надо.

Карандышев. Да с какой стати! Это мое убеждение.

Паратов. Но-но-но-но! Отвилять нельзя.

Огудалова. Господа, господа, что вы!

Паратов. Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: ваш жених цел останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут.

Лариса *(Карандышеву)*. Что вы делаете? Просите извинения сейчас, я вам приказываю.

Паратов *(Огудаловой)*. Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю.

Карандышев *(Паратову)*. Я не понимаю...

Паратов. Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!

Огудалова. Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!

Паратов *(Карандышеву)*. Благодарите Харитy Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей! Я еду-еду — не свищу, а наеду — не спущу!

Карандышев хочет отвечать.

Огудалова. Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса, вели шампанского подать да налей им по стаканчику — пусть выпьют мировую.

Лариса уходит.

И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирного характера; я люблю, чтоб все дружно было, согласно.

Паратов. Я и сам мирного характера, курицы не обижу; я никогда первый не начну, за себя я вам ручаюсь.

Огудалова. Юлий Капитоныч, вы — еще молодой человек, вам надо быть поскромнее, горячиться не следует. Извольте-ка вот пригласить Сергея Сергеича на обед, извольте непременно! Нам очень приятно быть с ним вместе.

Карандышев. Я и сам хотел. Сергей Сергеич, угодно вам откушать у меня сегодня?

Паратов *(холодно)*. С удовольствием.

Входит Лариса, за ней человек с бутылкой шампанского и стаканами на подносе.

Лариса *(наливает)*. Господа, прошу покорно.

Паратов и Карандышев берут стаканы.

Прошу вас быть друзьями.

Паратов. Ваша просьба для меня равняется приказу.

Огудалова *(Карандышеву)*. Вот и вы берите пример с Сергея Сергеича!

Карандышев. Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитриевны — закон.

Входит Вожеватов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Огудалова, Лариса, Паратов, Карандышев, Вожеватов, потом Робинзон.

Вожеватов. Где шампанское, там и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитриевна, позвольте белокурому в комнату войти.

Огудалова. Какому белокурому?

Вожеватов. Сейчас увидите. Войди, белокур!

Робинзон входит.

Честь имею представить нового друга моего: лорд Робинзон.

Огудалова. Очень приятно.

Вожеватов *(Робинзону)*. Целуй ручки!

Робинзон целует руки у Огудаловой и Ларисы.

Ну, милорд, теперь поди сюда!

Огудалова. Что это вы как командуете вашим другом?

Вожеватов. Он почти не бывал в дамском обществе, так застенчив. Все больше путешествовал, и по воде и по суше, а вот недавно совсем было одичал на необитаемом острове. *(Карандышеву.)* Позвольте вас познакомить! Лорд Робинзон, Юлий Капитоныч Карандышев.

Карандышев *(подавая руку Робинзону)*. Вы уж давно выехали из Англии?

Робинзон. Yes (Йес) [1].

Вожеватов *(Паратову)*. Я его слова три по-английски выучил, да, признаться, и сам-то не много больше знаю. *(Робинзону.)* Что ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова. Сделайте одолжение.

Вожеватов. Англичане ведь целый день пьют вино, с утра.

[1] Да *(англ.)*.

Огудалова. Неужели вы целый день пьете?

Робинзон. Yes.

Вожеватов. Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати.

Огудалова. Возможно ли?

Робинзон. Yes.

Вожеватов *(Робинзону)*. Ну, наливай!

Робинзон *(налив стаканы)*. If you please! (Иф ю плиз!) [1]

Пьют.

Паратов *(Карандышеву)*. Пригласите и его обедать. Мы с ним везде вместе, я без него не могу.

Карандышев. Как его зовут?

Паратов. Да кто ж их по именам зовет? Лорд-милорд...

Карандышев. Разве он лорд?

Паратов. Конечно, не лорд; да они так любят. А то просто: сэр Робинзон.

Карандышев *(Робинзону)*. Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Робинзон. I thank you (Ай сенк ю) [2].

Карандышев *(Огудаловой)*. Харита Игнатьевна, я отправлюсь домой, мне нужно похлопотать кой о чем. *(Кланяясь всем.)* Я вас жду, господа. Честь имею кланяться! *(Уходит.)*

Паратов *(берет шляпу)*. Да и нам пора, надо отдохнуть с дороги.

Вожеватов. К обеду приготовиться.

Огудалова. Погодите, господа, не все вдруг.

Огудалова и Лариса уходят за Карандышевым в переднюю.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Паратов, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. Понравился вам жених?

Паратов. Чему тут нравиться! Кому он может нравиться! А еще разговариваст, гусь лапчатый!

Вожеватов. Разве было что?

[1] Пожалуйста! *(англ.)*.

[2] Я благодарю вас *(англ.)*.

Паратов. Был разговор небольшой. Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал. Да погоди, дружок, я над тобой, дружок, потешусь. *(Ударив себя по лбу.)* Ах, какая мысль блестящая! Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся...

Вожеватов. Что такое?

Паратов. А вот что... *(Прислушиваясь.)* Идут! После скажу, господа!

Входят Огудалова и Лариса.

Честь имею кланяться.

Вожеватов. До свидания!

Раскланиваются.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Лица

Евфросинья Потаповна, тетка Карандышева.
Карандышев.
Огудалова.
Лариса.
Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон
Иван.
Илья, цыган.

Кабинет Карандышева. Комната, меблированная с претензиями, но без вкуса; на одной стене прибит над диваном ковер, на котором развешано оружие. Три двери: одна посредине, две по бокам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евфросинья Потаповна. Иван (выходит из двери налево)

Иван. Лимонов пожалуйте!

Евфросинья Потаповна. Каких лимонов, аспид?

Иван. Мессинских-с.

Евфросинья Потаповна. На что они тебе понадобились?

Иван. После обеда которые господа кофей кушают, а которые чай, так к чаю требуются.

Евфросинья Потаповна. Вымотали вы из меня всю душеньку нынче. Подай клюковного морсу, разве не все равно. Возьми там у меня графинчик; ты поосторожнее, графинчик-то старенький, пробочка и так еле держится, сургучиком подклеена. Пойдем, я сама выдам. *(Уходит в среднюю дверь. Иван за ней.)*

Входят Огудалова и Лариса слева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Огудалова, Лариса.

Лариса. Ах, мама, я не знала, куда деться.

Огудалова. Я так и ожидала от него.

Лариса. Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

Огудалова. Да, угостил, нечего сказать.

Лариса. Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться... Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.

Огудалова. Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью; вот он и весел. Да разве ты не замечаешь? Его нарочно подпаивают.

Лариса. Ах, ах! останови его, останови его!

Огудалова. Как остановить! он — не малолетний, пора без няньки жить.

Лариса. Да ведь он не глуп, как же он не видит этого!

Огудалова. Не глуп, да самолюбив. Над ним подтрунивают, вина похваливают, он и рад; сами-то только вид делают, что пьют, а ему подливают.

Лариса. Ах! я боюсь, всего боюсь. Зачем они это делают?

Огудалова. Да так просто, позабавиться хотят.

Лариса. Да ведь они меня терзают-то?

Огудалова. А кому нужно, что ты терзаешься. Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?

Лариса. Ах, дело сделано, можно только жалеть, а поправить нельзя.

Входит Евфросинья Потаповна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Огудалова, Лариса и Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Уж откушали? А чаю не угодно?

Огудалова. Нет, увольте.

Евфросинья Потаповна. А мужчины-то что?

Огудалова. Они там сидят, разговаривают.

Евфросинья Потаповна. Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Уж достался мне этот обед; что хлопот, что изъяну! Повариишки разбойники, в кухню-то точно какой победитель придет, слова ему сказать не смей!

Огудалова. Да об чем с ним разговаривать? Коли он хороший повар, так учить его не надо.

Евфросинья Потаповна. Да не об ученье речь, а много очень добра изводят. Кабы свой материал, домашний, деревенский, так я бы слова не сказала, а то купленный, дорогой, так его и жалко. Помилуйте, требует сахару, ванилю, рыбьего клею; а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу а он валит зря: сердце-то и мрет, на него глядя.

Огудалова. Да, для расчетливых людей, конечно...

Евфросинья Потаповна. Какие тут расчеты, коли человек с ума сошел. Возьмем стерлядь: разве вкус-то в ней не один, что большая, что маленькая? А в цене-то разница, ох, велика! Полтинничек десяток и за глаза бы, а он по полтиннику штуку платил.

Огудалова. Ну, этим, что были за обедом, еще погулять по Волге да подрасти бы не мешало.

Евфросинья Потаповна. Ах, да ведь, пожалуй, есть и в рубль и в два; плати, у кого деньги бешеные. Кабы для начальника какого высокого али для владыки, ну, уж это так и полагается, а то для кого! Опять

вино хотел было дорогое покупать, в рубль и больше, да купец честный человек попался: берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим, какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется! И деньги немалые: шесть гривен за бутылку; а уж и стоит дать. А дороже платить не из чего, жалованьем живем. Вот у нас сосед женился, так к нему этого одного пуху: перин да подушек, возили-возили, возили-возили, да все чистого; потом пушного: и лисица, и куница, и соболь! Все это в дом, так есть из чего ему тратиться. А вот рядом чиновник женился, так всего приданого привезли фортепьяны старые. Не разживешься. Все равно и нам форсить некстати.

Лариса *(Огудаловой)*. Бежала б я отсюда куда глаза глядят.

Огудалова. Невозможно, к несчастию.

Евфросинья Потаповна. Да коли вам не по себе, так пожалуйте ко мне в комнату, а то придут мужчины, накурят так, что не продохнешь. Что я стою-то! Бежать мне серебро сосчитать да запереть, нынче народ без креста.

Огудалова и Лариса уходят в дверь направо. Евфросинья Потаповна в среднюю. Из двери налево выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Паратов, Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. Я, господа, в клуб обедать поеду, я не ел ничего.

Паратов. Подождите, Мокий Парменыч!

Кнуров. Со мной первый раз в жизни такой случай. Приглашают обедать известных людей, а есть нечего... Он человек глупый, господа.

Паратов. Мы не спорим. Надо ему отдать справедливость: он действительно глуп.

Кнуров. И сам прежде всех напился.

Вожеватов. Мы его порядочно подстроили.

Паратов. Да, я свою мысль привел в исполнение.

Мне еще давеча в голову пришло накатить его хорошенько и посмотреть, что выйдет.

Кнуров. Так у вас было задумано?

Паратов. Мы прежде условились. Вот, господа, для таких случаев Робинзоны-то и дороги.

Вожеватов. Золото, а не человек!

Паратов. Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон — натура выдержанная на заграничных винах ярославского производства, ему нипочем. Он пьет да похваливает, пробует то одно, то другое, сравнивает, смакует с видом знатока, но без хозяина пить не соглашается; тот и попался. Человек непривычный, много ль ему надо, скорехонько и дошел до восторга.

Кнуров. Это забавно; только мне, господа, не шутя есть хочется.

Паратов. Еще успеете. Погодите немного, мы попросим Ларису Дмитриевну спеть что-нибудь.

Кнуров. Это другое дело. А где ж Робинзон?

Вожеватов. Они там еще допивают.

Входит Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(падая на диван)*. Батюшки, помогите! Ну, Серж, будешь ты за меня богу отвечать.

Паратов. Что ж ты, пьян, что ли?

Робинзон. Пьян! Разве я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьян, это бы прелесть что такое — лучше бы и желать ничего нельзя. Я с этим добрым намерением ехал сюда, да с этим намерением и на свете живу. Это цель моей жизни.

Паратов. Что ж с тобой?

Робинзон. Я отравлен, я сейчас караул закричу.

Паратов. Да ты что пил-то больше, какое вино?

Робинзон. Кто ж его знает? химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет.

Паратов. Да что на бутылке-то, какой этикет?

Робинзон. На бутылке-то «бургонское», а в бу-

тылке-то «киндер-бальзам»[1] какой-то. Не пройдет мне даром эта специя, уж я чувствую.

Вожеватов. Это случается: как делают вино, так переложат лишнее что-нибудь против пропорции. Ошибиться долго ли? человек — не машина. Мухоморов не переложили ли?

Робинзон. Что тебе весело! Человек погибает, а ты рад.

Вожеватов. Шабаш! Помирать тебе, Робинзон.

Робинзон. Ну, это вздор, помирать я не согласен... Ах, хоть бы знать, какое увечье-то от этого вина бывает.

Вожеватов. Один глаз лопнет непременно, ты так и жди.

За сценой голос Карандышева: «Эй, дайте нам бургонского».

Робинзон. Ну вот, изволите слышать, опять бургонского! Спасите, погибаю! Серж, пожалей хоть ты меня! Ведь я в цвете лет, господа, я подаю большие надежды. За что ж искусство должно лишиться...

Паратов. Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чем помочь тебе; как рукой снимет.

Входит Карандышев с ящиком сигар.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон и Карандышев.

Робинзон (*взглянув на ковер*). Что это у вас такое?

Карандышев. Сигары.

Робинзон. Нет, что развешано-то? Бутафорские вещи?

Карандышев. Какие бутафорские вещи? Это турецкое оружие.

Паратов. Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут.

Карандышев. Как? что за шутки! Помилуйте, что это за вздор! Чем я виноват?

[1] «Киндер-бальзам» — детский бальзам (*нем.* Kinder-balsam), сладкая слабая спиртовая настойка.

Паратов. Вы забрали у них все дрянное, негодное оружие; вот они с горя хорошим английским и запаслись.

Вожеватов. Да, да, вот кто виноват! теперь нашлось. Ну, вам австрийцы спасибо не скажут.

Карандышев. Да чем оно негодное? Вот этот пистолет, например. (*Снимает со стены пистолет.*)

Паратов (*берет у него пистолет*). Этот пистолет?

Карандышев. Ах, осторожнее, он заряжен!

Паратов. Не бойтесь! Заряжен ли он, не заряжен ли, опасность от него одинаковая: он все равно не выстрелит. Стреляйте в меня в пяти шагах, я позволяю.

Карандышев. Ну нет-с, и этот пистолет пригодиться может.

Паратов. Да, в стену гвозди вколачивать. (*Бросает пистолет на стол.*)

Вожеватов. Ну нет, не скажите! По русской пословице: «На грех и из палки выстрелишь».

Карандышев (*Паратову*). Не угодно ли сигар?

Паратов. Да ведь, чай, дорогие? Рублей семь сотня, я думаю.

Карандышев. Да-с, около того: сорт высокий, очень высокий сорт.

Паратов. Я этот сорт знаю: Регалия капустиссима dos amigos[1], я его держу для приятелей, а сам не курю.

Карандышев (*Кнурову*). Не прикажете ли?

Кнуров. Не хочу я ваших сигар — свои курю.

Карандышев. Хорошенькие сигары, хорошенькие-с.

Кнуров. Ну, а хорошие, так и курите сами.

Карандышев (*Вожеватову*). Вам не угодно ли?

Вожеватов. Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина — ягода нежная.

Карандышев. А вы, сэр Робинзон, курите?

Робинзон. Я-то? Странный вопрос! Пожалуйте пяточек! (*Выбирает пять штук, вынимает из кармана бумажку и тщательно завертывает.*)

Карандышев. Что же вы не закуриваете?

[1] Примерный перевод: сигары «Королевские» из капустного листа для друзей.

Робинзон. Нет, как можно! Эти сигары надо курить в природе, в хорошем местоположении.

Карандышев. Да почему же?

Робинзон. А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, прибьют, чего я терпеть не могу.

Вожеватов. Не любишь, когда бьют?

Робинзон. Нет, с детства отвращение имею.

Карандышев. Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин. *(Громко.)* А где наши дамы? *(Еще громче.)* Где дамы?

Входит Огудалова.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Огудалова.

Огудалова. Дамы здесь, не беспокойтесь. *(Карандышеву, тихо.)* Что вы делаете? Посмотрите вы на себя!

Карандышев. Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите, все пьяны, а я только весел. Я счастлив сегодня, я торжествую.

Огудалова. Торжествуйте, только не так громко. *(Подходит к Паратову.)* Сергей Сергеич, перестаньте издеваться над Юлием Капитонычем! Нам больно видеть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратов. Ах, тетенька, смею ли я!

Огудалова. Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Как не стыдно!

Паратов. Что вы? Я, тетенька, не злопамятен. Да извольте, я для вашего удовольствия все это покончу одним разом. Юлий Капитоныч!

Карандышев. Что вам угодно?

Паратов. Хотите брудершафт со мной выпить?

Огудалова. Вот это хорошо. Благодарю вас!

Карандышев. Брудершафт, вы говорите? Извольте, с удовольствием.

Паратов *(Огудаловой)*. Да попросите сюда Ларису Дмитриевну! Что она прячется от нас!

Огудалова. Хорошо, я приведу ее. *(Уходит.)*

Карандышев. Что же мы выпьем? Бургонского?

Паратов. Нет, уж от бургонского увольте! Я человек простой.

Карандышев. Так чего же?

Паратов. Знаете что: любопытно теперь нам с вами коньячку выпить. Коньяк есть?

Карандышев. Как не быть! У меня все есть. Эй, Иван, коньяку!

Паратов. Зачем сюда, мы там выпьем; только велите стаканчиков дать, я рюмок не признаю.

Робинзон. Что ж вы прежде не сказали, что у вас коньяк есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватов. Как он ожил!

Робинзон. С этим напитком я обращаться умею, я к нему применился.

Паратов и Карандышев уходят в дверь налево.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(глядит в дверь налево)*. Погиб Карандышев. Я начал, а Серж его докончит. Наливают, устанавливаются в позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсем Бертрам. *(Поет из «Роберта».)* «Ты мой спаситель».— «Я твой спаситель!» — «И покровитель».— «И покровитель». Ну, проглотил. Целуются. *(Поет.)* «Как счастлив я!» — «Жертва моя!» Ай, уносит Иван коньяк, уносит! *(Громко.)* Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. *(Убегает.)*

Из средней двери выходит Илья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Кнуров, Вожеватов, Илья, потом Паратов.

Вожеватов. Что тебе, Илья?

Илья. Да наши готовы, собрались совсем, на бульваре дожидаются. Когда ехать прикажете?

Вожеватов. Сейчас все вместе поедем, подождите немного!

Илья. Хорошо. Как прикажете, так и будет.

Входит Паратов.

Паратов. А, Илья, готовы?

Илья. Готовы, Сергей Сергеич!

Паратов. Гитара с тобой?

Илья. Не захватил, Сергей Сергеич.

Паратов. Гитару нужно, слышишь?

Илья. Сейчас сбегаю, Сергей Сергеич! *(Уходит.)*

Паратов. Я хочу попросить Ларису Дмитриевну спеть нам что-нибудь, да и поедемте за Волгу.

Кнуров. Не весела наша прогулка будет без Ларисы Дмитриевны. Вот если бы... Дорого можно заплатить за такое удовольствие...

Вожеватов. Если бы Лариса Дмитриевна поехала, я бы с радости всех гребцов по рублю серебром оделил.

Паратов. Представьте, господа, я и сам о том же думаю; вот как мы сошлись.

Кнуров. Да есть ли возможность?

Паратов. На свете нет ничего невозможного, говорят философы.

Кнуров. А Робинзон, господа, лишний. Потешились, и будет. Напьется он там до звериного образа — что хорошего! Эта прогулка дело серьезное, он нам совсем не компания. *(Указывая в дверь.)* Вон он как к коньяку-то прильнул.

Вожеватов. Так не брать его.

Паратов. Увяжется как-нибудь.

Вожеватов. Погодите, господа, я от него отделаюсь. *(В дверь.)* Робинзон!

Входит Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон. Что тебе?

Вожеватов *(тихо)*. Хочешь ехать в Париж?

Робинзон. Как в Париж, когда?

Вожеватов. Сегодня вечером.

Робинзон. А мы за Волгу сбирались.

Вожеватов. Как хочешь; поезжай за Волгу, а я в Париж.

Робинзон. Да ведь у меня паспорта нет.

Вожеватов. Это уж мое дело.

Робинзон. Я пожалуй.

Вожеватов. Так отсюда мы поедем вместе; я тебя завезу домой к себе; там и жди меня, отдохни, усни. Мне нужно заехать по делам места в два.

Робинзон. А интересно бы и цыган послушать.

Вожеватов. А еще артист! Стыдись! Цыганские песни, ведь это невежество. То ли дело итальянская опера или оперетка веселенькая! Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл!

Робинзон. Еще бы! я в «Птичках певчих» играл.

Вожеватов. Кого?

Робинзон. Нотариуса.

Вожеватов. Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать! После Парижа тебе какая цена-то будет!

Робинзон. Руку!

Вожеватов. Едешь?

Робинзон. Еду!

Вожеватов *(Паратову)*. Как он тут пел из «Роберта». Что за голос!

Паратов. А вот мы с ним в Нижнем на ярмарке дел наделаем.

Робинзон. Еще поеду ли я, спросить надо.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежества я и без ярмарки довольно вижу.

Паратов. Ого, как он поговаривать начал!

Робинзон. Нынче образованные люди в Европу ездят, а не по ярмаркам шатаются.

Паратов. Какие же государства и какие города Европы вы осчастливить хотите?

Робинзон. Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь.

Вожеватов. Мы с ним сегодня вечером едем.

Паратов. А, вот что! Счастливого пути! В Париж тебе действительно надо ехать. Там только тебя и недоставало. А где же хозяин?

Робинзон. Он там, он говорил, что сюрприз нам готовит.

Входят справа Огудалова и Лариса; слева Карандышев и Иван.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев, Иван, потом Илья и Евфросинья Потаповна.

Паратов *(Ларисе)*. Что вы нас покинули?

Лариса. Мне что-то нездоровится.

Паратов. А мы сейчас с вашим женихом брудершафт выпили. Теперь уж друзья навек.

Лариса. Благодарю вас. *(Жмет руку Паратову.)*

Карандышев *(Паратову)*. Серж!

Паратов *(Ларисе)*. Вот видите, какая короткость! *(Карандышеву.)* Что тебе?

Карандышев. Тебя кто-то спрашивает.

Паратов. Кто там?

Иван. Цыган Илья.

Паратов. Так зови его сюда.

Иван уходит.

Господа, извините, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих друзей. Это мое правило.

Вожеватов *(тихо Ларисе)*. Я новую песенку знаю.

Лариса. Хорошая?

Вожеватов. Бесподобная! «Веревьюшки веревью, на барышне башмачки».

Лариса. Это забавно.

Вожеватов. Я вас выучу.

Входит Илья с гитарой.

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас целый год не слыхал, да, вероятно, и не услышу уж более.

Кнуров. Позвольте и мне повторить ту же просьбу!

Карандышев. Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитриевна не станет петь.

Паратов. Да почем ты знаешь, что не станет? А может быть, и станет.

Лариса. Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не в голосе.

Кнуров. Что-нибудь, что вам угодно!

Карандышев. Уж коли я говорю, что не станет, так не станет.

Паратов. А вот посмотрим. Мы попросим хорошенько, на колени станем.

Вожеватов. Это я сейчас, я человек гибкий.

Карандышев. Нет, нет, и не просите, нельзя; я запрещаю!

Огудалова. Что вы! Запрещайте тогда, когда будете иметь право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карандышев. Нет, нет! я положительно запрещаю.

Лариса. Вы запрещаете? так я буду петь, господа.

Карандышев, надувшись, отходит в угол и садится.

Паратов. Илья!

Илья. Что будем петь, барышня?

Лариса. «Не искушай».

Илья *(подстраивая гитару)*. Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости. *(Поют в два голоса.)*

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волоса. Ко второму куплету слегка пристает Робинзон.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям.

(Робинзону.) Вот спасибо, барин. Выручил.

Кнуров *(Ларисе)*. Велико наслаждение видеть вас, а еще больше наслаждения слушать вас.

Паратов *(с мрачным видом)*. Мне кажется, я с ума сойду. *(Целует руку Ларисы.)*

Вожеватов. Послушать, да и умереть — вот оно что! *(Карандышеву.)* А вы хотели лишить нас этого удовольствия.

Карандышев. Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пением Ларисы Дмитриевны. Мы сейчас выпьем шампанского за ее здоровье.

Вожеватов. Умную речь приятно и слышать.

Карандышев *(громко)*. Подайте шампанского!

Огудалова *(тихо)*. Потише! Что вы кричите!

Карандышев. Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что делаю. *(Громко.)* Подайте шампанского!

Входит Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Какого тебе еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

Карандышев. Не мешайтесь не в свое дело! Исполняйте, что вам приказывают!

Евфросинья Потаповна. Так поди сам! А уж я ноги отходила; я еще, может быть, не евши с утра. *(Уходит.)*

Карандышев идет в дверь налево.

Огудалова. Послушайте, Юлий Капитоныч... *(Уходит за Карандышевым.)*

Паратов. Илья, поезжай! Чтоб катера были готовы. Мы сейчас приедем.

Илья уходит в среднюю дверь.

Вожеватов *(Кнурову)*. Оставим его одного с Ларисой Дмитриевной. *(Робинзону.)* Робинзон, смотри, Иван коньяк-то убирает.

Робинзон. Да я его убью. Мне легче с жизнью расстаться!

Уходят налево Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Лариса и Паратов.

Паратов. Очаровательница! *(Страстно глядит на Ларису.)* Как я проклинал себя, когда вы пели!

Лариса. За что?

Паратов. Ведь я — не дерево; потерять такое сокровище, как вы, разве легко?

Лариса. Кто же виноват?

Паратов. Конечно, я, и гораздо более виноват, чем вы думаете. Я должен презирать себя.

Лариса. За что же, скажите!

Паратов. Зачем я бежал от вас? На что променял вас?

Лариса. Зачем же вы это сделали?

Паратов. Ах, зачем! Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать.

Лариса. Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

Паратов. Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсем опошлился, не совсем огрубел; во мне врожденного торгашества нет; благородные чувства еще шевелятся в душе моей. Еще несколько таких минут, да... еще несколько таких минут...

Лариса *(тихо)*. Говорите!

Паратов. Я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня; разве вместе с моею жизнью.

Лариса. Чего же вы хотите?

Паратов. Видеть вас, слушать вас... Я завтра уезжаю.

Лариса *(опустя голову)*. Завтра.

Паратов. Слушать ваш очаровательный голос, забывать весь мир и мечтать только об одном блаженстве.

Лариса *(тихо)*. О каком?

Паратов. О блаженстве быть рабом вашим, быть у ваших ног.

Лариса. Но как же?

Паратов. Послушайте: мы едем всей компанией кататься по Волге на катерах — поедемте!

Лариса. Ах! а здесь? Я не знаю, право... как же здесь?

Паратов. Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут: тетка Карандышева, барыня в крашеных шелковых платьях, разговор будет о соленых грибах.

Лариса. Когда же ехать?

Паратов. Сейчас.

Лариса. Сейчас?

Паратов. Сейчас или никогда.

Лариса. Едемте.

Паратов. Как, вы решаетесь ехать за Волгу?

Лариса. Куда вам угодно.

Паратов. С нами, сейчас?

Лариса. Когда вам угодно.

Паратов. Ну, признаюсь, выше и благородней этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное создание! Повелительница моя!

Лариса. Вы — мой повелитель!

Входят Огудалова, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван с подносом, на котором стаканы шампанского.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван.

Паратов *(Кнурову и Вожеватову)*. Она поедет.

Карандышев. Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну.

Все берут стаканы.

Господа, вы сейчас восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Ваши похвалы — для нее не новость; с детства она окружена поклонниками, которые восхваляют ее в глаза при каждом удобном случае. Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное, неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны то, господа... то, господа...

Вожеватов. Спутается.

Паратов. Нет, вынырнет, выучил.

Карандышев. То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного...

Паратов *(одобрительно)*. Браво, браво!

Карандышев. И выбрала...

Паратов. Вас! Браво, браво!

Вожеватов и Робинзон. Браво, браво!

Карандышев. Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь! Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать; но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое

лестное для меня предпочтение. Господа, я сам пью и предлагаю выпить за здоровье моей невесты!

Паратов, Вожеватов и Робинзон. Ура!

Паратов *(Карандышеву)*. Еще есть вино-то?

Карандышев. Разумеется, есть; как же не быть! что ты говоришь? Уж я достану.

Паратов. Надо еще тост выпить.

Карандышев. Какой?

Паратов. За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева.

Карандышев. Ах, да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду похлопочу; я достану. *(Уходит.)*

Кнуров. Ну, хорошенького понемножку. Прощайте! Я заеду закушу и сейчас же на сборный пункт. *(Кланяется дамам.)*

Вожеватов *(указывая на среднюю дверь)*. Здесь пройдите, Мокий Парменыч! Тут прямо выход в переднюю, никто вас и не увидит.

Кнуров уходит.

Паратов *(Вожеватову)*. И мы сейчас едем. *(Ларисе.)* Собирайтесь.

Лариса уходит направо.

Вожеватов. Не дождавшись тоста?

Паратов. Так лучше.

Вожеватов. Да чем же?

Паратов. Смешнее.

Выходит Лариса со шляпой в руках.

Вожеватов. И то смешнее. Робинзон! Едем!

Робинзон. Куда?

Вожеватов. Домой, сбираться в Париж.

Робинзон и Вожеватов раскланиваются и уходят.

Паратов *(тихо, Ларисе)*. Едем! *(Уходит.)*

Лариса. Прощай, мама!

Огудалова. Что ты! Куда ты!

Лариса. Или тебе радоваться, мама, или искать меня в Волге.

Огудалова. Бог с тобой! Что ты!

Лариса. Видно, от своей судьбы не уйдешь! *(Уходит.)*

Огудалова. Вот наконец до чего дошло: всеобщее бегство! Ах, Лариса!.. Догонять мне ее иль нет? Нет, зачем!.. Что бы там ни было, все-таки кругом нее люди... А здесь, хоть и бросить, так потеря не велика!

Входят Карандышев и Иван с бутылкой шампанского.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Огудалова, Карандышев, Иван, потом Евфросинья Потаповна.

Карандышев. Я, господа... *(Оглядывает комнату.)* Где ж они? Уехали? Вот это учтиво, нечего сказать! Ну, да тем лучше! Однако когда ж они успели? И вы, пожалуй, уедете! Нет, уж вы-то с Ларисой Дмитриевной погодите! Обиделись? — понимаю. Ну, и прекрасно. И мы останемся в тесном семейном кругу... А где же Лариса Дмитриевна? *(У двери направо.)* Тетенька, у вас Лариса Дмитриевна?

Евфросинья Потаповна *(входя)*. Никакой у меня твоей Ларисы Дмитриевны нет.

Карандышев. Однако что ж это такое, в самом деле! Иван, куда девались все господа и Лариса Дмитриевна?

Иван. Лариса Дмитриевна, надо полагать, с господами вместе уехали... Потому как господа за Волгу сбирались, вроде как пикник у них.

Карандышев. Как за Волгу?

Иван. На катерах-с. И посуда и вина, все от нас пошло-с; еще давеча отправили; ну, и прислуга — все как следует-с.

Карандышев *(садится и хватается за голову)*. Ах, что же это, что же это!

Иван. И цыгане и музыка с ними — все как следует.

Карандышев *(с горячностью)*. Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша дочь?

Огудалова. Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!

Карандышев. И все это преднамеренно, умышленно — все вы вперед сговорились... *(Со слезами.)* Жестоко, бесчеловечно жестоко!

Огудалова. Рано было торжествовать-то!

Карандышев. Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон — ну, смейся надо мной, смейся в глаза! Приходите ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной — я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Евфросинья Потаповна. Да полно ты, перестань! Не о чем сокрушаться-то!

Карандышев. И ведь это не разбойники, это почетные люди... Это всё приятели Хариты Игнатьевны.

Огудалова. Я ничего не знаю.

Карандышев. Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники — злодеи, и смирный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остается только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить. Для меня нет теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душат меня. Я буду мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого. *(Схватывает со стола пистолет и убегает.)*

Огудалова. Что он взял-то?

Иван. Пистолет.

Огудалова. Беги, беги за ним, кричи, чтоб остановили.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лица

Паратов.
Кнуров.
Вожеватов.
Робинзон.
Лариса.
Карандышев.
Илья.
Гаврило.
Иван.
Цыгане и цыганки.

Декорация первого действия. Светлая летняя ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Робинзон с мазиком в руке и Иван (выглядывает из кофейной).

Иван. Мазик-то[1] пожалуйте!

Робинзон. Не отдам. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иван. Да как же играть с вами, когда вы денег не платите!

Робинзон. Я после отдам. Мои деньги у Василья Данилыча, он их увез с собой. Разве ты не веришь?

Иван. Как же вы это с ними на пикник не поехали?

Робинзон. Я заснул; а он не посмел меня беспокоить, будить, ну и уехал один. Давай играть.

Иван. Нельзя-с, игра не равна: я ставлю деньги, а вы нет; выигрываете — берете, а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-с!

Робинзон. Что ж, разве мне кредиту нет? Это странно! Я первый город такой вижу; я везде, по всей России все больше в кредит.

Иван. Это я очень верю-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; знавши Сергея Сергеича и Василья Данилыча, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с...

Робинзон. Так бы ты и говорил. Возьми мазик и дай мне бутылку... чего бы?..

Иван. Портвейн есть недурен-с.

Робинзон. Я ведь дешевого не пью.

Иван. Дорогого подадим-с.

Робинзон. Да вели мне приготовить... знаешь, этого... как оно...

Иван. Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Робинзон. Да, вот именно дупелей...

Иван. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Робинзон. Они пошутить захотели надо мной; ну и прекрасно, и я пошучу над ними. Я с огорчения задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думают, что мне общество их очень нужно — ошибаются; мне только бы кредит; а то я и один не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. К довершению удовольствия, денег бы занять...

[1] Мазик (*итал.* mazza) — бильярдный кий особого устройства.

Входит Иван с бутылкой.

Иван (*ставит бутылку*). Дупеля заказаны-с.

Робинзон. Я здесь театр снимаю.

Иван. Дело хорошее-с.

Робинзон. Не знаю, кому буфет сдать. Твой хозяин не возьмет ли?

Иван. Отчего не взять-с!

Робинзон. Только у меня — чтоб содержать исправно! И, для верности, побольше задатку сейчас же!

Иван. Нет, уж он учен, задатку не дает: его так-то уж двое обманули.

Робинзон. Уж двое? Да, коли уж двое...

Иван. Так третьему не поверит.

Робинзон. Какой народ! Удивляюсь. Везде поспеют; где только можно взять, все уж взято, непочатых мест нет. Ну, не надо, не нуждаюсь я в нем. Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд.

Иван. Да-с, оно, конечно... А как давеча господин Карандышев рассердились, когда все гости вдруг уехали! Очень гневались, даже убить кого-то хотели, так с пистолетом и ушли из дому.

Робинзон. С пистолетом? Это нехорошо.

Иван. Хмельненьки были; я полагаю, что это у них постепенно пройдет-с. Они по бульвару раза два проходили... да вон и сейчас идут.

Робинзон (*оробев*). Ты говоришь, с пистолетом? Он кого убить-то хотел — не меня ведь?

Иван. Уж не могу вам сказать. *(Уходит.)*

Входит Карандышев, Робинзон старается спрятаться за бутылку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Робинзон, Карандышев, потом Иван.

Карандышев (*подходит к Робинзону*). Где ваши товарищи, господин Робинзон?

Робинзон. Какие товарищи? У меня нет товарищей.

Карандышев. А те господа, которые обедали у меня с вами вместе?

Робинзон. Какие ж это товарищи! Это так... мимолетное знакомство.

Карандышев. Так не знаете ли, где они теперь?

Робинзон. Не могу сказать, я стараюсь удалять-ся от этой компании; я человек смирный, знаете ли... семейный...

Карандышев. Вы семейный?

Робинзон. Очень семейный... Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствие какое или ссора — это боже сохрани; я люблю и побеседовать, только чтоб разговор умный, учтивый, об искусстве, например... Ну, с благородным человеком, вот как вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышев. Не хочу.

Робинзон. Как угодно. Главное дело, чтобы неприятности не было.

Карандышев. Да вы должны же знать, где они.

Робинзон. Кутят где-нибудь; что ж им больше-то делать!

Карандышев. Говорят, они за Волгу поехали.

Робинзон. Очень может быть.

Карандышев. Вас не звали с собой?

Робинзон. Нет; я человек семейный.

Карандышев. Когда же они воротятся?

Робинзон. Уж это они и сами не знают, я думаю. К утру вернутся.

Карандышев. К утру?

Робинзон. Может быть, и раньше.

Карандышев. Все-таки надо подождать; мне кой с кем из них объясниться нужно.

Робинзон. Коли ждать, так на пристани; зачем они сюда пойдут! С пристани они прямо домой проедут. Чего им еще? Чай, и так сыты.

Карандышев. Да на какой пристани? Пристаней у нас много.

Робинзон. Да на какой угодно, только не здесь; здесь их не дождетесь.

Карандышев. Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте. *(Подает руку Робинзону.)* Не хотите ли проводить меня?

Робинзон. Нет, помилуйте, я человек семейный.

Карандышев уходит.

Иван, Иван!

Входит Иван.

Накрой мне в комнате и вино перенеси туда!

Иван. В комнате, сударь, душно. Что за неволя!

Робинзон. Нет, мне на воздухе вечером вредно; доктор запретил. Да если этот барин спрашивать будет, так скажи, что меня нет. *(Уходит в кофейную.)*

Из кофейной выходит Гаврило.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гаврило и Иван.

Гаврило. Ты смотрел на Волгу? Не видать наших?

Иван. Должно быть, приехали.

Гаврило. Что так?

Иван. Да под горой шум, эфиопы загалдели. *(Берет со стола бутылку и уходит в кофейную.)*

Входит Илья и хор цыган.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гаврило, Илья, цыгане и цыганки.

Гаврило. Хорошо съездили?

Илья. И, хорошо! Так хорошо, не говори!

Гаврило. Господа веселы?

Илья. Разгулялись, важно разгулялись, дай бог на здоровье! Сюда идут; всю ночь, гляди, прогуляют.

Гаврило *(потирая руки)*. Так ступайте, усаживайтесь! Женщинам велю чаю подать; а вы к буфету — закусите.

Илья. Старушкам к чаю-то ромку вели — любят.

Илья, цыгане, цыганки, Гаврило уходят в кофейную. Выходят Кнуров и Вожеватов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. Кажется, драма начинается.

Вожеватов. Похоже.

Кнуров. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

Вожеватов. Да ведь у них дешевы.

Кнуров. Как хотите, а положение ее незавидное.

Вожеватов. Дело обойдется как-нибудь.

Кнуров. Ну, едва ли.

Вожеватов. Карандышев посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тот же будет.

Кнуров. Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергеич приехал на один день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича; иначе зачем он ей!

Вожеватов. Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее?

Кнуров. Да непременно. И, должно быть, обещания были определенные и серьезные, а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!

Вожеватов. Мудреного нет; Сергей Сергеич ни над чем не задумается: человек смелый.

Кнуров. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет.

Вожеватов. Еще бы! Что за расчет!

Кнуров. Так посудите, каково ей, бедной.

Вожеватов. Что делать-то! Мы не виноваты, наше дело сторона.

На крыльце кофейной показывается Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. А, милорд! Что во сне видел?

Робинзон. Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

Вожеватов. Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Робинзон. Превосходно! Живу в свое удовольст-

вие и притом в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

Вожеватов. Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Робинзон. Да ты — чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

Вожеватов. Что-то я не помню; как будто я тебе открытого листа не давал?

Робинзон. Так ты в Париж обещал со мной ехать — разве это не все равно?

Вожеватов. Нет, не все равно. Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Робинзон. А покуда ты сбираешься в Париж, не воздухом же мне питаться?

Вожеватов. Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Робинзон. Теперь поздно; поедем, Вася, завтра.

Вожеватов. Ну, завтра так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Робинзон. Как один? Я дороги не найду!

Вожеватов. Довезут.

Робинзон. Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно... Хочу выучиться, да все времени нет.

Вожеватов. Да зачем тебе французский язык?

Робинзон. Как же, в Париже да по-французски не говорить?

Вожеватов. Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня, за дурака, что ли, считаешь?

Вожеватов. Да какая столица! Что ты, в уме ли! О каком Париже ты думаешь! Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон. Браво, браво!

Вожеватов. А ты полагал, в настоящий? Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Робинзон. Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негоциант выйдет.

Вожеватов. Да ничего; я стороной слышал, одобряют.

Кнуров. Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

Вожеватов *(подходя)*. Что вам угодно?

Кнуров. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

Вожеватов. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Париж?

Кнуров. Да, пожалуй; если угодно: это одно и то же.

Вожеватов. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

Кнуров. Вы мне мешаете, а я вам. Может быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватов. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч!

Кнуров. Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

Вожеватов. Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

Кнуров *(в раздумье)*. Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно.)* Решетка.

Вожеватов *(поднимая руку)*. Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше.

Кнуров. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов. Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

Кнуров. Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной! Войдемте в кофейную, не будем им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят Паратов и Лариса.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Паратов, Лариса и Робинзон.

Лариса. Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

Паратов. А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Робинзон. С кем это? С тобой, ля Серж, куда хочешь; а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежи!

Паратов. Будто? Давно ли ты догадался?

Робинзон. Всегда знал. Я всегда за дворян.

Паратов. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят — на какого Медичиса [1] нападешь. Не отлучайся, ты мне будешь нужен!

Робинзон. Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие — нет, этого мало,— за счастие, которое вы нам доставили.

Лариса. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?

Паратов. Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Лариса. Я не поеду домой.

Паратов. Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем — это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с

[1] Медичис — здесь: в значении меценат — богатый покровитель наук и искусств.

людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Лариса. Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратов. Вы поедете на моих лошадях — разве это не все равно?

Лариса. Нет, не все равно. Вы меня увезли от жениха; маменька видела, как мы уехали,— она не будет беспокоиться, как бы мы поздно ни возвратились... Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать... чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем не являться домой.

Паратов. Что такое? Что значит: «совсем не являться»? Куда деться вам?

Лариса. Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге — выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

Паратов. Какая экзальтация! Вам можно жить и должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Лариса. Что вы говорите! Я мужа своего, если уж не любить, так хоть уважать должна; а как могу я уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

Паратов. Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательными ко мне.

Лариса. Что вы говорите! Разве вы забыли? Так я вам опять повторю все сначала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась наконец выйти замуж за Карандышева, чуть не за первого встречного. Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

Паратов. Все это прекрасно, и обо всем этом мы с вами потолкуем завтра.

Лариса. Нет, сегодня, сейчас.

Паратов. Вы требуете?

Лариса. Требую.

В дверях кофейной видны Кнуров и Вожеватов.

Паратов. Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?

Лариса. Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратов. Нет, я не так выразился: допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Лариса. Ну, что же! И хорошо, что он забудет.

Паратов. Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Лариса *(задумчиво)*. Неразрывные цепи! *(Быстро.)* Вы женаты?

Паратов. Нет.

Лариса. А всякие другие цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, бóльшую половину тяжести я возьму на себя.

Паратов. Я обручен.

Лариса. Ах!

Паратов *(показывая обручальное кольцо)*. Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь!

Лариса. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! *(Садится на стул.)*

Паратов. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.

Лариса. Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на небе, светло...» Ха, ха, ха! *(Истерически смеется.)* Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. *(Опирает голову на руку.)*

Кнуров, Вожеватов и Робинзон выходят на крыльцо кофейной.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Паратов, Лариса, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Паратов *(подходя к кофейной)*. Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Робинзон. Ля Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

Паратов. Кто «он»?

Робинзон. Карандышев.

Паратов. Так что ж мне за дело!

Робинзон. Он меня убьет.

Паратов. Ну вот, велика важность! Исполняй, что приказываю! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Робинзон. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

Паратов. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное! *(Уходит в кофейную.)*

Робинзон *(грозя кулаком)*. О, варвары, разбойники! Ну, попал я в компанию! *(Уходит.)*

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса *(взглянув на Вожеватова)*. Вася, я погибаю.

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то! Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные: что мне делать — научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы... я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса. Да я ничего не требую от тебя, прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу.

Лариса. И у тебя тоже цепи?

Вожеватов. Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса. Какие?

Вожеватов. Честное купеческое слово. *(Отходит в кофейную.)*

Кнуров *(подходит к Ларисе)*. Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помышлении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастия, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж, на выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит; я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня; и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало. *(Почтительно кланяется и уходит в кофейную.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лариса одна.

Лариса. Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят... верная смерть! *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова и упадешь... Да, это лучше... в беспамятстве, ни боли... ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Пагибается, крепко хватается за решетку, потом с ужа-*

сом отбегает.) Ой, ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку.)* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)* Ох, нет!.. *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя, их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет... не Кнуров... Роскошь, блеск... нет, нет... я далека от суеты... *(Вздрогнув.)* Разврат... ох, нет... Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть... Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всем примириться, всем простить и умереть... Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подпирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лариса, Робинзон и Карандышев.

Карандышев. Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой.

Робинзон. Да-с, велено.

Карандышев. И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзон. Уж чего еще хуже, чего обиднее?

Карандышев. Она сама виновата: ее поступок заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец она сама могла, она имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более оскорблять... Это уж мое дело: прощу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступиться за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Робинзон. Она здесь была. Вот она!

Карандышев. При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзон. С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться. *(Уходит в кофейную.)*

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лариса и Карандышев.

Лариса *(поднимая голову)*. Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

Карандышев. Где же быть мне?

Лариса. Не знаю. Где хотите, только не там, где я.

Карандышев. Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отмстить за ваше оскорбление!

Лариса. Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

Карандышев. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку — и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас как на женщину, как на человека,— человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас как на вещь. Ну, если вы вещь, это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

Лариса *(глубоко оскорбленная)*. Вещь... да, вещь. Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя... я вещь! *(С горячностью.)* Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

Карандышев. Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Лариса. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

Карандышев *(с жаром)*. Я беру вас, я ваш хозяин. *(Хватает ее за руку.)*

Лариса *(оттолкнув его)*. О нет! Каждой вещи

своя цена есть... Ха, ха, ха... я слишком, слишком дорога для вас.

Карандышев. Что вы говорите! Мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Лариса *(со слезами)*. Уж если быть вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

Карандышев. Что вы, что вы, опомнитесь!

Лариса. Ну, так я сама пойду.

Карандышев. Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Лариса *(с горькой улыбкой)*. Вы меня прощаете? Благодарю вас. Только я-то себя не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

Карандышев. Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Лариса. Поздно. Я вас просила взять меня поскорее из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

Карандышев. Ну, я вас умоляю, осчастливьте меня!

Лариса. Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

Карандышев. Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Лариса *(с отвращением)*. Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

Карандышев. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? *(Падает на колени.)* Я вас люблю, люблю.

Лариса. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

Карандышев *(вставая)*. О, не раскайтесь! *(Кладет руку за борт сюртука.)* Вы должны быть моей.

Лариса. Чьей ни быть, но не вашей!

Карандышев *(запальчиво)*. Не моей?

Лариса. Никогда.

Карандышев. Так не доставайся ж ты никому! *(Стреляет в нее из пистолета.)*

Лариса *(хватаясь за грудь)*. Ах! Благодарю вас! *(Опускается на стул.)*

Карандышев. Что я, что я... ах, безумный! *(Роняет пистолет.)*

Лариса *(нежно)*. Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда на стол! Это я сама... сама... Ах, какое благодеяние!.. *(Поднимает пистолет и кладет на стол.)*

Из кофейной выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Лариса, Карандышев, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

Все. Что такое, что такое?

Лариса. Это я сама... Никто не виноват, никто... Это я сама.

За сценой цыгане запевают песню.

Паратов. Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса *(постепенно слабеющим голосом)*. Нет, нет, зачем!.. Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо... умереть... Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю. *(Посылает поцелуй.)*

Громкий хор цыган.

Домна Пантелевна. Так неужели большой?

Нароков. Большой.

Домна Пантелевна. Так теперь и будем знать. Зачем же ты, большой человек, к нам, к маленьким людям, пришел?

Нароков. Так, в этом тоне и будем продолжать, Домна Пантелевна? Откуда это в вас озорство такое?

Домна Пантелевна. Озорство во мне есть, это уж греха нечего таить! Подтрунить люблю, и чтобы стеснять себя в разговоре с тобой, так я не желаю.

Нароков. Да откуда оно в вас, это озорство-то? От природы или от воспитания?

Домна Пантелевна. Ах, батюшки, откуда? Ну, откуда... Да откуда чему другому-то быть? Жила всю жизнь в бедности промежду мещанского сословия: ругань-то каждый божий день по дому кругом ходила, ни отдыху, ни передышки в этом занятии не было. Ведь не из пансиона я, не с мадамами воспитывалась. В нашем звании только в том и время проходит, что все промеж себя ругаются. Ведь это у богатых деликатности разные придуманы.

Нароков. Резон. Понимаю теперь.

Домна Пантелевна. Так неужто ж со всяким нежничать, всякому, с позволения сказать... Сказала б я тебе словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому «вы» говорить?

Нароков. Да, в простонародии все на «ты»...

Домна Пантелевна. «В простонародии»! Скажите пожалуйста! А ты что за барин?

Нароков. Я барин, я совсем барин... Ну, давай на «ты», мне это не в диковину.

Домна Пантелевна. Да какая диковина; обыкновенное дело. В чем же твоя барственность?

Нароков. Я могу сказать тебе, как Лир: каждый вершок меня — барин. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелевна. Ты-то?

Нароков. Я-то!

Домна Пантелевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелевна. Нет, зачем? Не божись, не надо, я и так поверю. Отчего же ты шуфлером служишь?

Нароков. Я не chou-fleur и не siffleur, мадам, и не суфлер [1] даже, а помощник режиссера. Здешний-то театр был мой.

Домна Пантелевна *(с удивлением)*. Твой? Скажите на милость!

Нароков. Я его пять лет держал, а Гаврюшка-то был у меня писарем, роли переписывал.

Домна Пантелевна *(с большим удивлением)*. Гаврила Петрович, антрепренер здешний?

Нароков. Он самый.

Домна Пантелевна. Ах ты, горький! Так вот что. Значит, тебе в этом театрашном деле счастья бог не дал, что ли?

Нароков. Счастья! Да я не знал, куда девать счастье-то, вот сколько его было!

Домна Пантелевна. Отчего ж ты в упадок-то пришел? Пил, должно быть? Куда ж твои деньги девались?

Нароков. Никогда я не пил. Я все свои деньги за счастье-то и заплатил.

Домна Пантелевна. Да какое ж такое счастье у тебя было?

Нароков. А такое и счастье, что я делал любимое дело. *(Задумчиво.)* Я люблю театр, люблю искусство, люблю артистов, понимаешь ты? Продал я свое имение, денег получил много и стал антрепренером. А? Разве это не счастье? Снял здешний театр, отделал все заново: декорации, костюмы; собрал хорошую труппу и зажил, как в раю... Есть ли сборы, нет ли, я на это не смотрел, я всем платил большое жалованье аккуратно. Поблаженствовал я так-то пять лет, вижу, что деньги мои под исход; по окончании сезона рассчитал всех артистов, сделал им обед прощальный, поднес каждому по дорогому подарку на память обо мне...

Домна Пантелевна. Ну, а что ж потом-то?

Нароков. А потом Гаврюшка снял мой театр, а я пошел в службу к нему; платит он мне небольшое жалованье да помаленьку уплачивает за мое обзаведение. Вот и все, милая дама.

---

[1] Каламбур, основанный на созвучии французских слов: «chou fleur» (цветная капуста), «siffleur» (свистун) и суфлер (souffleur).

Домна Пантелевна. Тем ты только и кормишься?

Нароков. Ну нет, хлеб-то я себе всегда достану; я уроки даю, в газеты корреспонденции пишу, перевожу; а служу у Гаврюшки, потому что от театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вот я, человек образованный, с тонким вкусом, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждом шагу оскорбляют мое артистическое чувство. *(Подойдя к столу.)* Что это за книги у вас?

Домна Пантелевна. Саша учится, к ней учитель ходит.

Нароков. Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелевна. Студент, Петр Егорыч. Чай, знаешь его?

Нароков. Знаю. Кинжал в грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелевна. Что больно строго?

Нароков. Без сожаления.

Домна Пантелевна. Погоди колоть-то: он жених Сашин.

Нароков *(с испугом)*. Жених?

Домна Пантелевна. Там еще, конечно, что бог даст, а все-таки женихом зовем. Познакомилась она с ним где-то, ну и стал к нам ходить. Как же его назвать-то? Ну и говоришь, что, мол, жених: а то соседи-то что заговорят! Да и отдам за него, коли место хорошее получит. Где ж женихов-то взять? Вот кабы купец богатый; да хороший-то не возьмет; а которые уж очень-то безобразны, тоже радость не велика. А за него что ж не отдать, парень смирный. Саша его любит.

Нароков. Любит? Она его любит?

Домна Пантелевна. Отчего ж его не любить? Что, в самом деле, по театрам-то трепаться молодой девушке! Никакой основательности к жизни получить себе нельзя!

Нароков. И это ты говоришь?

Домна Пантелевна. Я говорю, и уж давно говорю. Ничего хорошего, окромя дурного.

Нароков. Да ведь твоя дочь талант, она рождена для сцены.

Домна Пантелевна. Для сцены-то для сцены, это точно, это уж что говорить! Она еще маленькая была, так, бывало, не вытащить ее из театра; стоит за кулисами, вся трясется. Муж-то мой, отец-то ее, был музыкант, на флейте играл; так, бывало, как он в театр, так и она за ним. Прижмется к кулисе, да и стоит не дышит.

Нароков. Ну, вот видишь. Ей только на сцене и место.

Домна Пантелевна. Уж куда какое место прекрасное!

Нароков. Да ведь у нее страсть, пойми ты, страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелевна. Хоша бы и страсть, да хорошего-то в этом нет, похвалить-то нечего. Это вот вам, бездомовым да беспутным.

Нароков. О, невежество! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Да ну тебя с кинжалами! У вас путного-то на сцене немного; а я держу свою дочь на замужней линии. Со всех сторон там к ней лезут, да подлипают, да глупости разные в уши шепчут... Вот князь Дулебов повадился, тоже на старости лет ухаживать вздумал... Хорошо это? Как ты скажешь?

Нароков. Князь Дулебов! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Ох, уж много ты очень народу переколол.

Нароков. Много...

Домна Пантелевна. И все живы?

Нароков. А то как же? Конечно, живы, и все в добром здоровье, пролли им, господи, веку. На-ка вот, отдай! *(Подает тетрадку.)*

Домна Пантелевна. Это что ж такое?

Нароков. Роль. Это я сам переписал для нее.

Домна Пантелевна. Да что ж это за парад такой? На тонкой бумаге, связано розовой ленточкой!

Нароков. Ну, да уж ты ей отдай! Что тут разговаривать!

Домна Пантелевна. Да к чему ж эти нежности при нашей бедности? Небось ведь за ленточку-то последний двугривенный отдал?

Нароков. Хоть и последний, так что ж из этого? Ручки у нее хорошенькие, душка еще лучше; нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Домна Пантелевна. Да к чему, к чему это?

Нароков. Что ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; так и должно быть, потому что я в нее влюблен.

Домна Пантелевна. Ах, батюшки! Час от часу не легче! Да ведь ты старик, ведь ты старый шут; какой ты еще любви захотел?

Нароков. Да ведь она хороша? говори: хороша?

Домна Пантелевна. Ну, хороша; так тебе-то что ж?

Нароков. Кто ж хорошее не любит? Ведь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человек влюблен, так сейчас гам... и съел? Из тонких парфюмов соткана душа моя. Где ж тебе это понять!

Домна Пантелевна. А ведь ты чудак, как посмотрю я на тебя.

Нароков. Слава богу, догадалась. Я и сам знаю, что чудак. Что ж, ты меня обругать, что ли, этим словом-то хотела?

Домна Пантелевна *(у окна.)*. Никак князь подъехал? И то он.

Нароков. Ну, так я уйду тут, через кухню. Адье, мадам.

Домна Пантелевна. Адье, мусье!

Нароков уходит за перегородку. Входят Дулебов и Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Домна Пантелевна, Дулебов, Бакин.

Домна Пантелевна. Дома нет, ваше сиятельство, уж извините! В гостиный двор пошла.

Дулебов. Ну, ничего, я подожду.

Домна Пантелевна. Как угодно, ваше сиятельство.

Дулебов. Вы делайте свое дело, не беспокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Домна Пантелевна уходит.

Бакин. Вот мы и съехались, князь.

Дулебов. Ну, что же, здесь не тесно и для двоих.

Бакин. Но, во всяком случае, один из нас лишний, и этот лишний — я. Уж такое мне счастье: заехал к Смельской, там Великатов сидит, молчит.

Дулебов. А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умеете, значит, шансы на вашей стороне.

Бакин. Не всегда, князь. Великатов и молчит-то гораздо убедительнее, чем я говорю.

Дулебов. Да почему же?

Бакин. Потому что богат. А так как, по русской пословице: «С богатым не тянись, а с сильным не борись»,— то я и ретируюсь. Великатов богат, а вы сильны своей любезностью.

Дулебов. Ну, а вы-то чем же хотите взять?

Бакин. Смелостью, князь. Смелость, говорят, города берет.

Дулебов. Города-то, пожалуй, легче... А впрочем... уж это ваше дело. Коли не боитесь проигрыша, так отчего ж и смелость не попробовать.

Бакин. Я лучше готов потерпеть неудачу, чем пускаться в любезности.

Дулебов. У всякого свой вкус.

Бакин. Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства — уж это не много ли чести для наших дам!

Дулебов. У всякого свой взгляд.

Бакин. Мне кажется, очень довольно вот такой декларации: «Я вот таков, как вы меня видите, предлагаю вам то-то и то-то; угодно вам любить меня?»

Дулебов. Да, но ведь это оскорбительно для женщины.

Бакин. А уж это их дело, оскорбляться или нет. По крайней мере, я не обманываю; ведь не могу же я, при таком количестве дел, заниматься любовью серьезно: зачем же я буду притворяться влюбленным, вводить в заблуждение, возбуждать, может быть, какие-нибудь несбыточные надежды! То ли дело договор?

Дулебов. У всякого свой характер. Скажите, пожалуйста, что за человек Великатов?

Бакин. Я об нем знаю столько же, сколько и вы. Очень богат; великолепное имение в соседней губернии, свеклосахарный завод, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда приезжает он на ярмарку; продавать

ли, покупать ли лошадей, уж я не знаю. Как он разговаривает с барышниками, я тоже не знаю; но в нашем обществе он больше молчит.

Дулебов. Он деликатный человек?

Бакин. Даже очень: никогда не спорит, со всеми соглашается, и никак не разберешь, серьезно он говорит или мистифирует тебя.

Дулебов. Но он очень учтивый человек.

Бакин. Уж слишком даже: в театре решительно всех по именам знает, и кассира, и суфлера, и даже бутафора, всем руку подает. А уж старух обворожил совсем: все-то он знает, во все их интересы входит; ну, одним словом, для каждой старухи сын самый почтительный и предупредительный.

Дулебов. А из молодых он, кажется, никому особого предпочтения не дает и держится как-то в стороне от них.

Бакин. С этой стороны, князь, будьте покойны, он вам соперник не опасный; он как-то сторонится от молодых и никогда первый не заговаривает: когда обратятся к нему, так у него только и слов: «Что прикажете? что угодно?»

Дулебов. А может быть, это рассчитанная холодность, он хочет заинтересовать собою?

Бакин. Да на что ему рассчитывать! Он завтра или послезавтра уезжает.

Дулебов. Да... разве?

Бакин. Наверное. Он мне сам говорил; у него уж все приготовлено к отъезду.

Дулебов. Жаль! Он очень приятный человек, такой ровный, спокойный.

Бакин. Мне кажется, его спокойствие происходит от ограниченности; ума не скроешь, он бы в чем-нибудь выказался; а он молчит — значит, не умен; но и не глуп, потому что считает за лучшее молчать, чем говорить глупости. У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, что папенька оставил.

Дулебов. В том-то и дело, что папенька оставил ему имение разоренное, а он его устроил.

Бакин. Ну, прибавим ему еще несколько практического смысла и расчетливости.

Дулебов. Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить, и выйдет очень умный, практический человек.

Бакин. Как-то верить не хочется. А впрочем, мне все равно, умен ли он, глуп ли; вот что богат очень, это немножко досадно.

Дулебов. Неужели?

Бакин. Право. Как-то невольно и голову приходит, что было бы гораздо лучше, если бы я был богат, а он беден.

Дулебов. Да, это для вас лучше, ну а для него-то?

Бакин. А мне черт его возьми; что мне до него! Я про себя говорю. Однако пора и за дело. Уступаю вам место без бою. До свидания, князь!

Дулебов *(подавая руку)*. Прощайте, Григорий Антоныч!

Бакин уходит. Входит Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дулебов и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Ушли, не дождались?

Дулебов. Вы что за эту квартиру платите?

Домна Пантелевна. Двенадцать рублей, ваше сиятельство.

Дулебов *(указывая в угол)*. Тут сыро, должно быть?

Домна Пантелевна. По деньгам и квартира.

Дулебов. Надо будет переменить. *(Отворяя дверь направо.)* А там что?

Домна Пантелевна. Спальня Саши, а направо-то моя комната, а там кухня.

Дулебов *(про себя)*. Мизерно. Да... конечно, так невозможно.

Домна Пантелевна. По средствам, ваше сиятельство.

Дулебов. Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошей актрисе нельзя так жить, ну, нельзя, я вам говорю, невозможно. Это неприлично.

Домна Пантелевна. Какие же достатки?

Дулебов. Что такое за слово: «достатки»?

Домна Пантелевна. Из каких доходов, ваше сиятельство?

Дулебов. Какое же нам дело до ваших доходов?

Домна Пантелевна. Да где ж взять-то ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, «где взять»! Кому нужно! Никому до этого дела нет; где хотите, там и берите. Только так нельзя, это... это... ну, просто неприлично, да и все тут.

Домна Пантелевна. Вот кабы жалованье...

Дулебов. Ну, там жалованье или что другое, это уж наше дело.

Домна Пантелевна. Бенефисты очень плохи берем.

Дулебов. А кто виноват? Чтобы брать большие бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно уметь его выбрать, уметь обходиться... Я могу вам назвать лиц десять, которых нужно привлечь на свою сторону; вот и великолепные бенефисы будут: и призы и подарки. Это дело простое, давно всем известное. Нужно принимать у себя порядочных людей... А где же тут! Что это такое? Кто сюда поедет?

Домна Пантелевна. А ведь, кажется, публика ее любит, а вот в бенефист так... ничем не заманишь.

Дулебов. Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкие чиновники! Они рады все руки себе отхлопать, по десяти раз вызывают Негину, а уж ведь он, каналья, лишнего гроша не заплатит.

Домна Пантелевна. Что правда, то правда, ваше сиятельство. Конечно, кабы знакомство, так уж совсем другое дело.

Дулебов. Само собой. Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бывает; это тоже общественное мнение, а на него жаловаться смешно. Надо уметь заслужить любовь публики. Надо, чтоб постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ее друзьями были бы мы, солидные люди. Все мы целый день заняты, кто семейными и хозяйственными делами, кто общественными, у нас свободны только несколько часов вечером; где же удобнее, как не у молодой актрисы, отдохнуть, так сказать, от бремени забот, одному — хозяйственных, а другому — о вверенном его управлению ведомстве или районе.

Домна Пантелевна. Уж это очень мудрено для меня, ваше сиятельство. Вы вот эти-то слова Саше и скажите.

Дулебов. Да, скажу, непременно скажу, я за этим и приехал.

Домна Пантелевна. Да вот, кажется, и она бежит.

Дулебов. Только уж вы нам не мешайте!

Домна Пантелевна. Ах, помилуйте, да разве я своему детищу враг.

Входит Негина.

Что ты так долго? Князь тебя давно дожидается. *(Берет у дочери шляпку, зонтик, плащ и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дулебов и Негина.

Дулебов *(подходит и целует руку Негиной)*. Ах, моя радость, я вас заждался.

Негина. Извините, князь! с бенефисом все хлопочу, такая мука... *(Задумывается)*.

Дулебов *(садясь)*. Скажите, пожалуйста, мой дружочек...

Негина *(выходя из задумчивости)*. Что вам угодно?

Дулебов. Как эта пьеса, что вы в последний раз играли?..

Негина. «Уриель Акоста».

Дулебов. Да, да... Прекрасно вы играли, прекрасно. Сколько чувств, благородства! Не шутя вам говорю.

Негина. Благодарю вас, князь.

Дулебов. Странные пьесы нынче пишут; не поймешь ничего.

Негина. Да она уже давно написана.

Дулебов. Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Негина. Нет, Гуцкова.

Дулебов. А! Гуцкова... знаю, знаю. Еще у него есть комедия, прекрасная комедия: «Русский человек добро помнит».

Негина. То Полевого, князь.

Дулебов. Ах, да... я смешал... Полевого... Николай Полевой. Он из мещан... По-французски выучился самоучкой, ученые книги писал, все с французского брал...

Только он тогда заспорил с кем-то... с учеными или с профессорами. Ну где же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велели ученых книг писать, приказали водевили сочинять. После сам был благодарен, большие деньги получал. «Мне бы, говорит, и не догадаться». Что вы так печальны?

Негина. Много хлопот, князь.

Дулебов. Вам, моя красавица, надо веселее быть, вам еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утешать чем-нибудь. Вот мы сейчас с вашей матушкой говорили...

Негина. Об чем, князь?

Дулебов. Разумеется, о вас, мое сокровище, а то о чем же! Вот квартира у вас нехороша... Нельзя актрисе, хорошенькой девушке, в такой избе жить; это неприлично.

Негина *(несколько обидясь)*. Не хороша квартира? Ну, так что же? Я и сама знаю, что бывают квартиры лучше этой... Вам бы, князь, пожалеть меня, не напоминать мне о моей бедности, я и без вас ее чувствую каждый час, каждую минуту.

Дулебов. Да разве я вас не жалею? Я вас очень жалею, красавица моя.

Негина. Так вы жалейте про себя, ваше сиятельство! Мне нет никакой пользы от ваших сожалений, а слышать их неприятно. Вы находите, что моя квартира не хороша; а я нахожу, что она удобна для меня, и мне лучше не надо. Вам моя квартира не нравится, вам неприятно бывать в такой квартире, так ведь никто вас не принуждает.

Дулебов. Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человека, который вам предан всей душой... Так нельзя...

Негина. Извольте говорить, я слушаю.

Дулебов. Я человек деликатный, я никогда никого не оскорбляю, я известен своей деликатностью. Я бы никогда не посмел осуждать вашу квартиру, если б не имел в виду...

Негина. Чего, князь?

Дулебов. Предложить вам другую, лучше гораздо.

Негина. За ту же цену?

Дулебов. Ну, какое вам дело до цены?

Негина. Я что-то не понимаю, князь.

Дулебов. Вот видите ли, мое блаженство, я человек очень добрый, нежный — это тоже всем известно... я, несмотря на свои лета, до сих пор сохранил всю свежесть чувства... я еще до сих пор могу увлекаться, как юноша.

Негина. Я очень рада; но какое же отношение имеет все это к моей квартире?

Дулебов. Очень просто. Разве вы не замечаете? Я люблю вас... Лелеять вас, баловать... это было бы для меня наслаждением... это моя потребность; у меня очень много нежности в душе, мне нужно ласкать кого-нибудь, я без этого не могу. Ну, подойдите же ко мне, мой птенчик!

Негина *(встает)*. Вы с ума сошли.

Дулебов. Грубо, мой друг, грубо!

Негина. Да с чего вы вздумали? Помилуйте! Я вам никакого повода не подавала. Как вы осмелились выговорить?

Дулебов. Потише, потише, мой дружочек!

Негина. Это что ж такое! Приехать в чужой дом и ни с того ни с сего затеять глупый, обидный разговор.

Дулебов. Потише, потише, пожалуйста! Вы еще очень молоды, чтобы так разговаривать.

Негина. Вот это мило! «Вы еще молоды»! Значит, молодых можно обижать сколько угодно, и они должны молчать.

Дулебов. Да какая тут обида? В чем обида? Дело самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочного общества и осмеливаетесь осуждать почтенного человека! Что вы, в самом деле! Вы меня обижаете!

Негина *(в слезах)*. Ах, боже мой! Нет, это выше сил...

Дулебов. На все есть приличная форма, сударыня! В вас совсем нет благовоспитанности; не нравится вам мое предложение, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежелание учтиво или как-нибудь на шутку свести.

Негина. Ах, оставьте меня, пожалуйста! Не нужно мне ваших нравоучений. Я сама знаю, что мне делать, сама знаю, что хорошо, что дурно. Ах, боже мой!.. Да не желаю я вас слушать.

Дулебов. Да что же вы кричите?

Негина. Отчего ж мне не кричать? Я у себя дома, кого ж мне бояться?

Дулебов. Прекрасно! Только вы помните, моя радость, что я обиды не забываю.

Негина. Ну, хорошо, хорошо, буду помнить.

Дулебов. Извините, я думал, что вы девица благовоспитанная; я никак не мог ожидать, что вы от всякой малости расплачетесь и расчувствуетесь, как кухарка.

Негина. Да ну, хорошо; ну я кухарка, только я желаю быть честной.

Домна Пантелеевна показывается из дверей.

Дулебов. И поздравляю вас! Только честности одной мало, надо быть и поумнее и поосторожнее, чтобы потом не плакать. Билета мне не присылайте, я не поеду на ваш бенефис, мне некогда; а если вздумаю, так пошлю взять в кассе. *(Уходит.)*

Входит Домна Пантелеевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина и Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Что такое? Что тут у вас? Князь уехал? Уж не рассердился ли он?

Негина. Да пускай его сердится!

Домна Пантелеевна. Что ты! Опомнись! Перед бенефистом-то? Да в уме ли ты?

Негина. Да ведь невозможно! Что он говорит! Кабы вы послушали!

Домна Пантелеевна. А тебе что! Пускай говорит. От его слов тебя не убудет.

Негина. Да ведь вы не знаете, что он говорил; что ж вы мешаетесь не в свое дело?

Домна Пантелеевна. Очень я знаю, очень прекрасно все это знаю, что мужчины говорят.

Негина. И можно это слушать равнодушно?

Домна Пантелеевна. А что ж такое! Городи, сколько хочешь. Пусть его мелет в свое удовольствие, а ты знай посмеивайся!

Негина. Ах, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю, как вести себя.

Домна Пантелеевна. Уж и видно, что знаешь: перед самым бенефистом побранилась ты с таким человеком!

Негина. Маменька, да разве вы не видите, что я расстроена? Я дрожу вся, а вы ко мне пристаете.

Домна Пантелеевна. Нет, ты погоди! Ты выслушай от матери резон! Как же это перед бенефистом браниться, ежели которые люди тебе нужные?.. Не могла ты подождать-то? Ну, после бенефиста бранись сколько хочешь, я тебе ни слова не скажу. Потому нельзя тоже им и волю давать; ограничить следует. Ах, мол, ты пугало огородное!..

Негина. Маменька, да довольно уж...

Домна Пантелеевна. Нет, постой! А перед бенефистом ты должна была учтиво...

Негина. Да я и не бранилась, я только обиделась и сказала, чтоб он оставил меня в покое.

Домна Пантелеевна. Вот и глупа, вот и глупа! Ты бы, как можно, старалась учтивее. «Мол, ваше сиятельство, мы завсегда вами очень довольны и завсегда вами благодарны; только подлостей таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете». Вот как надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Негина. Что сделано, то сделано; нечего теперь об этом толковать!

Домна Пантелеевна. Я вот и не ученая, да знаю, как с людьми разговаривать; а тебя еще учитель учит...

Негина. Что вы еще об учителе?.. Ведь не понимаете вы этого ничего, так нечего вам и мешаться не в свое дело.

Домна Пантелеевна. Да чего понимать-то? Обнаковенно студент... Эка важность какая, скажите пожалуйста! Не барон какой-нибудь!.. Видали мы этого звания-то довольно. Только на разговоре их и взять... Голь на голи да голью погоняет. Только один форс, а сертучишка нет порядочного...

Негина. Что он вам сделал... ну, за что вы? За что вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелеевна. Ну, да как же, эка особа! И говорить про него не смей! Нет, матушка, никто мне не запретит, захочу вот, так и обругаю, в глаза обругаю. Самые что ни есть обидные слова подберу, да так-таки

прямо ему и отпечатаю... Вот ты и знай, как с матерью спорить, как с матерью разговаривать.

Негина. Уйдите!

Домна Пантелевна. Вот еще: «Уйдите»! Да уходи сама, коли тебе со мной тесно.

Негина. Вон кто-то подъехал, кажется... Уйдите, маменька! Кому интересно наши с вами умные разговоры слушать!

Домна Пантелевна. Так вот не уйду же. Ишь ты... Сама разобидит мать как нельзя хуже, да еще разные претензии представляет... «Умные разговоры». Не глупее я тебя с студентом-то с твоим, с лохматым.

Негина *(взглянув в окно)*. Великатов! В первый раз к нам... а у нас тут...

Домна Пантелевна. Не беспокойтесь, сударыня, мамзель Негина, знаменитая актриса, обращение не хуже вас знаем... Только я тебе это припомню.

Негина. Смельская с ним.

Домна Пантелевна. Да-с, вот люди умеют же...

Негина. Какие лошади, какие лошади!

Домна Пантелевна. Смельская-то катается, а мы пешечком ходим.

Входят Смельская и Великатов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Негина, Домна Пантелевна, Смельская и Великатов.

Домна Пантелевна. Пожалуйте, пожалуйте, Нина Васильевна!

Смельская. Здравствуйте, Домна Пантелевна! Гостя к вам привезла, Ивана Семеныча Великатова.

Великатов кланяется.

Домна Пантелевна. Ах, очень приятно познакомиться. Давно я вас знаю, в театре часто видала, а познакомиться не приводилось.

Смельская. Здравствуй, Саша! Я сбиралась к тебе, уж и шляпу надела, а Иван Семеныч и заехал; ну, и увязался со мной. Ты не сердишься? Она ведь у нас затворница.

Негина *(подает руку Великатову)*. Ах, что ты! Я очень рада. Вам бы давно догадаться, Иван Семеныч.

Великатов. Не смел, Александра Николавна; я человек робкий.

Смельская. Да, уж робкий — похоже!

Негина. Скажите лучше, гордый.

Домна Пантелевна. Вот уж это ты напрасно; Иван Семеныч человек обходительный со всеми, я сама это видала. Гордости этой в них совсем нет.

Великатов. Совсем нет, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Я люблю правду говорить.

Великатов. Я тоже, Домна Пантелевна.

Негина. Садитесь, Иван Семеныч.

Великатов. Не беспокойтесь, сделайте одолжение! У вас, вероятно, какие-нибудь дела есть; вы на нас не обращайте внимания. Я с Домной Пантелевной побеседую. *(Садится у стола.)*

Негина и Смельская говорят шепотом.

Негина *(Смельской)*. Вот что, Нина...

Смельская. Неужели?

Негина. Да. Не знаю, что и делать.

Смельская. Как же быть-то? Да ты бы... *(Говорит шепотом.)*

Домна Пантелевна. Да что вы, в самом деле, шепчетесь? Нешто это учтиво?

Великатов. Не мешайте им! У всякого свои дела.

Домна Пантелевна. Какие дела! Все пустяки. Ведь я знаю, про что говорят. О тряпках. Вот у них дела-то какие!

Великатов. Для нас с вами тряпки — пустяки, а для них — важное дело.

Домна Пантелевна. Платьишка нет к бенефису, да и денег-то.

Великатов. Ну, вот видите! А вы говорите, что пустяки. *(Взглянув в окно.)* Курочки-то это ваши?

Домна Пантелевна. Которые?

Великатов. А вот кохинхинские.

Домна Пантелевна. Нет, где уж нам кохетинских разводить! Были две гилянки да две шпанки, а петух русский; орел, а не петух — да всех разворовали.

Великатов. А вы любите курочек-то, Домна Пантелевна?

Домна Пантелеевна. До страсти, батюшка, всякую птицу люблю.

Входят Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелеевна, Великатов и Мелузов.

Негина *(Великатову)*. Позвольте вас познакомить! Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов.

Смельская. Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч — студент; он жених Сашин.

Великатов *(подавая руку)*. Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов. Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.

Великатов *(почтительно)*. Совершенно справедливо: очень много говорится пустых фраз, я с вами согласен; но то, что я сказал, извините, не фраза. Мне приятно, что артистки выходят замуж за порядочных людей.

Мелузов. Да, коли так... благодарю вас! *(Подходит и горячо жмет руку Великатову.)*

Негина. Пойдем, Нина, я тебе покажу платье! Посмотри, можно ли из него сделать что-нибудь! *(Великатову.)* Извините, что мы вас оставляем! Но я знаю, что вам не будет скучно: вы будете разговаривать с образованным человеком, это не то что с нами. Маменька, пойдемте! Отоприте шкаф!

Уходят Негина, Смельская и Домна Пантелеевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Великатов и Мелузов.

Великатов *(заметив на столе книги)*. Книжки и тетрадки.

Мелузов. Да, учимся помножку.

Великатов. И успехи есть?

Мелузов. Некоторые, так сказать, относительные.

Великатов. И того довольно. Времени у Александры Николаевны мало: чуть не каждый день новая

пьеса, надо и рольку подготовить, и о костюме подумать. Не знаю, как вы полагаете, а мне кажется, что это довольно затруднительно: учить и роли и грамматику вместе.

Мелузов. Да, удобств больших не представляет.

Великатов. По крайней мере, есть стремление, есть охота, и то уж великое дело. Честь вам и слава.

Мелузов. Да за что же слава-то, например?

Великатов. За благородные намерения. Кому же в голову придет актрису грамматике учить!

Мелузов. Да вы смеетесь, может быть?

Великатов. Нисколько, помилуйте; я никогда себе не позволю. Я очень люблю молодых людей.

Мелузов. Уж будто?

Великатов. Очень люблю их слушать... это освежает душу. Такие благородные, высокие замыслы... даже завидно.

Мелузов. Чему же тут завидовать? Кто ж вам мешает иметь благородные, высокие замыслы?

Великатов. Нет, где же нам, помилуйте! Нас проза жизни одолела. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

Мелузов. Какие же грехи за вами водятся?

Великатов. Тяжкие. Практические соображения, материальные расчеты — вот наши грехи. Постоянно вращаешься в сфере возможного, достижимого; ну, душа-то и мельчает, уж высоких, благородных замыслов и не приходит в голову.

Мелузов. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатов. А такие замыслы, в которых очень много благородства и очень мало шансов на успех.

Входят Негина, Смельская и Домна Пантелеевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Великатов, Мелузов, Негина, Смельская и Домна Пантелеевна.

Смельская *(Негиной)*. Все это, душа моя, не годится.

Негина. Я и сама вижу. Новое делать — будет очень дорого.

Смельская. Да как же быть-то! ведь нельзя же... Поедемте, Иван Семеныч!

Великатов. К вашим услугам. *(Подает руку Негиной.)* Честь имею кланяться!

Негина. Какие у вас лошади! Вот бы прокатиться как-нибудь.

Великатов. Когда вам угодно, прикажите только. *(Подает руку Мелузову, потом Домне Пантелевне.)* Домна Пантелевна, мое почтение! А как вы на мою тетеньку похожи!

Домна Пантелевна. Да ужли?

Великатов. Ведь это удивительно... такое сходство... чуть не назвал вас тетенькой.

Домна Пантелевна. Да зовите, за чем дело стало!

Смельская. Ну, едемте! Прощай, Саша! Прощайте! *(Кланяется всем.)*

Великатов *(Домне Пантелевне)*. До свидания, тетенька!

Уходят Смельская и Великатов, Домна Пантелевна провожает их до двери.

Домна Пантелевна. Ах, прокурат! *(Негиной.)* А ты говоришь, он гордый! ничего не гордый. Уж на что еще обходительнее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Негина и Мелузов.

Негина *(у окна)*. Как покатили! Что за прелесть! Счастливая эта Нина; вот характер завидный.

Мелузов обнимает ее.

Ах, медвежьи объятья!.. До смерти не люблю. Нет, Петя, оставь меня!

Мелузов. Саша, да ведь я от тебя еще ни одной ласки не видал. Хороши жених с невестой!

Негина. После, Петя, после. Дай мне немного успокоиться! Мне теперь не до того.

Мелузов. А коли не до того, так давай учиться!

Негина. Какое ученье! У меня бенефис из головы нейдет; платья нет, вот моя беда.

Мелузов. Не о платье же мы будем говорить, это не мой предмет; по этой части я в преподаватели не гожусь.

Негина. Ох, мне теперь не преподавание нужно, а деньги.

Мелузов. Ну, и по этой части я тоже швах. Вот получу место, запрягусь; тогда будем жить безбедно. Ну, что ж мы будем делать? А вот что, Саша: давай примемся за исповедь!

Негина. Ах, мне всегда это как-то неловко!

Мелузов. Ты меня стыдишься?

Негина. Нет, а как-то вот тяжело... неприятно.

Мелузов. Надо побороть в себе это неприятное чувство. Ведь ты меня просила учить тебя жить; ну как же я стану тебя учить, не лекции же читать? А вот ты мне говоришь, что ты чувствовала, говорила и делала; а я тебе говорю, как надо чувствовать, говорить и поступать. Так ты постепенно и улучшаешься и со временем будешь...

Негина. Что буду, милый мой?

Мелузов. Будешь совсем хорошей женщиной, такой, какой надо, как это нынче требуется от вашего брата.

Негина. Да, я тебе благодарна. Я уж и так много лучше стала, я сама это чувствую... А все тебе обязана, голубчик... Ну, изволь.

Мелузов *(садится у стола)*. Садись со мной рядом!

Негина *(садится подле, Мелузов обнимает ее одной рукой)*. Ну, вот слушай! Нынче утром заезжал ко мне князь Дулебов. Говорил, что у меня квартира нехороша, что так жить неприлично; ну, я немножко обиделась, сказала, что коли моя квартира ему не нравится, так никто его не принуждает бывать здесь.

Мелузов. Молодец, Саша! Далее!

Негина. Далее, предложил мне переехать на другую квартиру, хорошую.

Мелузов. Зачем это ему?

Негина. А затем, что у него очень много нежности в душе и что ему, видишь ты, ласкать некого.

Мелузов *(хохочет)*. Вот силлогизм неожиданный! Так как мне ласкать некого, а ласкать нужно, то эта квартира не хороша, и вы должны переехать на новую квартиру. *(Хохочет.)* Ай да князь! Одолжил.

Негина. Ты вот смеешься, тебе весело, а я расплакалась.

Мелузов. Так и надо: мне смеяться, а тебе плакать.

Негина. Да почему же это?

Мелузов. Да ты подумай! Если бы от таких разговоров тебе очень весело было, а я бы заплакал, хорошо ли бы это было?

Негина *(подумав)*. Да, уж это было бы очень нехорошо. Ах ты, головка! *(Гладит его по голове.)* Скажи мне, Петя, отчего ты такой умный?

Мелузов. Умный или нет, еще это вопрос, но что я умней многих вас, в этом нет сомнения. И умнее оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите, чем думаете.

Негина. Ну, теперь уж я тебе скажу самую сокровенную вещь... Только ты, пожалуйста, не сердись! это уж наш порок женский. Я сегодня позавидовала.

Мелузов. Кому ты можешь завидовать, милая? В чем?

Негина. Да только ты не сердись! Смельской... что она так весело живет, катается на таких лошадях. Дурно, знаю, что дурно.

Мелузов. Зависть да ревность — опасные чувства: мужчины это знают хорошо и пользуются вашей слабостью. Из зависти да из ревности женщина много дурного способна натворить.

Негина. Знаю, знаю, видала примеры. Мне так это на минуту в голову пришло, я потом одумалась.

Мелузов. Надо уж что-нибудь одно, Саша. Мы с тобой хотим честную, трудовую жизнь вести, так об лошадях ли нам думать!

Негина. Да, конечно! Ведь и в трудовой жизни есть свои удовольствия, Петя? Ведь бывают?

Мелузов. Еще бы!

Негина. Ты у нас пообедай! После обеда я тебе роль почитаю, так и проведем целый день вместе. Будем привыкать к тихой семейной жизни.

Мелузов. Бесподобно!

Негина *(прислушиваясь)*. Это что такое? Подъехал кто-то.

Входит Смельская с двумя свертками в руках.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Негина, Мелузов и Смельская.

Смельская. Вот, Саша, на! *(Подает один сверток.)* Это Иван Семеныч купил нам по платью. Это тебе, а это мне.

Развертывают и смотрят оба куска.

Мелузов. Да какое же он имеет право делать подарки Александре Николавне?

Смельская. Ах, оставьте, пожалуйста, ваши рассуждения! Ваша философия теперь не к месту! Это совсем не подарок, это он ей за билет в бенефис.

Мелузов. А вам за что?

Смельская. А вам какое дело! За то, что любит меня.

Негина. Именно то, что мне нужно, Нина. Ах, как мило!

Смельская. Ведь я выбирала; уж я знаю, что тебе требуется. Ну, едем, Саша, едем скорей!

Негина. Куда?

Смельская. Кататься, я на лошадях Ивана Семеныча, а потом обедать на вокзал. Он звал всю труппу, хочет проститься со всеми; он скоро уезжает.

Негина *(задумчиво)*. Право, не знаю.

Смельская. Да что ты, помилуй! Об чем тут думать! разве отказаться можно? Должна же ты поблагодарить его.

Мелузов. Весьма любопытно, как вы поступите в этом случае?

Негина. Знаете что, Петр Егорыч? Я думаю, что мне надо ехать, а то неучтиво. Можно вооружить против себя всю публику: князь уже сердится, да и Великатов может обидеться.

Мелузов. А когда же мы будем к тихой семейной жизни привыкать?

Смельская. Это уже после бенефиса, Петр Егорыч. Время ли теперь о семейной жизни думать. Это смешно даже. Еще семейная-то жизнь успеет надоесть; а теперь нужно пользоваться случаем.

Негина *(решительно)*. Нет, Петр Егорыч, я поеду. В самом деле, отказываться нехорошо.

Мелузов. Как вам угодно, это ваше дело.

Негина. Тут не в том дело, угодно ли мне; может

быть, мне и неугодно; а необходимо ехать, конечно, необходимо, и рассуждать нечего.

Мелузов. Так поезжайте!

Смельская. Сбирайся, сбирайся!

Негина. Я сейчас. *(Уходит за перегородку со свертком.)*

Смельская. Вы не ревновать ли вздумали? Так успокойтесь, он через день уезжает, да и я не уступлю его Саше.

Мелузов. «Не уступлю». Вы меня извините, я таких отношений между мужчинами и женщинами не понимаю.

Смельская. Да где же еще вам понимать! Ведь вы жизни совсем не знаете. А вот поживите между нами, так научитесь все понимать.

Входит Негина одетая.

Ну, идем! Прощайте! *(Уходит.)*

Негина. Петя, ты приходи вечером; мы будем учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всем, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! *(Целует его и убегает.)*

Мелузов *(нахлобучивает шляпу)*. Гм! *(Подумав.)* Зашагаем ко дворам! Ничего не поделаешь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лица

Негина.
Смельская.
Князь Дулебов.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.
Гаврило Петрович Мигаев — антрепренер.
Ераст Громилов — трагик.
Вася, молодой купчик, приятной наружности и с приличными манерами.
Публика разного рода, более купеческая.

Городской сад. Направо (от актеров) задний угол театра (деревянного) с входной дверью на сцену; ближе к авансцене садовая скамья; налево, на первом плане, под деревьями, скамейка и стол; в глубине под деревьями столики и садовая мебель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трагик сидит у стола, опустив голову на руки, из театра выходит Нароков.

Трагик. Мартын, антракт?

Нароков. Антракт. А ты уж опять «за Уралом за рекой»[1]?

Трагик. Где мой Вася? Где мой Вася?

Нароков. А я почем знаю.

Трагик. Мартын, поди сюда!

Нароков *(подходя)*. Ну, пришел сюда, ну, что?

Трагик. Деньги есть?

Нароков. Ни крейцера[2].

Трагик. Мартын... для друга! Велико это слово!

Нароков. Pas un sou[3], хоть выверти карманы.

Трагик. Скверно.

Нароков. На что хуже.

Трагик *(покачав головой)*. О люди, люди!..

Молчание.

Мартын!

Нароков. Что еще?

Трагик. Займи поди!

Нароков. У кого прикажите? Кредит-то у нас с тобой необширный.

Трагик. О люди, люди!

Нароков. Да, уж действительно «о люди, люди»!

Трагик. И ты, Мартын, возроптал?

Нароков. Какая-то гнусная, дьявольская интрига затевается.

Трагик *(грозно)*. Интрига? Где? Против кого?

Нароков. Против Александры Николавны!

Трагик *(еще грознее)*. Кто он? Где он? Скажи ему от меня, что он со мной будет иметь дело, с Ерастом Громиловым!

Нароков. Ничего ты не сделаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и так расстроен, а ты шумишь без толку. Мука мне с вами! У всех у вас и много лишнего, и многого не хватает. Я измаялся, глядя на вас. У комиков много лишнего комизма, а у тебя много лишнего

[1] «за Уралом за рекой» — в данном случае иносказательное выражение — выпил или запил.

[2] Крейцер — старинная мелкая австрийская или немецкая монета.

[3] Ни одного су *(франц.)*.

трагизма; а не хватает у вас грации... грации, меры. А мера-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты горохо-вые!

Трагик. Нет, Мартын, я благороден... Ах, как я благороден! Одно, брат Мартын, обидно, что благо-роден-то я только в пьяном виде...*(Опускает голову и трагически рыдает.)*

Нароков. Ну, вот и шут, ну, вот и шут!

Трагик. Мартын! говорят, что ты сумасшедший: скажи мне, правда это или нет?

Нароков. Правда, я согласен; но только с одним условием: если вы все здесь умные, так я сумасшедший; я тогда спорить не стану.

Трагик. Знаешь, Мартын, на что мы с тобой по-хожи?

Нароков. На что?

Трагик. Ты знаешь Лира?

Нароков. Знаю.

Трагик. Так помнишь, там, в лесу, в бурю... Я — Лир, а ты — мой дурак.

Нароков. Нет, не заблуждайся, Лиров нет меж на-ми; а кто из нас дурак, это я предоставляю тебе самому догадаться.

Из театра выходит Негина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик, Нароков и Негина.

Негина. Что ж это такое, Мартын Прокофьич? Что они со мной делают?

Нароков *(хватаясь за голову)*. Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Негина. Да ведь это обидно до слез.

Нароков. О, не плачьте; они не стоят ваших слез. Вы белый голубь в черной стае грачей, вот они и клюют вас. Белизна, чистота ваша им обидна.

Негина *(сквозь слезы)*. Послушайте, Мартын Про-кофьич, ведь при вас, при вас, помните, он обещал дать мне сыграть перед бенефисом. Я жду, я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефи-сом; а он, противный, что же делает! Назначает «Фру-фру» со Смельской.

Нароков. Кинжал в грудь по рукоятку!

Негина. Устраивают ей овации накануне моего бе-нефиса, подносят букеты; а меня публика и забыла сов-сем. Какой же у меня может быть сбор!

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза.

Нароков. Дерево он у нас, дерево, дуб, осина.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Мартын Прокофьич, вы только одни меня любите.

Нароков. О да, больше жизни, больше света.

Негина. Я вас понимаю и сама люблю.

Нароков. Понимаете, любите? Ну, вот я и счаст-лив, да... да... *(тихо смеется)* как ребенок, счастлив.

Негина. Мартын Прокофьич, сделайте одолжение, поищите Петра Егорыча; скажите ему, чтобы он ко мне на сцену пришел.

Нароков. Я так счастлив, что с удовольствием по-зову и приведу к вам вашего любовника.

Негина. Он жених, Мартын Прокофьич, а не лю-бовник.

Нароков. Все равно, все равно, голубь мой белый! Жених, муж; но если вы его любите, так он ваш любов-ник. Но я ему не завидую, я сам счастлив.

Негина. Да зайдите в кассу, узнайте, берут ли на мой бенефис. Я подожду вас в уборной: будем чай пить.

Нароков уходит.

Трагик. Коли с ромом, так и я буду.

Негина. Нет, без рому. *(Уходит на сцену.)*

Трагик. Где мой Вася? где мой Вася? *(Уходит в глубину сада.)*

Входят князь Дулебов и Мигаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дулебов и Мигаев.

Дулебов. Негина нам не годится, говорю я вам. Вы обязаны угождать благородной публике, светской, а не райку. Ну, а нам она не по вкусу, слишком проста, ни манер, ни тону.

Мигаев. Гардеробу не имеет хорошего, а талант большой-с.

Дулебов. Ну, талант! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаев. Действительно, ваше сиятельство, я понимаю не очень много; но ведь мы судим... извините, ваше сиятельство, по карману: делает сборы большие, так и талант.

Дулебов. Ну да, конечно; вы материалисты.

Мигаев. Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сиятельство, мы материалисты.

Дулебов. Вы не понимаете этого... тонкого... как это сказать... этого шику.

Мигаев. Не понимаем, ваше сиятельство. Но позвольте вам доложить, я в прошлом году выписал знаменитость с шиком на великосветские роли...

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Убыток, ваше сиятельство. Ни красы, ни радости.

Дулебов. Красы не было? Ну, как это возможно сказать, как можно позволить себе сказать, что красы не было!

Мигаев. Виноват, ваше сиятельство. Краса действительно была: бывало, когда она одевается, так вся труппа подле уборной, кто в двери, кто в щелочки. Ведь у нас уборные прозрачные, ажур устроены.

Дулебов. *(хохочет)*. Ха, ха, ха! Вот видите! Ну и радость тоже.

Мигаев. Так точно-с, и радость была... для вашего сиятельства, а для меня горе.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ты каламбурист.

Мигаев. Нельзя же без этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше звание такое, ваше сиятельство.

Дулебов. Ты бы водевили писал. Извините, я вам говорю «ты»... Но это только знак расположения, мой милый.

Мигаев. А из чего же мы и бьемся, как не из расположения. Только осчастливьте, ваше сиятельство... А там «ты» ли, «вы» ли — это решительно все равно.

Дулебов. Нет, зачем же! Я учтив, я всегда деликатен. Так что же вы водевилей не пишете?

Мигаев. Пробовал, ваше сиятельство.

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Театрально-литературный комитет не одобряет.

Дулебов. Странно. Отчего же так?

Мигаев. Не могу знать, ваше сиятельство.

Дулебов. А вы в другой раз, коли напишете, так скажите мне. Я вам сейчас... у меня там. Ну, да что тут. Только скажите.

Мигаев. Слушаю, ваше сиятельство.

Дулебов. А я уж это сейчас!.. у меня там... ну, да что толковать, только скажите... А я вам, вместо Негиной, выпишу актрису настоящую; и собой *(разводит руками)* уж, мое почтение! Пальчики оближете.

Мигаев. Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпеть, не пришлось бы кулаком слезы утирать, ваше сиятельство?

Дулебов. Ха, ха, ха! Вы каламбурист! Нет, право, пишите водевили, пишите, я советую. А актриса, я вам говорю, прелесть.

Мигаев. Цена, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, цена, конечно, подороже.

Мигаев. Из каких же доходов, ваше сиятельство? Где взять прикажете? И так год от году на них цена растет; а сборы все хуже да хуже. Платим жалованье очертя голову, точно миллионщики. Разве исполу, ваше сиятельство?

Дулебов. Что такое «исполу»! Как так исполу?

Мигаев. Пополам, половину жалованья вы, половину я.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ну, пожалуй... Ну, что такое Негина? Какая это первая актриса! с ней скучно, мой милый, она не оживляет общества, она наводит на нас уныние.

Мигаев. Что же делать! уж если так угодно вашему сиятельству, так я с ней контракта не возобновлю.

Дулебов. Да, непременно.

Мигаев. У нее контракт кончается.

Дулебов. Ну, вот и прекрасно. Вся наша публика будет вам благодарна.

Мигаев. Да публики-то вашей, ваше сиятельство, только первый ряд кресел.

Дулебов. Зато мы даем тон.

Мигаев. Как бы не прогадать.

Дулебов. О нет, не беспокойтесь! Публика к ней

охладела: вот посмотрите, в бенефис у ней совсем сбору не будет. Хотите пари?

Мигаев. Спорить не смею.

Дулебов. Да и нельзя со мной спорить; я лучше вас знаю публику и понимаю дело. А я такую актрису выпишу, что она здесь всех одушевит. Мы тогда заживем припеваючи.

Мигаев. Припеваючи? Волком бы не завыть, ваше сиятельство.

Дулебов. Ха, ха, ха! Нет, ты каламбурист, решительно каламбурист. Ах, извините. Это у меня, когда уж очень я разговорюсь, в дружеской беседе, а то я вообще деликатен... я даже и с прислугой... *(Вынимает портсигар.)* Хочешь сигару?

Мигаев. Пожалуйте, ваше сиятельство. *(Берет сигару.)* Дорогие-с?

Дулебов. Я дешевых не курю.

Мигаев. А у меня горе, ваше сиятельство.

Дулебов. Что такое?

Мигаев. Трагик запил. Вон он бродит по саду.

Дулебов. А паспорт у него в порядке?

Мигаев. Когда же у них в порядке бывают, ваше сиятельство.

Дулебов. Так можно пугнуть: что, мол, по этапу на место жительства.

Мигаев. Нет, уж пугать-то их, ваше сиятельство, не приходится: себе дороже.

Дулебов. А что?

Мигаев. Душа у них очень широка, ваше сиятельство. Мне, говорит, хоть в Камчатку, а ты — мерзавец! Да так он это слово, ваше сиятельство, выразительно выговорит, что не до разговоров, а только подумываешь, как бы ноги унести.

Дулебов. Да, в таком случае лучше лаской.

Мигаев. Уж и то лаской. Удивляются, ваше сиятельство, что укротители ко львам в клетку ходят; нас этим не удивишь. Я скорей соглашусь ко льву подойти, чем к трагику, когда он не в духе или пьян.

Дулебов. Ха, ха, ха! Однако задали они вам страху! Я пойду поищу своих. *(Уходит за театр.)*

Входит трагик.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мигаев и трагик.

Мигаев *(подает сигару)*. Хочешь сигару?

Трагик. Грошовая? От тебя ведь хорошей не дождешься.

Мигаев. Нет, хорошая, княжеская.

Трагик. А что ж сам не куришь?

Мигаев. Да у меня свои-то лучше. *(Вынимает серебряный портсигар.)*

Трагик. Вот какой портсигар у тебя, а говоришь, денег нет.

Мигаев. Да, чудак, давно б я его заложил, да нельзя — дареный, в знак памяти, пуще глазу его берегу. Видишь надпись: «Гавриилу Петровичу Мигаеву от публики».

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Толкуй с тобой, коли ты резонов не понимаешь. Вон публика; должно быть, акт кончился. *(Уходит.)*

Трагик *(вслед ему)*. Ефиоп! *(Садится к столу.)* О люди, люди! *(Опускает голову на руки.)*

Входят Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Трагик, Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

Бакин. Это прекрасно; так их и надо учить, вперед умнее будут. Я в кассу заходил, справлялся: сбору четырнадцать рублей.

Вася. Капитал небольшой-с. Еще завтра поторгуют утром да вечером; оно и понаберется.

Бакин. Сто рублей. Больше не будет.

Вася. И то деньги-с.

Бакин. Не велики. Ведь, чай, и должишки есть, за тряпочки за разные. Без этого актрисы не живут. *(Васе.)* Вам не должна?

Вася. Мы в кредит не отпускаем-с.

Бакин. Скрываете. Я это люблю, это очень приятно, когда общественное мнение так дружно высказывается. *(Великатову.)* Как вы полагаете?

Великатов. Совершенно согласен с вами.

Бакин. Она в лице князя оскорбила наше общество; а общество платит ей за это равнодушием, даст понять, что оно забыло о ее существовании. Вот когда придется ей зубы на полку положить, так и выучится приличному обхождению.

Вася. Чем же госпожа Негина оскорбила его сиятельство?

Бакин. Да вы знаете князя Ираклия Стратоныча? Вот он!

Вася. Как же нам не знать-с, и кто ж в наших палестинах не знает их сиятельства!

Дулебов. Да, мы с ним знакомы давно, я еще и отца его...

Бакин *(Васе)*. Значит, вы знаете, что это за человек? Это человек в высшей степени почтенный, это наш аристарх, душа нашего общества, человек с большим вкусом, умеющий хорошо пожить, человек, любящий искусство и тонко его понимающий, покровитель всех художников, артистов, а преимущественно артисток...

Дулебов. Не довольно ли?

Бакин. Каждому по заслугам, князь. И, кроме того, человек щедрый, гостеприимный, отличный семьянин. Господа, заметьте это! Это редкость в наше время. Ну, одним словом, человек почтеннейший во всех отношениях. Так я говорю?

Вася. Точно так-с.

Бакин *(Великатову)*. Кажется, тут двух мнений быть не может?

Великатов. Совершенно с вами согласен.

Бакин. И этот, господа, почтеннейший во всех отношениях человек и отличный семьянин пожелал осчастливить своей благосклонностью девицу, и именно Негину. Что тут дурного, я вас спрашиваю? Он очень учтиво говорит ей: «Хотите, душенька, идти ко мне на содержание?» А она изволила обидеться и расплакаться.

Дулебов. Нет уж, Григорий Антоныч, оставьте, сделайте одолжение!

Бакин. Почему же, князь?

Дулебов. Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, так у вас выходит, что почтенный во всех отношениях человек оказывается совсем непочтенным.

Бакин. Как вам угодно. Я не знаю... я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Так, изволите видеть, госпожа Негина обиделась. Ей бы и в голову не пришло обижаться, по крайней мере, своим умом ей бы никак до этого не дойти, потому что, в сущности, тут для нее нет ничего обидного. Оказывается, постороннее влияние.

Дулебов. Да, я слышал.

Бакин. У этой барышни нашелся наставник студент, значит, дело объясняется просто.

Дулебов. И в театр проникли.

Бакин. Знали бы свое дело, резали бы собак да лягушек; а то вздумали актрис просвещать. Ученая пропаганда между актрисами дело опасное; против нее надо принять неотложные меры.

Дулебов. Конечно.

Бакин. Ну, как они просветят их в самом деле; куда ж нам тогда с князем деться?

Дулебов. Ну, уж довольно: прошу вас!

Бакин. Извольте, я кончил. *(Великатову.)* Вы, кажется, хотели уехать сегодня?

Великатов. Не всегда можно рассчитывать наверное. Я действительно хотел уехать сегодня; но теперь мне представляется одна операция, на которую я прежде не рассчитывал.

Бакин. Нажива манит?

Великатов. Это дело рискованное; можно и нажить, а очень легко и потерять.

Бакин. Хорошо бы сегодня поужинать вместе.

Великатов. Что ж, я не прочь.

Бакин. Князь, как вы?

Дулебов. Да, пожалуй, поедемте.

Бакин. Сойдемся здесь по окончании спектакля, да и поедем куда-нибудь! Теперь что там? Дивертисмент?

Вася. Рассказчик какой-то рассказывает.

Дулебов. Что ж, пойдемте посмеемтесь.

Бакин. Коли есть чему, прибавьте, князь.

Бакин, Дулебов и Великатов уходят.

Трагик. Где мой Вася?

Вася *(подходя)*. Здесь Вася. Что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Да тебе что нужно-то от меня; говори скорее!

Трагик. Что нужно! Уважение нужно. Разве ты своей обязанности не знаешь?

Вася. Ну, подожди немножечко; уважу. Ведь уж долго ждал, так немножко-то подождать можешь. Я пойду рассказчика послушаю: все наши там. Ну будь друг, не держи меня!

Трагик. Ступай! Я благороден.

Вася уходит.

Со сцены выходят Негина, Смельская и Мелузов; у него на руке плед и накидка Негиной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Трагик, Негина, Смельская и Мелузов.

Смельская. Да, Саша, твое положение очень неприятное; я понимаю; только я тут ни в чем не виновата. Ах, Саша, и я в большом затруднении.

Негина. Не может быть: какие у тебя затруднения! Я не верю. Тебе так легко, хорошо живется на свете.

Смельская. А вот видишь. *(Отводит Негину к стороне.)* За мной очень ухаживает князь.

Негина. Так что ж! Уж это твое дело.

Смельская. Конечно, мое дело, я это знаю; но мне и Великатова не хочется упустить.

Негина *(с некоторым волнением)*. А разве Великатов тоже за тобой ухаживает?

Смельская. Он странный какой-то: каждый день бывает у меня, исполняет все мои желания, а ничего не говорит... Он робок, должно быть. Ведь бывают такие характеры. Как мне теперь поступить, уж я и не знаю. Показать князю холодность — наживешь врага; а Великатов, пожалуй, уедет завтра, и его потеряешь. Любезничать с князем будет и не благодарно с моей стороны, да и Великатов мне гораздо больше нравится.

Негина. Еще бы! Конечно... Кому он не понравится!

Смельская. Ты находишь? А что я узнала про него! Ведь у него миллионное состояние; он только прикидывается таким простым. Уж и не знаю, что мне делать. Поверишь ли, Саша, измучилась.

Негина. Я ведь ничего не понимаю в этих делах; спроси вон Петра Егорыча.

Смельская. Что ты! А он-то что понимает? Он будет городить свою философию; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себе желаешь. Он тебя только с толку сбивает. Философия-то хороша в книжках; а он поживи-ка попробуй на нашем месте! Уж есть ли что хуже нашего женского положения! Ты домой, так пойдем!

Негина. Мне бы хотелось поговорить с Гаврилом Петровичем, я его дожидаюсь.

Смельская. Так и я подожду.

Подходят к Мелузову, который смотрит на трагика.

Трагик *(поднимая голову, Мелузову)*. Кто ты такой? Зачем ты здесь?

Негина. Он со мной пришел.

Трагик. Александра Николавна!.. Саша! Офелия! Зачем он здесь?

Негина. Это мой жених, мой учитель.

Трагик. Учитель! Чему же он тебя учит?

Негина. Всему хорошему.

Трагик *(Мелузову)*. Ну, поди сюда!

Мелузов подходит.

Давай руку!

Мелузов подает руку.

Я сам тоже учитель, да, учитель. Что ты на меня смотришь? Я учу богатого купца.

Мелузов. А позволено ли мне будет спросить?..

Трагик. Спрашивай.

Мелузов. Чему, например, вы учите?

Трагик. Благородству.

Мелузов. Предмет серьезный.

Трагик. Я думаю, да-с... я думаю. Это не то, что твоя география какая-нибудь. Значит, мы с тобой учителя, ну, и прекрасно. По этому случаю пойдем в буфет, выпьем, и, разумеется, на твой счет.

Мелузов. Ну, уж извините! На этом поприще я вам не товарищ, я не пью.

Трагик. Саша, Саша! Александра! К нам, к артистам, в храм муз, кого ты водишь с собой!

Мелузов. Да пойдемте! Вы будете пить вино, а я стакан воды выпью.

Трагик. Пошел ты к черту! Уберите его! *(Опускает голову.)* Где мой Вася?

Входят Дулебов, Великатов, Бакин, Вася, за ним лакей из буфета с бутылкой портвейна и рюмками; несколько лиц из публики, которые остаются в глубине сцены.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дулебов садится на скамейку с правой стороны, с ним рядом садится Смельская, неподалеку от них Мелузов и Негина; к ним подходят с левой стороны Великатов и Бакин. Трагик сидит в прежнем положении, к нему подходят Вася и лакей из буфета, который ставит бутылку и рюмки на стол и отходит к сторонке. Публика частию стоит, а частию садится за столики в глубине. Потом Мигаев.

Вася *(трагику, наливая рюмку вина)*. Покорнейше прошу, пожалуйте!

Трагик. Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйте!» Скажи: пей! Видишь, как просто — всего только одно слово; а какая мысль глубокая.

Из театра выходит Мигаев.

Негина. Гаврило Петрович, пожалуйте сюда!

Мигаев *(подходя к Негиной)*. Что вам угодно?

Негина. На сцене вы всё бегали от меня; я желаю теперь поговорить с вами здесь, при посторонних.

Мелузов. Да, интересно будет выслушать от вас мотивы ваших поступков.

Мигаев. Каких поступков-с?

Мелузов. Вы назначили бенефис Александры Николавны в самом конце ярмарки.

Мигаев. Самое лучшее время-с. По контракту я обязан дать бенефис госпоже Негиной во время ярмарки; но там не сказано, в начале или в конце; это уж мое дело-с.

Мелузов. Вы стоите на почве закона; это я понимаю. Но, кроме закона, существуют еще для человека нравственные обязанности.

Мигаев. Это какие же такие-с, и к чему весь этот разговор?

Мелузов. А вот послушайте: вы отодвинули бенефис до последнего дня, поздно выпустили афиши и не дали Александре Николавне сыграть перед бенефисом. Это ваши поступки.

Мигаев. Точно так-с.

Мелузов. Но Александра Николавна этого не заслужила, потому что в продолжение ярмарки доставляла вам всегда полные сборы, чего другие не делали. Вот и потрудитесь оправдать свое поведение.

Трагик. Ефион!

Мигаев. Сколько мне известно, вы у нас в театре не служите; и посторонним я в своих делах отчета не даю-с.

Дулебов. Разумеется. Что за допрос! Он хозяин в театре, он поступает, соображаясь с своими расчетами и выгодами.

Мелузов. Тем не менее такие поступки называются неблаговидными, и господин, позволяющий себе подобный образ действий, не имеет права считать себя честным человеком. О чем я и имею честь объявить вам перед публикой. И затем мы считаем себя удовлетворенными.

Мигаев. Как вам угодно-с, как вам угодно-с, мне все равно. У публики вкусы разные, на всех не угодишь: вам мои поступки не нравятся, а князь их одобрит.

Мелузов. Какое мне дело до князя! Нравственные-то законы для всех одинаковы.

Мигаев подходит к князю.

Бакин. Вот охота людям даром терять красноречие, проповедовать Мигаеву об честности! Уж это очень наивно. Честность он давно считает предрассудком, и для него разницы между честным и бесчестным поступком не существует, пока его не побили. А вот плюхи две-три влетит, тогда он задумается: должно быть, мол, я какую-нибудь мерзость сделал, коли меня бьют.

Трагик. Да и влетит, и дождется, уж это я ему давно пророчу.

Мигаев *(подойдя к Негиной)*. Значит, вы, госпожа Негина, изволите быть на меня в претензии?

Негина. Конечно. И вы еще спрашиваете.

Мигаев. В таком случае, что же вас заставляет служить у меня? Контракт наш кончается.

Негина. Да, но ведь вы сами просили, чтоб я его возобновила.

Мигаев. Извините, передумал-с. По требованию публики должен на ваше место пригласить другую артистку.

Негина стоит в изумлении.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Вы должны были предупредить меня заранее; у меня были приглашения от других антрепренеров, я всем отказывала, я верила вашему слову.

Мигаев. Словам-то вы напрасно верите. Мы за каждое свое слово отвечать никак не можем,— мы зависим от публики и должны исполнять ее желания.

Негина. Куда же мне теперь, я и не знаю; вы меня поставили в такое положение...

Мигаев. Виноват-с. С другой бы артисткой я так и не сделал; но вы такой талант, для вас никакого ущерба не будет, вас везде примут с радостью.

Негина *(сквозь слезы)*. Вы еще смеетесь надо мной... Но хорошо еще, что вы мне это сказали накануне моего бенефиса... я завтра прощусь с публикой... которая меня так любит... Надо напечатать, что я играю в последний раз.

Вася. Мы и без афиши везде разблаговестим.

Негина *(Великатову)*. Вы, Иван Семеныч, не уедете до завтра?

Великатов. Нет, еще не уеду-с.

Негина. Значит, будете в театре?

Великатов. Непременно.

Бакин. Только вы этого на свой счет не принимайте: он остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дела — есть в виду какая-то операция.

Великатов. Действительно есть. Эта операция не секрет, господа; я ее не скрою от вас; я хочу купить бенефис у Александры Николавны. Может быть, и наживу что-нибудь.

Негина. Как? Вы хотите купить мой бенефис? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмешка надо мной?

Великатов. Нисколько не шучу. Как вы цените ваш бенефис, что вам угодно получить за него?

Негина. Я ни во что его не ценю, он ничего не стоит. Дай бог, чтобы убытку не было.

Вася. Напрасно изволите беспокоиться, ваш бенефис очешно можно купить-с.

Великатов. Сколько может получить бенефициант, если театр полон и цены большие? Ведь брал же кто-нибудь очень хорошие бенефисы?

Трагик *(ударяя кулаком по столу)*. Я.

Вася. Мы с ним в начале ярмарки триста пятьдесят рублей взяли.

Великатов. Угодно вам получить триста пятьдесят рублей?

Негина. Я не могу; это очень много, это подарок... я не желаю получать подарков, это не в моих правилах.

Великатов. Как приятно слышать такие речи от молодой артистки! Сейчас видно, что у вас есть хороший руководитель, человек с честными, благородными убеждениями.

Вася. Да ничего не дорого, Александра Николавна, помилуйте-с! Уж коли Иван Семеныч берутся за это дело, так у вас завтра вся ярмарка будет. Я пятьдесят рубликов накину; угодно взять четыреста рублей?

Великатов. Нет, извините, я не уступлю, я предлагаю Александре Николавне пятьсот рублей.

Вася. Шабаш, дальше не пойду; цена настоящая.

Негина. Да что вы делаете, господа? Ведь у меня бенефис половинный, да еще расходы.

Вася. В убытке не будем-с; люди коммерческие, завтра к одиннадцати часам ни одного билета не останется. *(Великатову.)* Позвольте в долю войти! Пожалуйте два бельэтажа и дюжину кресел!

Великатов. Возьмите у кассира да скажите ему, чтобы он деньги за билеты, которые продал, и все оставшиеся билеты, исключая верхних, доставил мне сейчас же! Я здесь подожду.

Вася. Хорошо, я скажу-с. Извольте получить за два бельэтажа и двенадцать кресел. *(Отдает деньги.)*

Великатов *(принимая деньги)*. Тут сто рублей.

Вася. Так точно, в расчете-с. Позвольте, тут наших есть человека четыре, так, может, найдутся охотники, я сейчас сбегаю. *(Уходит в глубь сцены.)*

Великатов. Я еще не получил вашего согласия, Александра Николавна.

Негина *(Мелузову.)* Как мне поступить, Петр Егорыч? Я не знаю; как вы скажете, так я и сделаю.

Мелузов. И я не знаю: я в таких вопросах не компетентен. Покуда, кажется, все в законных формах. Соглашайтесь.

Негина *(Великатову)*. Я согласна, благодарю вас.

Великатов. Благодарить не за что, я наживу деньги: я должен вас благодарить.

Мигаев *(Дулебову)*. А вы, ваше сиятельство, пари предлагали.

Дулебов. Ну, кто же мог ожидать. Это совсем особенный случай.

Бакин *(Великатову)*. Мне билетик оставьте! Любопытное это будет зрелище.

Вася возвращается.

Вася. Билеты и деньги кассир сейчас принесет, только кассу подсчитает. Я еще взял десять кресел по пяти рублей. Извольте получить. *(Отдает Великатову 50 рублей.)*

Великатов. Не дорого ли это?

Вася. Ничего не дорого; сейчас четыре билета по пяти рублей продал, а завтра у меня пойдет первый ряд по десяти, да на подарок беру по десяти рублей с рыла.

Дулебов. Уж это надо быть совсем дураком, чтобы в провинциальном театре платить по десяти рублей за кресло.

Вася. Да уж в первом-то ряду, ваше сиятельство, у кассира только одно место осталось.

Дулебов. В таком случае, Иван Семеныч, оставьте его за мной.

Великатов. За десять рублей, князь!

Дулебов. Что ж делать, коли все с ума сошли.

Вася. Ну, Гаврило Петрович, закрывай лавочку! Как Александра Николавна уедет, тебе больше не торговать! Баста! Калачом в театр не заманишь. Так ты и ожидай!

Негина. Дайте мне пальто, Петр Егорыч! До свиданья, господа! Благодарю вас! Вы меня утешили, а уж я плакать собиралась, право, господа, так обидно, так обидно...

Мелузов подает ей пальто, Негина надевает его

Трагик. Вася, спрашивай шампанского!

Вася. Да разве нужно?

Трагик. Да как же, чудак: ты поступил благородно, так надо тебя поздравить, братец.

Вася. Так давно бы ты сказал. Человек, бутылку шампанского!

Негина. Прощайте, господа!

Великатов. Позвольте вам предложить мою коляску.

Смельская. Предлагаете коляску и себя, конечно, в провожатые?

Великатов. Нет, зачем же! Александра Николавна поедет с своим женихом. *(Мелузову.)* Кстати уж и вас кучер завезет домой; а потом вы его пришлите.

Мелузов. Обо мне-то уж ваши заботы я считаю, извините, лишними. *(Закутывается пледом. Великатов ему помогает.)* Вы напрасно беспокоитесь, я привык обходиться без чужой помощи. Это мой принцип.

Великатов. Но его трудно выдержать: без взаимной помощи люди не обходятся.

Негина *(Великатову)*. Вы такой благородный человек, такой деликатный... Я вам так благодарна, я не знаю, как и выразить... Я вас поцелую завтра.

Великатов. Очень буду счастлив.

Смельская. Завтра? Это долго ждать. *(Дулебову.)* Князь, а я вас поцелую сегодня, сейчас.

Дулебов. Готов служить, моя прелесть. Распоряжайтесь мной как угодно!

Смельская целует Дулебова.

Негина. Ну, прощайте, господа, прощайте! *(Посылает рукой поцелуи.)*

Трагик. Офелия! о нимфа! помяни меня в твоих святых молитвах.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Лица

Негина.
Домна Пантелеевна.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.
Вася.
Трагик.
Матрена, кухарка Негиной.

Декорация первого действия. Вечер, на столе две свечи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрена, потом Домна Пантелеевна.

Матрена (*у двери*). Кто там?

За сценой голос Домны Пантелеевны: «Это я, Матрена!»

Сейчас отпираю.

Входит Домна Пантелеевна.

Кнатра-то разошлась?

Домна Пантелеевна. Нет еще, не совсем, с полчаса пройдет. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша приедет, так чтобы ей не дожидаться. Самовар-то готов у тебя?

Матрена. Развела, гляди, зашумит скоро.

Домна Пантелеевна. А зашумит, так прикрой.

Матрена. Что его прикрывать-то! Наш самовар и зашумит, так не скоро кипеть-то сберется; уж он поет-поет на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, так он хуже, ровно тебе на смех. У меня с ним брани немало бывает.

Домна Пантелеевна. Измучилась я в театре-то; жара, духота, радехонька, что выкатилась.

Матрена. Да вестимо, летнее дело в четырех стенах сидеть, а народу, поди, много?

Домна Пантелеевна. Полнехонек театр, как есть; кажется, яблоку упасть негде.

Матрена. Ишь ты! Чай, в ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелеевна. Всего было. Поди-ка погляди самовар-то да сбери в ее комнате! Постой-ка, кто-то подъехал. Саше бы еще рано.

Матрена отворяет дверь, входит Великатов. Матрена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Домна Пантелеевна и Великатов.

Великатов. Здравствуйте, Домна Пантелеевна!

Домна Пантелеевна. Здравствуйте, Иван Семеныч! Что это вы вздумали...

Великатов. Дело есть, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Так до завтра бы. А то поздно, неловко как-то, у нас об эту пору мужчины не бывают.

Великатов. Не беспокойтесь, Домна Пантелеевна, я Александру Николавну дожидаться не стану; а про нас с вами никто дурного не скажет.

Домна Пантелеевна. Ах вы, проказник!..

Великатов. Стало быть, тетенька, вам и опасаться нечего.

Домна Пантелеевна. Да какая я вам тетенька?

Великатов. А что ж, разве бы я в племянники вам не годился?

Домна Пантелеевна. Да уж чего еще лучше! Совсем молодец, поискать этакого красавца!

Великатов. А я вам, Домна Пантелеевна, деньги принес за бенефис.

Домна Пантелеевна. Вот благодарю, вот уж покорно благодарю! Самое это для нас нужное, самое необходимое; потому, Иван Семеныч, первое дело: долги. Как без них проживешь? Возможно ли?

Великатов. Невозможно, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Все мы люди.

Великатов. Все человеки, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Они, долги-то, у нас хотя и маленькие, а все-таки, сжели который человек с совестью, так беспокойство.

Великатов. Беспокойство, Домна Пантелеевна, беспокойство. (*Передавая пакет с деньгами.*) Вот, отдайте Александре Николавне.

Домна Пантелевна. Благодарны, оченно вами благодарны, Иван Семеныч! Чаю не прикажете ли?

Великатов. Покорно благодарю; не могу, увольте от чаю, Домна Пантелевна! Как-то в душу ничего нейдет, особенно чай; так все словно тоска какая-то, Домна Пантелевна, все словно я не в себе.

Домна Пантелевна. Пахондрия.

Великатов. Действительно, Домна Пантелевна, пахондрия.

Домна Пантелевна. Денег много, а дела нет, вот она и привяжется.

Великатов. Как раз угадали; от этого от самого.

Домна Пантелевна. А то отчего ж бы вам тосковать-то?

Великатов. Это точно, что не от чего. А тоскую, Домна Пантелевна, вот и мечешься на ярмарке-то из трактира в трактир. Поверите ли, вот уж другую неделю все два раза в день пьян... Так думаю, Домна Пантелевна: либо это на меня напущено, либо уж богу так угодно.

Домна Пантелевна. Одиночество.

Великатов. Одиночество, Домна Пантелевна; золотые ваши слова; и разговору больше нет, что одиночество.

Домна Пантелевна. Изберите подругу жизни!

Великатов. Где взять прикажете?

Домна Пантелевна. Женитесь, возьмите барышню хорошую; за вас всякая пойдет, хоша бы самого высокого роду.

Великатов. Боюсь, тетенька.

Домна Пантелевна. Что вы, помилуйте, чего бояться, что тут страшного?

Великатов. Скучнее станет.

Домна Пантелевна. Ах, нет, это вы напрасно. Как же можно! Совсем разница женатый человек, нежели холостой.

Великатов. На фортепианах они очень любят играть, а я этого терпеть не могу.

Домна Пантелевна. Все-таки музыка. Ну, а холостому какое удовольствие? Окромя, что выпить с приятелями, никакой ему другой радости нет в жизни.

Великатов. А хозяйство, Домна Пантелевна? Как вы об этом скажете?

Домна Пантелевна. Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведет...

Великатов. За мной этот грех водится. У меня в деревне домик хороший, комнат в сорок, лошадей довольно, садик разведен чуть не на версту, с беседками, с прудами...

Домна Пантелевна. Значит, все заведение вполне, как следует быть у хорошего помещика?

Великатов. Все вполне, Домна Пантелевна. Коли скучно, выдешь на крыльцо, индейские петухи по двору ходят, все белые.

Домна Пантелевна. Белые! Ах, скажите пожалуйста!

Великатов. Закричишь им: «Здорово, ребята!» Они тебе отвечают: «Здравие желаем, ваше благородие!»

Домна Пантелевна. Приучены?

Великатов. Приучены. Ну, и утешаешься. По крышам, по заборам павлины сидят, хвосты-то на солнышке так и играют.

Домна Пантелевна. И павлины? Ах, батюшки мои!

Великатов. Выдешь в парк погулять, по озеру лебеди плавают, всё парочками, всё парочками, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Да неужто лебеди? Вот райто! Хоть бы глазком взглянула.

Великатов *(взглянув на часы)*. Так мы хорошо, приятно с вами, тетенька, разговорились, что расставаться не хочется; поговорил бы и еще, да некогда, извините, дело есть.

Домна Пантелевна. Уж и я бы поговорила, такой вы для меня приятный... Этакого милого, обходительного человека я и в жизнь не видывала...

Великатов. От бенефиса вашего я, Домна Пантелевна, деньги нажил, так позвольте вам подарочек предложить. *(Уходит в переднюю и выносит сверток в бумаге и подает Домне Пантелевне.)*

Домна Пантелевна. Что же это такое?

Великатов. Платочек.

Домна Пантелевна *(развернув бумагу)*. Да какой платочек, помилуйте — скажите, это целая шаль, я сроду такой и не нашивала. Да сколько ж она стоит-то?

Великатов. Не знаю, мне даром досталась, у купца у знакомого взял по-приятельски.

Домна Пантелеевна. Батюшка, да за что же это? Право, уж я и не знаю, что мне... Да уж я вас поцелую, уж позвольте, родной мой... душа моя не вытерпит.

Великатов. Сделайте одолжение, сколько вам угодно.

Домна Пантелеевна целует его.

Прощайте! Александре Николавне засвидетельствуйте мое почтение. Может быть, не увидимся. *(Уходит.)*

Домна Пантелеевна провожает его в переднюю, потом возвращается.

Домна Пантелеевна. Откуда этакие люди берутся! Батюшки мои! *(Надевает платок.)* Да я его и не сниму теперь. *(Смотрит в зеркало.)* Барыня, ну как есть барыня! Вот человек-то! А то что у нас за люди! Не глядели б глаза мои на них. Ведь вот есть же люди. *(Прислушивается.)* Кто там еще?

Входит Нароков с венками и букетами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Домна Пантелеевна и Нароков.

Нароков. Вот бери, на! Вот лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелеевна. Эка невидаль! Куда нам эти веники-то! На что они!

Нароков. Невежество! Эти венки — знак восторга, знак признательности таланту за счастье, которое он доставляет. Лавры — это диплом на почет, на уважение.

Домна Пантелеевна. Сколько небось истрачено на этот хворост! Лучше бы деньгами. Деньгам-то уж мы бы место нашли, а этот ворох... куда его? В печку, только и всего.

Нароков. Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелеевна. Ну да, как же, нужно очень всякий хлам беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вот смотри! *(Показывает ему шаль и поворачивается перед ним.)* Вот это подарок! Мило, прелестно, деликатно.

Нароков. Ну, всякому свое, я тебе не завидую; вот

дочери твоей завидую. Я себе несколько листиков на память возьму. *(Отрывает несколько листков.)*

Домна Пантелеевна. Да хоть все бери, не заплачу.

Нароков *(вынимает из кармана лист бумаги)*. А вот это передай Александре Николавне.

Домна Пантелеевна. Что еще? Записка от кого-нибудь? Уж и так надоели с этими глупостями.

Нароков. Это от меня... это стихи... И я в Аркадии родился.

Домна Пантелеевна Где, Прокофьич, где?

Нароков. Далеко: ты там не бывала и не будешь никогда. *(Показывает Домне Пантелеевне стихи свои.)* Вот видишь, бордюрчик: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вот: пчелка сидит, бабочка летает... Я целую неделю рисовал.

Домна Пантелеевна. Так ты бы сам и отдал.

Нароков. Стыдно. Вот смотри! *(Указывает на свою голову.)* Седая, лысая! А тут чувства молодые, свежие, юношеские, вот и стыдно. Вот, отдай! Да только ты не брось! Ведь ты грубая женщина, в тебе чувства нет. Для вас, грубых людей, удовольствие бросить, растоптать ногами все нежное, все изящное.

Домна Пантелеевна. Да ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всем таким быть. Вот положи на стол; она приедет и увидит.

Нароков *(кладет бумагу на стол)*. Да, я чувствительный! Прощай! *(Уходит.)*

Домна Пантелеевна. Вот сумасшедший-то! А ничего, добрый, я его не боюсь. Другие хуже чудят: кто посуду бьет, кто на людей мечется, кусается; а этот смирный. Подъехал кто-то. Вот Саша, должно быть. *(Идет к двери.)*

Входит Негина с букетом и коробочкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Домна Пантелеевна и Негина

Негина *(кладет букет и коробочку на стол)*. Ох, устала! *(Садится у стола.)*

Домна Пантелеевна. Извозчика-то отпустить?

Негина. Нет, зачем! Я вот отдохну, да прокатиться

поедемте, подышать свежим воздухом. Еще не поздно. Ведь он на весь вечер занят.

Домна Пантелевна. И то, что ж, пусть подождет, не задаром же деньги-то платить!

Негина. Что это на вас за шаль?

Домна Пантелевна. Великатов подарил; от бенефиста, говорит, деньги нажил. А что, хороша?

Негина. Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелевна. Он говорит, что даром досталась.

Негина. Верьте вы ему! Он все так говорит. Так он был здесь?

Домна Пантелевна. Да, заезжал и деньги привез.

Негина. Что ж он со мной не повидался?

Домна Пантелевна. Не знаю, торопится куда-то, уж не уезжает ли.

Негина. Может быть. Какой он странный, не поймешь его никак. *(Задумчиво.)* А вот этакий мужчина, кабы захотел, кажется, сразу мог бы увлечь женщину.

Домна Пантелевна. Ну, да что уж толковать! Да и не осудишь женщину-то. Как ее осудить! Сердце-то не камень, а таких молодцов немного, пожалуй, другого такого и всю жизнь не встретишь. Смиренничай да смиренничай — и проживешь всю жизнь так, ни за что; и вспомянуть будет нечем. Он мне про свою усадьбу рассказывал. Какое у него хозяйство диковинное!

Негина. Что ж мудреного; он очень богат.

Домна Пантелевна. Ты чаю не хочешь ли?

Негина. Нет, погодите немного. *(Взглянув на стол.)* А это что такое?

Домна Пантелевна. Это Прокофьич принес тебе на знак памяти.

Негина *(рассматривая бумагу)*. Ах, как мило! Какой он добрый, милый старик!

Домна Пантелевна. Да, добрый, хороший человек: да вот опанкрутился и свихнулся. Ну, как же мы с тобой теперь об деньгах рассудим?

Негина. Что рассуждать-то! Прежде всего надо долги заплатить, а что останется, на то и жить.

Домна Пантелевна. Да немного останется-то, не разживешься.

Негина. Да, теперь труднее будет, без жалованья-

то. А куда поедешь, кого я знаю? Опять же гардеробу у меня нет.

Домна Пантелевна. Сотни две, а то и полторы, больше не останется, вот ты их и повертывай, как знаешь. Надо на них все лето прожить. По три денежки в день, куда хочешь, туда день. Осенью-то нас в Москву зовут, там актрисы нужны стали.

Негина. Бросить разве сцену да выйти замуж, — так Петр Егорыч еще места не нашел. Кабы работать что-нибудь.

Домна Пантелевна. Ну вот еще, бросить сцену! Ты вот в один день получила, чего в три года не выработаешь.

Негина. Много мы получаем, да и проживать много надо.

Домна Пантелевна. Эх, как ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша с тобой не сладка. Уж, признаться сказать, надоело нищенство-то.

Негина. Надоело... да... надоело... Я думала, думала, да уж и думать перестала. Ну, утро вечера мудренее, завтра потолкуем.

Домна Пантелевна. Само собой; а теперь давай чай пить. *(Прислушивается.)* Кого еще бог несет?

Входит Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Негина, Домна Пантелевна и Бакин.

Бакин. Я к вам чай пить, Александра Николавна!

Негина. Их, извините, я не могу вас принять, я очень устала, мне надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Бакин. Ну полчаса, ну что такое полчаса!

Негина. Право, не могу, я так измучена.

Бакин. Ну, я зайду минут через десять или через четверть часа, вы успеете отдохнуть.

Негина. Нет, нет, сделайте одолжение! Завтра приезжайте, ну когда хотите, только не сегодня.

Бакин. Александра Николавна, я как-то не люблю изменять свои намерения, мне всегда хочется исполнить то, что я задумал, и с моей настойчивостью мне удается.

Негина. Очень рада, что вам удается, но, извините, я вас оставлю, я очень устала.

Бакин. Ну, уходите, а я здесь останусь, в этой комнате, я вот на этом стуле всю ночь просижу.

Негина. Ну, перестаньте шутить! Довольно уж.

Бакин. Не верите? Так я вам докажу, я человек решительный.

Домна Пантелевна. И я, батюшка, женщина решительная, я ведь и караул закричу.

Бакин *(Негиной)*. Послушайте, вы боитесь, что меня у вас застанет кто-нибудь?

Негина. Никого и ничего я не боюсь.

Бакин. Все ваши обожатели теперь ужинают в вокзале, и князь, и Великатов, и Смельская с ними, и просидят там до утра.

Негина. Да что мне за дело!

Бакин. А жених ваш спит, вероятно; да я и не верю, что вы его любите.

Негина. Ах, боже мой, это невыносимо! Я вас и не уверяю ни в чем.

Бакин. Вы его держите при себе только для защиты от ухаживанья, а понравится вам кто-нибудь, ведь вы его бросите, это всегда так бывает.

Негина. Ну, хорошо, хорошо.

Бакин. Вы уж очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Перед вами человек образованный, обеспеченный... Что я не ухаживаю за вами, не говорю нежностей, не объясняюсь в любви, так это не в моих правилах. Мы не дети, зачем нам притворяться! Будем говорить, как совершеннолетние.

Негина. Прощайте. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Ну, батюшка, поговорили, да и будет. Пора людям покой дать! А то, коли хотите разговаривать, так говорите со мной, я за словом в карман не полезу.

Бакин *(громко)*. А я все-таки еще зайду. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Запру сени, уж теперь никого не пущу, хоть умирай там. *(Уходит.)*

За сценой слышен крупный разговор. Выходит Негина.

Негина. Что там такое?

Входят Домна Пантелевна, Вася с бутылкой шампанского и трагик.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Домна Пантелевна, Вася и трагик.

Домна Пантелевна. Вот беспутные, право, беспутные! Насильно вломились, никаких резонтов не слушают.

Вася. Да нельзи, Домна Пантелевна, надо же за здоровье Александры Николавны выпить; уж миновать этого дела никак невозможно. А что ж такое! мы честно, благородно, со всем нашим уважением! Никакого безобразия, помилуйте!

Трагик. Еще бы! Коли я тут.

Негина. Да напрасно вы беспокоитесь, я пить не стану.

Вася. Это как вам угодно-с. Нам больше останется, мы и одни выпьем. *(Кричит за перегородку.)* Милая, умница, дай-ка стаканчиков!

Домна Пантелевна. Да давай уж, я откупорю. *(Берет бутылку и уходит.)*

Трагик *(Негиной)*. Ты говоришь, что пить не станешь; а вот я посмотрю, как ты у меня не выпьешь!

Вася. Неволить не надо-с.

Трагик. Я неволить не стану, я буду просить.

Выходит Домна Пантелевна, ставит бутылку и стаканы на стол.

Вася *(наливает)*. С вас и начинать, по старшинству-с.

Домна Пантелевна. Не знаю, пить ли, боюсь, захмелею.

Вася. А что ж такое! чего бояться-то? Дело к ночи-с. Хоть и захмелеете, не велика беда. Мы вот с ним этого не боимся.

Домна Пантелевна *(берет стакан)*. Ну, Саша, поздравляю тебя! *(Пьет.)*

Вася *(подносит стакан Негиной)*. Теперь позвольте вас просить.

Негина. Уж я сказала, что не буду пить.

Вася. Нельзя-с, за что ж обижать? Мы со всем расположением. Хоть половину-с!

Трагик *(падая на колени)*. Саша, Александра! Ты

смотри, кто тебя просит! Смотри, кто у ног твоих! Громилов, сам Ераст Громилов!

Негина. Ну, извольте, я немного выпью; только уж больше ни за что не стану. *(Пьет.)*

Вася *(помогая трагику подняться)*. Сколько угодно-с. *(Берет стакан.)* Остальное мы допьем и ваши мысли узнаем. *(Наливает стаканы.)* Теперь мы выпьем-с. *(Подает стакан трагику.)*

Трагик. Поздравляй за двоих, у меня сегодня красноречие не в порядке.

Вася. Честь имею поздравить-с с успехом-с. Сто лет жизни и миллион денег-с! *(Чокаются с трагиком и пьют.)*

Трагик *(подавая стакан)*. Наливай еще! *(Вася наливает, трагик пьет.)* Вся?

Вася *(показывая бутылку)*. Вся.

Трагик. Ну, поедем!

Вася *(Негиной)*. Прощенья просим! Пожалуйте ручку-с! Извините за невежество-с. Спасибо этому дому, теперь пойдем к другому.

Уходят.

Домна Пантелевна. Вот путаники! Точно их вихрем по городу-то носит. Теперь уж запру, одолели. *(Уходит и скоро возвращается.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Негина, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Ну, уж теперь давай чай пить!

Негина. Я выпью с удовольствием.

Домна Пантелевна *(у перегородки)*. Матрена, налей-ка нам по чашечке. *(Негиной.)* Дай-ка подарок-то!

Негина *(подавая коробочку)*. Да ведь вы видели, серьги и брошка.

Домна Пантелевна. Да я убрать хочу. Ведь тоже не малых денег стоит. *(Прячет в карман.)* Тем эти вещи хороши, приятны, что, случись нужда, сейчас и заложить можно. Не то что вот эти веники.

Матрена приносит две чашки чаю и уходит.

Негина *(прихлебывая чай)*. А какой мне букет Великатов поднес. Посмотрите!

Домна Пантелевна. Ну, что букет! букет как букет. Даром деньги брошены, я так считаю. *(Пьет чай.)*

Негина. Нет, вы посмотрите! Цветы все дорогие, и где он их взял?

Домна Пантелевна *(рассматривая букет)*. Да, хорош, уж нечего сказать. *(Находит записку.)* А это что ж такое?

Негина *(читает про себя записку)*. Ах, ах!

Домна Пантелевна. Что такое?

Негина *(хватаясь за голову)*. Ах, нет, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. *(Достает из кармана записку.)* Это от Петра Егорыча, он мне на подъезде дал. *(Читает про себя.)*

Домна Пантелевна. Читай вслух! что еще за секреты от матери!

Негина *(читает)*. «Да, милая Саша, искусство не вздор, я начинаю понимать это. Сегодня в игре твоей я нашел так много теплоты и искренности, что, просто тебе сказать, пришел в удивление. Я очень рад за тебя. Это редкие и дорогие качества души. После спектакля у тебя, вероятно, будет кто-нибудь; при твоих гостях я всегда чувствую что-то неприятное, не то смущение, не то досаду, и вообще мне как-то неловко. Все они смотрят на меня или враждебно, или с насмешкой, чего я, как ты сама знаешь, не заслуживаю. По всем этим соображениям я после театра к тебе не зайду, но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя. Конечно, я мог бы зайти к тебе и завтра утром; но извини, душа полна через край, сердце хочет перелиться...» *(Отирает слезы.)*

Домна Пантелевна. Ну-ка, прочти другое-то!

Негина. Да нет, маменька, не нужно, стыдно!

Домна Пантелевна. Ну, вот еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записок, которые читать стыдно, да ведь читаешь ты их мне.

Негина. Ну, мама, соберись с силами. *(Читает.)* «Я полюбил вас с первого взгляда. Видеть и слышать вас для меня невыразимое наслаждение. Извините, что я объясняюсь с вами на письме; по врожденной робости я никогда не осмелился бы передать вам мои чувства словами. Теперь мое счастье от вас зависит. А счастье

мое, о котором я мечтаю, обожаемая Александра Николавна, вот какое: в моей усадьбе, в моем роскошном дворце, моих палатах есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная с меня, рабски повинуется. Так проходит лето. Осенью мы с очаровательной хозяйкой едем в один из южных городов, она вступает на сцену в театре, который совершенно зависит от меня, вступает с полным блеском; я наслаждаюсь и горжусь ее успехами. О дальнейшем я не мечтаю, поживем — увидим. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговор мой я прочту завтра в ваших глазах, если вы меня приметс; если же не примете, я с разбитым сердцем, но безропотно удалюсь, наказанный вашим презрением за мою дерзость. Ваш Великатов». *(Сквозь слезы.)* Мама, да что же это такое? Что он, противный, пишет? Кто ж это ему позволил?

Домна Пантелевна. Что позволил?

Негина. Да так... полюбить меня.

Домна Пантелевна. А разве на это спрашивается позволенье-то, глупая!

Негина. Так бы вот и убила его.

Молчание.

Домна Пантелевна *(в задумчивости)*. Лебеди... Лебеди, говорит, плавают на озере.

Негина. Ах, да что мне за дело!

Молчание.

Домна Пантелевна. Саша, Сашутка, ведь никогда еще мы с тобой серьезно не говорили; вот он серьез-то начинается. Живешь, бедствуешь, а тут богатство! Ах, батюшки мои, какая напасть? Вот соблазн-то, вот соблазн-то! Уж не дьявол ли он, прости господи, тут подвернулся? В самый-то вот раз... только что мы про свою нужду-то раздумывали. Ну, как есть дьявол. А уж что ласки-то в нем, что этой всякой добродетели! Да давай же говорить о деле-то серьезно, вертушка!

Негина. «Серьезно», об таком-то деле серьезно! Да за кого ж вы меня принимаете! Разве это «дело»? Ведь это позор! Ты помнишь, что он-то говорил, он, мой милый, мой Петя! Как тут думать, об чем думать, об чем

разговаривать! А коли есть в тебе сомнение, так возьми что-нибудь, да и погадай! Ведь я твоя. Чет или нечет, вот и конец. *(Берет записку Мелузова.)*

Домна Пантелевна. Да что ты! как я могу!.. Это твое дело. Да сохрани меня господи! Да меня бог и люди...

Негина *(дочитывает записку Мелузова)*. «Но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в наш садик, я там подожду тебя». Ах, бедный, бедный! Как я его мало любила! Вот когда я чувствую, что люблю его всей душой. *(Берет письмо Нарокова.)* Ах, вот и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Уж так меня никто любить не будет. Дайте-ка шаль! Я пойду.

Домна Пантелевна. Куда ты? куда ты? что ты!

Негина. Ах, отстаньте, не ваше дело!

Домна Пантелевна. Как не мое! Да и ты-то моя.

Негина. Ну, я ваша, что хотите со мной делайте; да душа у меня своя. Я к Пете. Ведь он меня любит, он меня жалеет, он нас с вами добру учил.

Домна Пантелевна. Да как же дело-то? Уж скажи что-нибудь!

Негина. Ах, дело, дело! Ну, завтра, завтра, оставим до завтра. А теперь не мешайте мне. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, может быть, завтра уж не буду. На душе у меня теперь очень хорошо, очень честно, не надо этому мешать.

Домна Пантелевна. Ну, ну, как хочешь, как хочешь.

Негина *(покрываясь шалью)*. Я не знаю, может быть, сейчас ворочусь, может быть, до утра... Но чтоб ни словом, ни взглядом...

Домна Пантелевна. Да что ты, разве я не мать тебе, разве я не женщина! Не понимаю я нешто, что мешать тебе нельзя; души, что ль, у меня нет?

Негина. Ну, я иду.

Домна Пантелевна. Да постой, покройся хорошенько, не простудись! Эко сердце-то у тебя золотое. А я все-таки запирать не стану, буду чай пить да тебя поджидать.

Негина уходит. Домна Пантелевна уходит за перегородку. Сцена несколько времени пуста, потом входит Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бакин один.

Бакин. Никого нет, и дверь не заперта, и какая-то тень проскользнула мимо меня — это она; но куда, к кому? Если к жениху, так незачем, он сюда может прийти. Вероятно, пошла погулять в сад, подышать свежим воздухом. Я ее здесь подожду; ну, не прогонит же она, все-таки позволит хоть с полчаса посидеть. Я подержал пари с Великатовым, что буду у ней чай пить и просижу до утра. Проиграть не хочется. Я хотел его уведомить, примет она меня или нет. А! так я вот что сделаю, я пошлю кучера сказать, что я здесь остался. Если прогонит, то я прошатаюсь где-нибудь до света. *(Отворяет окно.)*

В это время входят Мелузов и Негина, которая проходит за перегородку.

Иван, поезжай в вокзал, скажи, что я здесь остался.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бакин и Мелузов.

Мелузов. Нет, вы не останетесь здесь. Велите кучеру подождать, вы сейчас выйдете! Что же вы? Ну, так я прикажу. *(В окно.)* Иван, останься! Барин сейчас выйдет.

Бакин. Какое право вы имеете распоряжаться в чужой квартире? Я вас не знаю и знать не хочу.

Мелузов. Нет, позвольте, зачем вы лжете? И лжете с дурным намерением. Вам хочется ославить девушку?

Бакин. «Ославить»? визит после театра разве значит «ославить»? Ну, что вы знаете!

Мелузов. Хорошо; да зачем посылать кучера объявлять, что вы здесь остались?

Бакин. Вы посетитель райка, разве вы можете понимать отношения между артистами и той публикой, которая занимает первые ряды кресел!

Мелузов. Я вот что понимаю: что вы, посетитель первого ряда кресел, уйдете отсюда, а я, посетитель райка, останусь здесь.

Бакин. Вы здесь останетесь?

Мелузов. Да, останусь.

Бакин. Вот это хорошо! По крайней мере, я сделал открытие, которым могу поделиться...

Мелузов. С кем угодно.

Бакин. Впрочем, вы, может быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

Мелузов. Нет, уж будьте покойны, я останусь.

Входит Негина, одетая в пальто.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Бакин, Мелузов и Негина.

Негина *(кладет Мелузову руку на плечо)*. Да, он останется.

Мелузов. Ну, теперь сомнения ваши кончились, значит, вам остается только одно...

Негина. Удалиться.

Мелузов. И чем скорее, тем лучше.

Бакин. Лучше, лучше! Я сам знаю, что мне лучше.

Мелузов. Нет, не знаете, вы мне не дали договорить. Скорее уйти вам потому лучше, что можете уйти в дверь, а если долго будете собираться, тогда отправитесь в пространство посредством окна.

Негина *(обнимая Мелузова)*. Ах, милый!

Бакин. Ну, молодой человек, запомните вы это! *(Уходит.)*

Негина. Ах, милый Петя, голубчик мой, поедем сейчас кататься на всю ночь: лошади здесь.

Мелузов. Куда, Саша?

Негина. Куда хочешь, куда только тебе угодно, все, все в твоей воле вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы едем.

Мелузов и Негина уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лица

Негина.
Домна Пантелеевна.
Дулебов.
Смельская.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.

Вася.
Трагик.
Обер-кондуктор.
Кондуктор.
Человек, служащий в вокзале.

Разного рода пассажиры и вокзальная прислуга. Вокзал железной дороги, зала для пассажиров первого класса: направо (от актеров) дверь в виде арки, ведущая в другую залу; прямо стеклянная дверь, за ней видна платформа и вагоны; на середине, поперек комнаты, длинный стол, на нем приборы, бутылки, канделябры и ваза с цветами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трагик сидит у стола. Потом человек. С платформы слышны голоса: «Станция. Город Брянимов, поезд стоит двадцать минут, буфет»; «Брянимов! Поезд стоит двадцать минут»

Трагик. Где мой Вася? Человек! *(Стучит по столу.)*

Человек входит.

Человек. Что прикажете?

Трагик. Где мой Вася?

Человек. Да помилуйте, который раз уж вы спрашиваете! Почем же мы знаем?

Трагик. Ну, так поди вон, братец!

Человек уходит.

Где мой Вася?

Входит Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик и Вася.

Вася. Ну, вот Вася, ну, что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Вот еще! Стало быть, дело есть. Ты говори, что тебе нужно!

Трагик. Чего мы, братец, с тобой сегодня не пили?

Вася. Чего? Да уж, кажется, все, окромя купоросу. А вот что! Довольно бы, перегодим!

Трагик. Да ты любишь меня или нет?

Вася. Ну, вот еще разговаривать-то.

Трагик. За что ты меня любишь?

Вася. За то, что у нас в доме безобразие, а ты талант. Ну, и кончен разговор. Только послушай! что все вино да вино! Дадим ему отдохнуть немножко.

Трагик. Ну, пусть его отдохнет.

Вася. Я приказчика отправляю в Харьков, так нужно растолковать ему все как следует. Пойдем в третий класс, разгуляйся малость!

Трагик. Ну, пойдем. *(Встает.)*

Идут к двери, навстречу им из другой залы выходят Нароков и Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трагик, Вася, Нароков и Мелузов.

Нароков *(останавливая Васю)*. Постойте, постойте! Вот вам мои часы. *(Снимает с себя карманные часы и отдает Васе.)*

Вася. Да на что мне твои часы, Мартын Прокофьич?

Нароков. Дайте мне десять рублей, дайте, прошу вас.

Вася. Да часов-то мне твоих не надо, чудак человек.

Нароков. Сделайте милость, сделайте милость! мне крайность.

Вася. А коли крайность, я тебе и так поверю.

Нароков. Не надо, не надо. Возьмите часы: я их выкуплю, они дорогие; я их скоро выкуплю.

Вася. Да на что тебе деньги? Скажи, откройся!

Нароков. Ах, за что вы меня мучаете? Скажите мне, дадите вы или нет?

Вася. Любопытно, братец, что у тебя за дело, что за коммерция.

Нароков. Извините, что побеспокоил. Не надо мне.

Вася. Да изволь, изволь. *(Прячет часы в карман и достает из бумажника деньги.)* На вот получай! Процентов не возьму, не бойся.

Нароков *(берет деньги и жмет руку Васе)*. Благодарю вас, благодарю, вы меня выручили.

Вася и трагик уходят в другую залу.

Мелузов. Их нет и здесь; вы ошиблись, должно быть.

Нароков. Нет, знаю, знаю, да и сердце мне говорит, что она уезжает. Вы видите, что я еще не могу прийти в себя.

Мелузов. Да, невероятно. Зачем же ей скрывать от меня, зачем меня обманывать! Сегодня утром я получил от нее записку вот какого содержания. *(Вынимает записку и читает.)* «Петя, нынче ты не приходи к нам, сиди дома, жди меня, я сама зайду к тебе вечером».

Нароков. Да, непонятно; но они уезжают, это верно. Я заходил к ним, меня не пустили. Вышла Домна Пантелевна и закричала на меня: «Не до тебя нам, не до тебя, мы сейчас едем на железную дорогу». Я видел чемоданы, саквояжи, узлы... Я побежал к вам.

Мелузов. Пойдемте посмотрим в той зале, подождем их у входа.

Нароков. Я потерял память. Что же теперь, утро или вечер? Я ничего не знаю. Когда отходит поезд?

Мелузов. В семь часов вечера, еще минут двадцать осталось.

Нароков. О, так они еще приедут. Пойдем.

Уходят в другую залу.
Из стеклянной двери выходят Негина, на ней дорожная сумка, Домна Пантелевна, Смельская, Дулебов, Бакин и Матрена с подушками и узлами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Негина и Смельская проходят вперед. Дулебов и Бакин садятся к столу. Матрена кладет узлы и подушки на диван подле двери. Домна Пантелевна перебирает узлы и что-то прячет в них.

Смельская. Как ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Негина. Когда же мне было! Я сегодня получила телеграмму и сейчас же стала собираться.

Смельская. Если б мы с князем не заехали на вокзал, так бы ты и уехала, не простясь.

Негина. Мне некогда было: я ни с кем не простилась, я собралась вдруг и хотела написать вам из Москвы.

Смельская. Так ты в Москву едешь?

Негина. Да.

Смельская. На каких условиях?

Негина. Предлагают очень хорошие, но я еще не решилась, я тебе оттуда напишу.

Дулебов *(Бакину)*. Мне представилось, что нынче должен отправиться Великатов, вот я и приехал захватить его; выпью, мол, с него бутылку шампанского в наказание за то, что он уезжает украдкой.

Бакин. И я за тем же.

Дулебов. Однако поезд уж пришел, а его нет еще, должно быть, остался в городе.

Бакин. Ведь эти господа миллионщики любят являться прямо к третьему звонку.

Смельская *(Негиной)*. А как же Петр Егорыч?

Негина. Ах, не говори об нем, пожалуйста!

Смельская. Ты ему сказала?

Негина. Нет, он не знает. Я боюсь, что он сюда приедет, уж ехать бы скорей.

Бакин. Вот и Иван Семеныч!

Из другой залы входят Великатов и обер-кондуктор и останавливаются у двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Негина, Смельская, Дулебов, Бакин, Домна Пантелевна, Матрена, Великатов, обер-кондуктор, потом человек и кондуктор.

Обер-кондуктор *(Великатову)*. Начальник станции приказал прицепить особый вагон с семейным отделением.

Великатов. Да, это я его просил. *(Кланяется Дулебову и Бакину.)*

Бакин. Вы едете?

Великатов. Нет, я провожаю Александру Николавну и Домну Пантелевну. *(Обер-кондуктору.)* Когда будет готово, так распорядитесь, чтобы перенесли эти вещи! Уж похлопочите, чтобы все было хорошо и удобно.

Обер-кондуктор. Будьте покойны.

Домна Пантелевна. Иван Семеныч, взяли билеты-то?

Великатов. Взял, Домна Пантелевна, и всю кладь вашу сдал.

Домна Пантелевна. Так дайте мне билеты-то, а то без билетов не пустят.

Великатов. Я вам после отдам, когда будете в вагон садиться.

Домна Пантелевна. Как бы не опоздать, Иван Семеныч; пожалуй, без нас уедут, у меня сердце не на месте.

Обер-кондуктор. Не беспокойтесь; я за вами приду и сам посажу вас, а уж без меня поезд не тронется. А за вещами и сейчас пришлю.

Домна Пантелевна. Да уж пришлите, только кого понадежнее, чтобы все в сохранности.

Великатов. Так вы распорядитесь!

Обер-кондуктор *(прикладывая руку к шапке)*. Сейчас прикажу. *(Уходит.)*

Великатов. Надо, господа, на проводах бутылочку выпить, я уж приказал подать. Александра Николавна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Домна Пантелевна. Да, уж перед отъездом всем нужно присесть. Матрена, и ты садись!

Все усаживаются у стола со стороны, противоположной арке. Человек входит с бутылкой шампанского, ставит на стол и уходит. Великатов наливает вино в бокалы.

Великатов *(поднимая бокал)*. Счастливого пути, Александра Николавна! Домна Пантелевна!

Дулебов и Бакин привстают и кланяются.

Домна Пантелевна. Счастливо оставаться, господа!

Смельская *(целуя Негину)*. Желаю тебе счастья, Саша! Пиши, пожалуйста!

Входит кондуктор.

Кондуктор. Какие вещи прикажете брать?

Домна Пантелевна. Вон, батюшка! Матрена, покажи ему, да поди за ним, пригляди хорошенько.

Кондуктор забирает вещи.

Кондуктор!

Кондуктор. Что угодно?

Домна Пантелевна. Ты подушки-то поосторожнее, там по полу не валяйте их!

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Что «маменька»! Прикажешь-то, так лучше. *(Кондуктору.)* Не трожь этот мешочек-то, крайний-то! Говорю, не трожь, там баранки, еще рассыплешь, пожалуй!

Дулебов и Бакин смеются.

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Да что! Понадейся на них!

Негина. Берите все, берите все!

На платформе звонок.

Домна Пантелевна *(быстро встает со стула)*. Ай! Поехали.

Великатов. Успокойтесь, Домна Пантелевна, без вас не уедут.

Кондуктор. Это звонок третьему классу, еще времени много осталось. *(Уходит. Матрена за ним.)*

Домна Пантелевна. Напугали до смерти. Они этими звонками проклятыми всю душу вымотают.

Входят из другой залы Нароков, за ним человек с бутылкой, Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов, Бакин, Дулебов, Нароков садится на конце стола, к арке. Человек ставит перед ним бутылку, Мелузов останавливается у двери.

Негина *(подходит к Мелузову)*. Ни слова, ради бога, ни слова! Если только любишь меня, молчи; я тебе после все скажу. *(Отходит и садится на свое место.)*

Нароков *(человеку)*. Ты сомневался, ты сомневался, глядя на меня, заплачу ли я тебе? Хорошо! ты хороший слуга! Вот тебе за добродетель награда! *(Дает десять рублей.)* Получи за вино, а сдачу себе возьми!

Человек. Покорнейше благодарю-с! *(Уходит.)*

Мелузов садится рядом с Нароковым, который, налив бокалы себе и Мелузову, встает.

Бакин. Спич, спич, господа! Послушаем.

Нароков. Александра Николавна! первый бокал за ваш талант! Я горжусь тем, что первый заметил его. Да и кому ж здесь, кроме меня, заметить и оценить дарование! Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь... о, проклятие!

Бакин. Запутался, Мартын Прокофьич.

Нароков *(с сердцем)*. Нет, я не запутался. В робких шагах дебютантки, в первом, еще наивном лепете я угадал будущую знаменитость. У вас есть талант, берегите его, растите его! Талант есть лучшее богатство, лучшее счастие человека! За ваш талант! *(Пьет.)*

Негина. Благодарю вас, Мартын Прокофьич!

Бакин. Браво!

Дулебов. А он говорит довольно складно.

Нароков *(Мелузову)*. Налейте мне и себе.

Мелузов наливает. Нароков поднимает бокал.

Второй бокал за вашу красоту!

Негина *(встает)*. Ах, что вы! Зачем!

Нароков. Вы не признаете за собой красоты? Нет, вы красавица. Для меня, где талант, там и красота! Я всю жизнь поклонялся красоте и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! *(Пьет и ставит бокал.)* Теперь позвольте мне на прощанье поцеловать вашу руку! *(Становится на колени перед Негиной и целует ее руку.)*

Негина *(сквозь слезы)*. Встаньте, Мартын Прокофьич, встаньте!

Великатов. Довольно, Мартын Прокофьич! Вы расстраиваете Александру Николавну!

Нароков. Да, довольно! *(Встает, делает несколько шагов к стеклянной двери и останавливается.)*

В дверях из другой залы появляются обер-кондуктор, прислуга и несколько пассажиров.

Не горе и слезы,
Не тяжкие гны,
А счастия розы
Тебе суждены.
Те розы прекрасны,
То рая цветы.
И верь, не напрасны
Поэта мечты.
Но в радостях света,
В счастливые дни,

Страдальца поэта
И ты вспомяни!

(Отходит к самой двери.)

Судьбою всевластной
Нещадно гоним,
Он счастлив, несчастный,
Лишь счастьем твоим [1].

(Идет к дверям.)

Великатов и Негина. Мартын Прокофьич, Мартын Прокофьич!

Нароков. Нет, довольно, довольно, больше не могу. *(Уходит.)*

Негина *(знаком подзывает обер-кондуктора)*. Скажите, что пора ехать! Прошу вас.

Обер-кондуктор *(взглянув на часы)*. Еще немножко рано, а впрочем, как вам угодно. Господа, не угодно ли в вагоны садиться?

Домна Пантелевна. Ах, пустите меня вперед, господа! пустите, а то не поспею.

Обер-кондуктор. Пожалуйте направо, в последний вагон!

Уходят Домна Пантелевна, за ней обер-кондуктор, Негина, Смельская и Великатов, за ними Дулебов и Бакин. Негина скоро возвращается.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мелузов, Негина, потом Великатов и обер-кондуктор

Негина. Ну, Петя, прощай! судьба моя решена.

Мелузов. Как? Что? Что ты?

Негина. Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

Мелузов. Чья же ты?

Негина. Ну, что тебе знать? Все равно тебе. Так надо, Петя. Я долго думала, мы обе с маменькой думали. Ты хороший человек, очень хороший! Все, что ты говорил, правда, все это правда; а нельзя... Уж сколько я плакала, сколько себя бранила... Ты этого не понимаешь.

[1] Подлинные стихи одного неизвестного артиста сороковых годов *(Прим. А. Н. Островского.)*

Вот видишь ты; уж всегда так, уж так заведено, уж ведь... ну... все так; что ж, вдруг я одна... это даже смешно.

Мелузов. Смешно? Неужели смешно?

Негина. Да, конечно. Все правда, все правда, что ты говорил, так и надо жить всем, так и надо... А если талант... если у меня впереди слава? Что ж мне, отказаться, а? А потом жалеть, убиваться всю жизнь... Если я родилась актрисой!..

Мелузов. Что ты, что ты, Саша! разве талант и разврат нераздельны?

Негина. Да нет, не разврат! Ах, какой ты! *(Плачет.)* Ты ничего не понимаешь... и не хочешь меня понять. Ведь я актриса; а ведь, по-твоему, нужно быть мне героиней какой-то. Да разве всякая женщина может быть героиней? Я актриса... Если б я и вышла за тебя замуж, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену, хотя за маленькое жалованье, да только б на сцене быть. Разве я могу без театра жить?

Мелузов. Это для меня новость, Саша.

Негина. Новость! Потому и новость, что ты до сих пор души моей не знал. Ты думал, что я могу быть героиней; а я не могу... да и не хочу. Что ж мне быть укором для других? Вы, мол, вот какие, а я вот какая... честная!.. Да другая, может быть, и не виновата совсем; мало ль какие обстоятельства, ты сам посуди: или родные... или там обманом каким... А я буду укорять? Да сохрани меня господи!

Мелузов. Саша, Саша, да разве честная жизнь укор для других? Честная жизнь — хороший пример для подражания.

Негина. Ну, вот видишь ты; значит, я глупа, значит, ничего не понимаю... А мы с маменькой так рассудили... мы поплакали, да и рассудили... А ты хочешь, чтоб я была героиней. Нет, уж мне куда же бороться... Какие мои силы! А все, что ты говорил, правда. Я никогда тебя не забуду.

Мелузов. Не забудешь? И за то спасибо!

Негина. Это были лучшие дни в моей жизни, уж у меня больше таких не будет. Прощай, милый!

Мелузов. Прощай, Саша!

Негина. Я как сбиралась, все плакала о тебе. На вот! *(Достает из дорожной сумки волосы, завернутые в*

бумажку.) Я у себя отрезала полкосы для тебя. Возьми на память.

Мелузов *(кладет в карман)*. Благодарю, Саша.

Негина. Если хочешь, я еще отрежу, хоть сейчас. *(Достает из сумки ножницы.)* На, отрежь сам!

Мелузов. Не надо, не надо.

Великатов отворяет дверь.

Великатов. Александра Николаевна, пожалуйте! Сейчас последний звонок.

Негина. Сейчас, сейчас! Уйдите!

Великатов уходит.

Ну, прощай! только ты не сердись на меня! Не брани меня! Ну, прости меня! А то мне тяжело будет, у меня никакой радости не будет. Прости меня! Я на коленях буду умолять тебя.

Мелузов. Не надо, не надо. Живи как хочешь, как умеешь! Я одного только желаю, чтоб ты была счастлива. Только сумей быть счастлива, Саша! Ты обо мне и об моих словах забудь; а хоть как-нибудь, уж по-своему, сумей найти себе счастье. Вот и все, и вопрос жизни решен для тебя.

Негина. Так ты не сердишься? Ну, вот и хорошо... ах, хорошо! Только послушай, Петя. Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузов. Что ты, Саша!

Негина. Нет, пожалуйста, не откажись. Я, как сестра... я, как сестра, Петя. Ну, доставь ты мне эту радость!.. Как сестра... Чем же я тебе за все добро твое?..

Входит обер-кондуктор.

Обер-кондуктор. Я за вами пришел. Пожалуйте садиться; сейчас поезд отходит!

Негина *(бросается на шею Мелузову)*. Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчик! *(Вырывается из объятий и бежит к двери.)* Напиши, Петя, напиши! *(Уходит; за ней обер-кондуктор.)*

Мелузов смотрит в растворенную дверь. Звонок. Слышен свисток кондуктора, потом свист машины, поезд трогается. Из другой залы выходят трагик и Васи.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мелузов, трагик и Вася.

Трагик. Что ты сказал? Она уехала?

Вася. Да, брат, уехала наша Александра Николавна. Прощай! Только и видели.

Трагик. Ну что ж; мы с тобой будем плакать в одну урну и заочно пожелаем ей счастливого пути.

Входят Смельская, Дулебов и Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мелузов, трагик, Вася, Смельская, Дулебов и Бакин.

Бакин *(хохочет)*. Это бесподобно! Я ему кричу: «Выходите, а то вас увезут!» А он говорит: «Пусть увезут, я нисколько не обижусь. До свиданья, господа!» Бесподобно! Значит, он их повез в свою усадьбу?

Смельская. Это очень заметно было; я сейчас догадалась. Разве Негина может ехать в семейном вагоне? Из каких доходов? Ей с маменькой место в третьем классе, прижавшись в уголку.

Бакин. Так зачем же он врет, что провожает?

Смельская. Чтоб избежать разговоров; скажи он, что едет вместе с ними, сейчас бы пошли насмешки, остроты; да вы первые бы начали. А он стыдится, что ли, или просто не любит таких разговоров, я уж не знаю. Он сделал очень умно.

Дулебов. Я вам говорил, что он человек умный.

Бакин. А мы-то желаем счастливого пути госпоже Негиной! Да чего уж счастливее. Ну, если б я знал это, я бы от души пожелал Великатову голову сломать. А ведь бывает же, князь, что иногда стрелочник пьян напьется... Вот теперь встречный поезд проходит; вдруг на разъезде трах!

Мелузов бросается к двери.

Что вы, куда вы? Спасать? Не поспеете. Да и не бойтесь! Такие люди, как Великатов, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят.

Мелузов останавливается.

Побеседуемте, молодой человек! Или вы, может быть, застрелиться торопитесь? Так я вам не помешаю, стреляйтесь, стреляйтесь! Ведь студенты при всяких неудачах стреляются.

Мелузов. Нет, я не застрелюсь.

Бакин. Пистолета не на что купить. Так я вам куплю на свой счет.

Мелузов. Покупайте для себя.

Бакин. Что же вы теперь, за какое дело приметесь? Опять учить?

Мелузов. Да. Что же больше делать? Это наше занятие, наша обязанность.

Бакин. И опять актрису?

Мелузов. Хоть бы и актрису.

Бакин. Опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихом себя считать?

Мелузов. Смейтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я вас обезоружу, я сам вместе с вами буду смеяться над собой. Ведь смешно, действительно смешно. Бедняк, на трудовые деньги выучился трудиться: ну и трудись! А он вздумал любить! Нет, этой роскоши нам не полагается.

Смельская. Ах, какой милый! *(Посылает рукой поцелуй.)*

Мелузов. У нас, у горемык, у тружеников, есть свои радости, которых вы не знаете, которые вам недоступны. Дружеские беседы за стаканом чаю, за бутылкой пива о книжках, которых вы не читаете, о движении науки, которой вы не знаете, об успехах цивилизации, которыми вы не интересуетесь. Что ж нам еще! А я вторгся, так сказать, в чужое владение, в область беспечального пребывания, беззаботного времяпровождения, в сферу красивых, веселых женщин, в сферу шампанского, букетов, дорогих подарков. Ну, как же не смешно! Конечно, смешно.

Смельская. Ах, какой он милый!

Бакин. Вы не обидчивы; а я думал, что вы меня на дуэль вызовете.

Мелузов. Дуэль? Зачем? У нас с вами и так дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы развращаете.

Трагик. Благородно! *(Васе.)* Спрашивай шампанского!

Мелузов. Вот и давайте бороться: вы свое дело делайте, а я буду свое. И посмотрим, кто скорее устанет. Вы скорее бросите свое занятие; в легкомыслии немного привлекательного; придете в солидный возраст, совесть взъярит. Бывают, конечно, и такие счастливые натуры, что до глубокой старости сохраняют способность с удивительною легкостью перелетать с цветка на цветок; но это исключения. Я же свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшать людей или малодушно погружусь в бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу. *(Надвигает шляпу и закутывается пледом.)*

Вася. Шампанского!

Трагик. Полдюжины!

СОДЕРЖАНИЕ

Гроза. *Драма в пяти действиях.* 5

Лес. *Комедия в пяти действиях* 64

Волки и овцы. *Комедия в пяти действиях.* 151

Бесприданница. *Драма в четырех действиях.* 251

Таланты и поклонники. *Комедия в четырех действиях.* . . . 328

Александр Николаевич ОСТРОВСКИЙ

ПЬЕСЫ

Редактор
Е. А. Ромашкина

Художественный редактор
Е. М. Борисова

Оформление художников
Ю. Ф. Копылова,
Б. В. Столярова

Технический редактор
К. И. Заботина

Подписано к печати 07.04.82.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,00. Уч.-изд. л. 20,94.
Тираж 200 000 экз. Цена 1 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в Днепропетровской областной книжной типографии,
Днепропетровск-91, ГСП-104, улица Горького, 20.
Заказ № 144.